

Национальный фонд
защиты детей от жестокого обращения

Всероссийская
научно-практическая
конференция

Российская система защиты детства: проблемы и перспективы

электронный бюллетень
по материалам конференции

Москва
15-16 сентября 2009 года

Оглавление

Бюллетень подготовлен Агентством социальной информации.

Выпущено в рамках социально значимого проекта «Слышать ребенка», реализуемого на средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 14 апреля 2008 года.

Над выпуском работали:

Наталья Шувалова, Мария Проппер, Елена Дубченко,
Нина Балясникова, Геннадий Шалаев, Елена Крючкова.
Дизайн и верстка - Александр Фурменков.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ 11

**ПРОФИЛАКТИКА КАК ОСНОВНОЙ ПРИОРИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ.** 13

НА СТЫКЕ ПОЛНОМОЧИЙ, ДИСЦИПЛИН И ИНТЕРЕСОВ . . . 13

Надежда Герасимова, заместитель председателя
Государственной Думы Федерального собрания РФ 13

Марина Егорова, президент Национального фонда
защиты детей от жестокого обращения 16

Андрей Лапин, заместитель начальника
департамента охраны общественного порядка
Министерства внутренних дел РФ 21

Елена Возжаева, заместитель начальника отдела нормативно-
правового регулирования и методического обеспечения
деятельности по опеке и попечительству в отношении несо-
вершеннолетних департамента государственной политики в
сфере воспитания, дополнительного образования и социаль-
ной защиты Министерства образования и науки РФ 22

Алексей Головань, Уполномоченный
при Президенте РФ по правам ребенка 25

Наталья Яковлева, начальник управления
по правам ребенка аппарата Уполномоченного
по правам человека в РФ 29

Марина Гордеева, председатель правления Фонда
поддержки детей, находящихся в трудной жизненной
ситуации 34

Дина Зелинская, эксперт-консультант Национального
фонда защиты детей от жестокого обращения 37

Сергей Борзов, вице-президент Благотворительного
фонда «Новое развитие», тренер Национального
фонда защиты детей от жестокого обращения 41

Евгения Росинская, директор Информационного
центра Совета Европы 46

Рифкат Мухамедрахимов, заведующий кафедрой
социальной адаптации и психологической коррекции
личности факультета психологии Санкт-Петербургского
государственного университета 47

РЕГИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ 52

Томская область: система защиты детства –
как все начиналось 52

Алтайский край: благоприятные условия для перемен 55

Рязанская область: охрана прав детей в системе
социальной защиты 57

ПРАКТИКА: ВЫЯВЛЕНИЕ И РЕАБИЛИТАЦИЯ. 61

Татьяна Марголина,
Уполномоченный по правам человека в Пермском крае
Проблема субъектности ребенка в вопросах защиты
от жестокости и насилия 61

Евгений Цымбал,
директор ГОУ ЦПМСС «Озон»
Медико-психологическое сопровождение детей,
пострадавших от сексуальных посягательств 65

Роман Йорик,
председатель правления Санкт-Петербургской общественной
организации «Врачи детям»

Модели помощи детям, пострадавшим от насилия
в Санкт-Петербурге 68

Зинаида Бодановская,
исполнительный директор РОО «Стеллит»

Порнографические материалы с участием несовершеннолет-
них: анализ случаев и рекомендации по противодействию. . 71

**РЕЗУЛЬТАТЫ ДИСКУССИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ
ПАРАЛЛЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ КОНФЕРЕНЦИИ) 75**

**СЕКЦИЯ «НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ,
МЕЖВЕДОМСТВЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ПРОФИЛАКТИКИ ЖЕСТОКОГО
ОБРАЩЕНИЯ И ПОСЛЕДУЮЩЕЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ДЕТЕЙ»**

Надежда Иванова,
заведующая лабораторией социальных проблем
детства Института семьи и воспитания Российской академии
образования

Создание единого правового пространства
в сфере защиты прав ребенка 75

Борис Альтшулер,
руководитель региональной общественной организации
содействия защите прав детей «Право ребенка»

Четыре системообразующих шага, необходимых
для построения современной системы защиты детства
в Российской Федерации 77

Любовь Морозова,
начальник отдела координации и мониторинга услуг Департа-
мента по вопросам семьи и детей Томской области

Нормативно-правовое регулирование системы профилактики
социального сиротства в Томской области 80

Татьяна Тимофеева,
начальник отдела охраны прав детства Управления образова-
ния и науки Тамбовской области

Нормативно-правовое обеспечение деятельности по внедре-
нию технологии раннего выявления детей и семей группы
риска на территории Тамбовской области 82

Ирина Сперанская,
консультант управления организации и осуществления
деятельности по опеке и попечительству департамента
образования Новосибирской области

Нормативно-правовое регулирование деятельности
по защите прав детей в Новосибирской области. 84

Антон Жаров,
адвокат КА «Безруков, Доронин и партнеры», преподаватель
школы приемных родителей БФ «Семья»

«Белые пятна» и «узкие места» в правовом
регулировании вопросов отобрания ребенка из семьи
как радикальной меры защиты от жестокого обращения . . . 89

Елена Андреева,
заместитель директора Центра фискальной политики

Оценка эффективности реформ социальной
защиты детства. 100

Юлия Сакулина,
начальник отдела по оптимизации бизнес-процессов Главного
информационно-вычислительного центра Федерального агент-
ства по образованию

Российская система защиты детства: официальное
статистическое наблюдение 104

Анна Берникова,
главный редактор журналов «Приемная семья», «Многодетная
семья», руководитель Центра коррекционного и реабилитац-
онного образования ФГУ ФИРО

Роль СМИ в реабилитации детей, пострадавших
от насилия и жестокого обращения 105

СЕКЦИЯ «ЛУЧШИЕ ПРАКТИКИ РАННЕГО ВЫЯВЛЕНИЯ СЕМЕЙНОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ ПОМОЩИ СЕМЬЯМ ГРУПП РИСКА» 107

*Лариса Алексеева,
заведующая лабораторией социально-психологических проблем семьи «Институт семьи и воспитания» Российской академии образования*

Феномен социального исключения семей с детьми в условиях современной России 107

*Людмила Петрановская,
семейный психолог, специалист по семейному устройству детей-сирот, автор книги «В класс пришел приемный ребенок»*

Риски и опасности борьбы за безопасность. 113

*Сергей Борзов,
вице-президент Благотворительного фонда «Новое развитие», врач-психотерапевт, тренер Национального фонда защиты детей от жестокого обращения, Томская область*

Проблемы внедрения технологии раннего выявления семейного неблагополучия 119

*Ника Травникова,
заместитель директора, руководитель отдела по взаимодействию с сиротскими учреждениями Благотворительного фонда «Корчаковский центр», Санкт-Петербург*

Работа с семьей в сложной жизненной ситуации. Опыт Корчаковского центра в работе с выпускниками сиротских учреждений 124

*Максим Костенко,
заместитель начальника Главного управления Алтайского края по социальной защите населения и преодолению последствий ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне*

Поддержка ответственного родительства в контексте социальной работы с кризисными семьями 127

*Татьяна Шайдо,
директор областного государственного образовательного учреждения «Зырянский детский дом», Томская область*

Территориальная модель профилактики социального сиротства, реализованная детским домом 129

*Регина Тупицына,
директор Детского благотворительного фонда «Милосердие», Петрозаводск*

Взаимодействие с муниципальными и региональными органами управления по вопросу предоставления адресной социальной поддержки и адаптации детей из семей, находящихся в социально опасном положении 131

СЕКЦИЯ «РАЗВИТИЕ РЕАБИЛИТАЦИОННЫХ УСЛУГ ДЛЯ ДЕТЕЙ, ПОСТРАДАВШИХ ОТ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ И ПРЕНЕБРЕЖЕНИЯ, И ИХ СЕМЕЙ» 134

*Марианна Вронская,
председатель правления службы помощи несовершеннолетним женщинам «Голуба»*

Причины недостаточного развития реабилитационных услуг для детей и семей с детьми. 135

*Валентина Хухлина,
Институт повышения квалификации Департамента социальной защиты населения Москвы*

Формы работы организаций некоммерческого сектора с семьями и детьми, пострадавшими от жестокого обращения 138

*Святослав Довбня,
детский невролог, консультант Firefly, член международной консалтинговой группы The Evo Grope, Санкт-Петербург*

Как ранние отношения делают нас такими, какие мы есть? – Нейроэндокринный стресс и влияние пренебрежения и насилия на развитие мозга ребенка 140

*Людмила Шипицына,
заведующая кафедрой специальной психологии Санкт-Петербургского государственного университета, ректор НОУ ВПО «Институт специальной педагогики и психологии»*

Семейное неблагополучие как причина
детской девиантности 145

*Ирина Алексеева,
генеральный директор Санкт-Петербургского фонда
кризисной психологической помощи детям и подросткам
«Новые шаги», эксперт Национального фонда защиты детей
от жестокого обращения*

Некоторые аспекты психологической помощи семьям, в
которых дети подвергаются насилию или пренебрежению
нуждами. 150

*Александра Марова,
президент Новосибирской городской общественной
организации «СибМама»*

Технология профилактики отказов от новорожденных:
эффективные модели и возможности внедрения 154

*Лариса Самарина,
директор АНО «Новгородский детский центр», эксперт
Национального фонда защиты детей от жестокого обращения*

Опыт и результаты применения программы «Зрелое
родительство» для матерей, воспитывающих детей
раннего возраста 158

**КРУГЛЫЙ СТОЛ «СЛЫШАТЬ РЕБЕНКА: КАК СДЕЛАТЬ
ДЕТСКИЕ ТЕЛЕФОНЫ ДОВЕРИЯ БОЛЕЕ ДОСТУПНЫМИ?» . 162**

Ольга Зудина, педагог-психолог ГОУ ЦПМСС «Юго-Запад» . 162

Вопросы и комментарии к докладу 164

*Анна Холопова, заведующая отделом экстренной
психологической помощи ГОУ ЦПМСС «Юго-Восток»,
педагог-психолог, начальник СЭПП 166*

Вопросы и комментарии к докладу 168

*Галина Будневич, педагог-психолог, методист
ГОУ ЦПМСС «Живые потоки» 170*

Вопросы и комментарии к докладу 172

ПРИЛОЖЕНИЯ 173

РЕЗОЛЮЦИЯ 176

ИНТЕРВЬЮ 185

*Марина Гордеева,
председатель правления Фонда поддержки детей,
находящихся в трудной жизненной ситуации:*

«Переосмысление системы, которая постоянно
воспроизводит сама себя...» 185

*Людмила Эфтимович,
начальник департамента по
вопросам семьи и детей администрации Томской области*

«Наша задача – мягко реформировать систему» 188

*Рифкат Мухамедрахимов,
доктор психологических наук, профессор, заведующий
кафедрой социальной адаптации и психологической коррекции
личности факультета психологии Санкт-Петербургского
государственного университета*

«Смотрим, но не видим» 192

*Сергей Борзов,
вице-президент Благотворительного фонда «Новое развитие»,
врач-психотерапевт, тренер Национального фонда защиты
детей от жестокого обращения*

«Бить нельзя, но иногда можно...» 197

Евгений Цымбал,
руководитель Центра психолого-медико-социального
сопровождения «ОЗОН»

«Время лечит – это очень опасная идея» 200

Максим Костенко,
заместитель начальника главного управления Алтайского края
по социальной защите населения и преодолению последствий
ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне

«Вектор развития: профилактика, реабилитация и
межведомственная координация действий» 204

От составителей

15–16 сентября 2009 года в Москве прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Российская система защиты детства: проблемы и перспективы». Ее организовал Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения при поддержке Администрации Президента РФ.

Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения – некоммерческая организация, реализующая масштабные проекты, направленные на оптимизацию системы управления в сфере защиты детства, повышение квалификации специалистов, работающих с детьми, развитие технологий помощи семье и детям. Национальный фонд разрабатывает и внедряет региональные и муниципальные модели профилактики социального сиротства, реализует образовательные программы, оказывает экспертные и консультационные услуги, издает книги, информационные и аналитические материалы и т.д. Фонд имеет опыт работы более чем в 15 регионах России, в 26 городах и сельских муниципальных образованиях Российской Федерации.

Московская конференция стала итоговой: ей предшествовали две межрегиональные конференции – в Томске и Петрозаводске, проведенные Национальным фондом совместно с региональными органами исполнительной власти весной 2009 года. Все три конференции были организованы в рамках проекта «Слышать ребенка» на средства господдержки, выделенной в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента РФ от 14 апреля 2008 года. Кроме того, в июне 2009 года Национальный фонд вместе с Фондом поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, провел Международную научно-практическую конференцию «Детство без жестокости и насилия: защита и помощь». Таким образом, всероссийская конференция в Москве стала итогом длительной работы по обобщению инновационного опыта в области профилактики социального сиротства и жестокого обращения, развития семейных форм жизнеустройства детей.

[В итоговую резолюцию](#), представленную в Администрацию Президента РФ, вошли предложения, сформулированные участниками всех трех конференций проекта «Слышать ребенка».

Во Всероссийской конференции участвовало более 250 человек из 35 регионов РФ – представители федеральных и региональных органов власти, органов местного самоуправления, эксперты в области социальной защиты детства, специалисты учреждений социального обслуживания, здравоохранения, образования, бизнес-структур и некоммерческих организаций. Приветствия в адрес участников конференции направили председатель Госдумы РФ Борис Грызлов, председатель Комитета Госдумы РФ по вопросам семьи, женщин и детей Елена Мизулина, полпред Президента РФ в Центральном федеральном округе Георгий Полтавченко, министр внутренних дел Рашид Нургалиев.

В бюллетень, который предлагается вашему вниманию, включено большинство выступлений, прозвучавших на пленарных заседаниях, в ходе работы секций и круглых столов. Выступления приводятся в сокращении.

В зеркале статистики

2,5% детского населения России (800 тыс. детей) – сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей. В Великобритании этот показатель составляет 0,5%, в США – 0,6%, в Германии – 0,89%. Ежегодно родительского попечения лишаются более 130 тыс. детей. Из них 70% уходят на воспитание в семьи, 30% – в детские интернатные учреждения.

В интернатных учреждениях воспитываются около 250 тыс. «семейных» детей. Только в 2008 году жертвами насилия стали 126 тыс. детей, в результате этих преступлений погибли 1914 человек.

12,5 тыс. несовершеннолетних почти ежегодно числятся в розыске. 760 тыс. живут в социально опасных условиях. За 6 месяцев 2009 года несовершеннолетними было совершено 48,2 тыс. преступлений, 265,8 тыс. привлечены к административной ответственности. (по сведениям Государственного доклада «О положении детей в Российской Федерации» и данным МВД РФ)

Профилактика как основной приоритет государственной политики

(по материалам пленарного заседания «Профилактика жестокого обращения и насилия над детьми: вопросы государственной политики»)

На стыке полномочий, дисциплин и интересов

Российская система защиты детства переживает период активной модернизации. Улучшение положения детей признается одной из основных стратегических задач государства. Построение современной системы защиты детства в России – сложный и многогранный процесс, требующий межведомственного и междисциплинарного подхода. Сегодня в него вовлечены законодательные и исполнительные органы власти, государственные учреждения, российские общественные институты, международные организации, научное сообщество. Они занимаются разными аспектами проблемы, предлагают новые подходы, но едва ли не в один голос говорят о том, что «центр тяжести» новой системы защиты детства должен приходиться на профилактику кризисных ситуаций.

Надежда Герасимова,
заместитель председателя Государственной
Думы Федерального собрания РФ

Что уже сделано в Государственной Думе

В Госдуме РФ по нашей теме подготовлено много документов, в том числе Концепция государственной политики в об-

ся проблем. [В субъектах Российской Федерации такая работа уже ведется](#). Конечно, во многом это зависит от руководителей региона...

Необходимо создавать качественные системы оказания своевременной профилактической поддержки, предупреждения семейного неблагополучия и полноценной реабилитации пострадавших. Ведь именно в семье закладываются азы отношения к детям. Борьба с преступлениями, затрагивающими интересы детей, должна носить системный характер и быть частью законодательства.

Социальные стандарты

У нас до сих пор не выработаны социальные стандарты. Что такое неблагополучная семья? Много в ней детей? С одним ребенком, без ребенка? Полная, неполная? Есть многодетные семьи, которые живут хорошо, и семьи, где один-два ребенка, а живут плохо. Мы должны выработать критерии определения семей на грани плохого обеспечения образования, здоровья, которые не могут содержать детей, и определить, какую помощь им может оказывать государство. Эти критерии должны быть закреплены законом, чтобы в любом субъекте Федерации, в любом муниципальном образовании они получали помощь, в первую очередь, материальную. Потому что от материального состояния зависит и образование, и медицинские услуги и многое другое.

Начать с себя

Нам сегодня есть, над чем работать. Но в первую очередь, мы должны обратиться к себе, к нашей социальной позиции и ответить на вопросы: почему и откуда берется жестокое отношение к самым незащищенным – детям? где грань, за которой человек, поднявший руку на ребенка, может жить спокойно в нашем государстве, гражданском обществе? как можно родить ребенка, а потом оставить его на попечение государства и не нести никакой ответственности? где предел равнодушия, и почему мы проходим мимо, когда слышим плач ребенка? Бережное отношение к детям должно стать не девизом, а нормой жизни. Мы ждем от вас предложений.

ласти духовно-нравственного воспитания детей в Российской Федерации и защиты их нравственности до 2020 года. На основе этой концепции подготовлены 14 законодательных актов, связанных с положением детей и нашим отношением к детям. Четыре из них уже приняты Госдумой, пятый – рассматривается. Конечно, в этом есть большая заслуга президента Медведева, который едва ли не в каждом выступлении касается наших детей.

[Проект Концепции государственной политики в области духовно-нравственного воспитания детей в Российской Федерации и защиты их нравственности](#) разработан по инициативе Общественного совета Центрального федерального округа совместно с Комиссией Общественной палаты РФ по социальной и демографической политике, Комитетом Госдумы по вопросам семьи, женщин и детей, Комитетом Госдумы по культуре, Комитетом Госдумы по делам молодежи.

В течение весенней сессии Дума приняла закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ» (от 27.07.09 N 215-ФЗ). Он усиливает ответственность за преступления против жизни, здоровья и половой неприкосновенности несовершеннолетних. Дума также рассмотрела проект закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты РФ в целях обеспечения гарантий прав детей на надлежащее воспитание», ко второму чтению мы с вами сможем подготовить к нему поправки. В проекте предусмотрены: право на надлежащее воспитание детей, особую заботу и помощь, гарантии на реализацию этого права, содействие их физическому и духовно-нравственному развитию и недопущение воздействия на здоровье и развитие. Однако сегодня законодательство не решает всех задач по искоренению жестокости и насилия по отношению к детям.

Пока у нас так подготовлены нормативно-правовые документы, что начинаем заниматься семьями и детьми, когда худшее произошло. Мы идем за ситуацией, а не опережаем ее. Поэтому достичь результатов снижения семейного неблагополучия трудно. Нужно внести изменения в правовые акты, чтобы мы могли приходить в семьи на стадии намечающих-

---

Марина Егорова,
президент Национального фонда защиты детей
от жестокого обращения

Нужно перевернуть пирамиду...

Среди приоритетов государственной социальной политики в отношении защиты детства ключевую роль играет раннее выявление семейного неблагополучия и жестокого обращения с детьми, создание комплексной системы профилактики и реабилитации семьи и ребенка, а также принятие мер по защите детей от жестокости и насилия. Это очень важно, поскольку именно жестокое обращение, сопутствующее семейному неблагополучию, является первопричиной многих негативных социальных явлений в жизни ребенка и взрослых членов семьи, коренной причиной беспризорности и безнадзорности, правонарушений и социального сиротства.

[Рисунок 1 \(Взаимосвязь семейных кризисов и положения ребенка\) показывает](#), как влияет кризис на положение ребенка. Жирной горизонтальной чертой обозначены границы ранней стадии кризиса.

Опыт показывает: когда семье своевременно – то есть на ранней стадии кризиса – оказана помощь, дальнейшее нарушение прав ребенка, лишение родителей прав и социальное сиротство можно предотвратить.

Именно поэтому раннее выявление кризиса и своевременная помощь помогают экономить государственные средства. Если средства в системе социальной защиты детства идут в основном на содержание детей в стационарных учреждениях, это связано в первую очередь с тем, что не практикуется раннее выявление семейного кризиса. Когда дети попадают в поле зрения государства, ему ничего не остается, как только взять на себя функции опекуна и попечителя. Региональные исследования показывают, что эффективные затраты на раннее выявление семейного кризиса окупаются в течение пяти-восьми лет. Пирамиду надо перевернуть: основные затраты должны идти на профилактические услуги, и тогда не придется тратить огромные деньги на содержание и обеспечение

детей, оставшихся без попечения родителей. Короче говоря, раннее выявление – то ключевое звено, тот ключевой фактор, который определяет модернизацию всей системы социальной защиты детства, ее переход на новый качественный уровень развития по защите прав ребенка.

Уже сделаны существенные шаги в этом направлении. Но работа по раннему выявлению семейного кризиса пока не стала непрерывно действующей системой на всей территории страны. Есть ли в нашей системе потенциал для решения поставленной задачи, и если есть, то в чем он?

Потенциал есть

Я убеждена, что потенциал кроется именно в том, в чем мы так часто обвиняем нашу систему социальной защиты детства: нет важнейших звеньев, не прописаны механизмы взаимодействия, нет алгоритма и установленного порядка сотрудничества разных структур... Но на самом деле все это говорит о потенциале системы. Она находится в стадии становления, и на нее целесообразно смотреть с точки зрения ресурсов для развития. Глядя под таким углом, мы видим одну из наиболее динамично меняющихся систем. Она легко усваивает инновации, и каждые три-пять лет в нее внедряется целая группа новых услуг и алгоритмов. Просто мы не привыкли этого замечать.

Факторы развития системы

Какие же факторы способны ускорить построение системы, ориентированной на раннее выявление семейного кризиса, в национальном масштабе?

1. Совершенствование федерального законодательства

Первое. В определении категории детей и семей, в отношении которых государство осуществляет меры по защите прав, действующие правовые акты не согласованы. Федеральное законодательство выделяет следующие категории:

- «дети в трудной жизненной ситуации» («Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24.07.98 № 124-ФЗ);

- «дети и семьи в социально опасном положении», «дети, нуждающиеся в помощи государства» («Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24.06.99 № 120-ФЗ);
- «дети, оставшиеся без попечения родителей» (Семейный кодекс РФ от 29.12.95 № 223-ФЗ).

Нам нужно на региональном уровне выстраивать единую систему раннего выявления и комплексной профилактической помощи. Поэтому так важно общее понимание того, как верифицируются категории детей с высоким риском жестокого обращения. В нынешних условиях такое понимание выработать очень трудно.

Второе. Раннее выявление фактов жестокого обращения осуществляют, в первую очередь, специалисты детских учреждений разной ведомственной принадлежности. В Семейном кодексе определены обязанности должностных лиц и иных граждан, которым известно об угрозе жизни или здоровью ребенка, о нарушении его прав и законных интересов. Они обязаны сообщить об этом в органы опеки и попечительства по месту фактического нахождения ребенка. Но ответственность за неисполнение этих обязанностей не определена. В итоге – факты не выявляются. Это препятствует раннему выявлению.

Третье. В отличие от детально урегулированной в федеральном законодательстве деятельности органов опеки и попечительства по устройству детей, оставшихся без попечения родителей, порядок принятия этими органами мер по защите прав и законных интересов ребенка, живущего в семье и нуждающегося в помощи государства, не определен. Не предусмотрено единого порядка подготовки плана по защите прав ребенка, общих требований к содержанию такого плана. Все это создает поле для межведомственной разобщенности. Решить весь круг подобных вопросов могло бы утверждение концепции развития правового регулирования деятельности в сфере защиты прав детей, законодательное закрепление понятий.

2. Обновление инструментария государственного статистического наблюдения

Это необходимо, чтобы объективно оценивать ситуацию с защитой прав детей. Пока для статистического наблюдения не введены единые критерии фиксации случаев нарушения прав детей и жестокого обращения. В связи с новыми задачами, стоящими перед системой социальной защиты детства, статистический инструментарий необходимо обновить в целях мониторинга и оценки продвижения в решении этих задач.

3. Реализация новых задач социальной политики и использование созданных механизмов на региональном уровне

Соответствующие региональные программы нуждаются в методическом сопровождении на стадии разработки. Регионам нужен инструментарий оценки объема потребностей в услугах семье и детям, анализ экономической и бюджетной эффективности для обоснования соответствующих расходов. Необходимо разработать типовой макет проведения анализа региональной ситуации, содержащий программу такого анализа, формы сбора первичного материала, включая статистические данные, формы анализа интерпретации данных. Макет позволит сделать расчеты затрат на основе определения численности клиентских групп и уровня потребности в услугах, анализа ресурсов региональной системы защиты детства, а также эффективности их использования, прогноза сделанных вложений. Это особенно важно при выстраивании системы раннего выявления, поскольку она требует бюджетирования на межведомственной основе.

4. Развитие рынка социальных услуг

Дети в сельской местности и в городах не имеют равного доступа к услугам государственных и муниципальных учреждений. Для создания равных условий необходимо вовлекать в процесс оказания помощи некоммерческие организации и учреждения разной ведомственной принадлежности. Для этого требуется переходить к конкурсным механизмам финансирования и разрабатывать стандарты качества бюджетных услуг. Это поможет расширить круг поставщиков, преодолеть привязку

услуги к ведомственной базе. И, конечно, должны быть разработаны не только стандарты, но и руководства по управлению услугой, которые определяют алгоритмы внедрения и методы планирования и контроля. Национальный фонд в партнерстве с рядом регионов такую работу выполняет.

5. Необходимо обновить систему управления деятельностью по защите прав детей в развитии кадрового потенциала социальных служб

Наряду с административно-финансовым контролем, нужно широко использовать современные методы контроля качества оказываемых услуг. Управленцы такой контроль осуществлять не могут, здесь необходимы узкие специалисты. Это удобно делать в форме профессиональной поддержки территориальных команд, которые занимаются проблемами профилактики сиротства, семейного жизнеустройства детей-сирот. Ядром этой технологии является супервизорские сессии, позволяющие, с одной стороны, отследить качество оказываемых услуг, а с другой – проконтролировать процесс и помочь специалисту справиться со сложными случаями. Такая супервизорская работа включает элемент обучения: обсуждая конкретный случай, супервизор помогает команде освоить те подходы и методы, которыми она еще не владеет.

Инструментарий развития кадрового потенциала – это вопрос управления. Переподготовка специалистов тоже должна измениться. Курсы переподготовки необходимо объединить с супервизорскими сессиями.

6. Сделать так, чтобы каждый ребенок мог обратиться за помощью, а каждый взрослый – сигнализировать о бедственном положении ребенка

Важную роль в системе защиты детства должны играть телефоны доверия. В течение 10 лет эти службы находились в тени, но сейчас, когда речь зашла о раннем выявлении, об этих службах вспомнили, и есть планы по их развитию. Мне кажется, в наших силах создать условия для эффективного развития системы социальной защиты детства и тем самым обеспечить лучшее настоящее и будущее для наших детей.

Андрей Лапин,

заместитель начальника департамента охраны общественного порядка Министерства внутренних дел РФ

Совершенствование правовой базы

Продолжается работа над целым пакетом законопроектов, направленных на противодействие развитию детской порнографии, защиту несовершеннолетних от информации, наносящей вред их здоровью и развитию. В целях защиты детей от лиц, ранее совершивших преступления в отношении несовершеннолетних, МВД России совместно с заинтересованными органами федеральной исполнительной власти проводит работу по сопровождению проекта Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». Актуальность названных законопроектов не вызывает сомнений и позволяет выразить уверенность в том, что на законодательном уровне будут приняты исчерпывающие меры по устранению пробелов нормативно-правового регулирования в сфере защиты прав и законных интересов детей.

О Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав

Вопросы противодействия в отношении преступных посягательств на несовершеннолетних в 2009 году рассматривались на заседаниях Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. В частности, обсуждались правовые и организационные аспекты борьбы с сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних, вопросы повышения эффективности профилактики преступлений, связанных с развратными действиями в отношении детей.

[Правительственная комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав была создана в 2006 году.](#) Она является координационным органом, образованным для обеспечения единого государственного подхода к решению проблем защиты прав и законным интересов несовершеннолетних. Комиссию возглавляет министр внутренних дел РФ Рашид Нургалиев.

ротства, их взаимодействие с четко обозначенными зонами ответственности, выстроенной вертикалью управления, инновационными технологиями работы и т.д. Необходимо, чтобы система имела научно-методическое обеспечение и кадровое сопровождение.

«...Приоритетным направлением деятельности органов опеки и попечительства по защите прав и интересов детей, в том числе права ребенка на семью, является организация профилактической работы с семьями и детьми (в первую очередь, с семьями, находящимися в социально опасном положении), предусматривающая создание условий для своевременного выявления и коррекции проблем на ранней стадии семейного неблагополучия, сохранения ребенка в родной семье». [Рекомендации по повышению эффективности деятельности органов опеки и попечительства по профилактике социального сиротства](#). Министерство образования и науки РФ, 30.06.08.

Нормативно-правовое сопровождение

Учитывая, что устойчивость и успешность работы любой системы зависит от ее нормативно-правового сопровождения, Минобрнауки проводит соответствующую работу в рамках законопроектной деятельности. В частности, речь идет о законопроекте «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»» в части совершенствования работы органов опеки и попечительства по профилактике социального сиротства.

Концепция и техническое задание согласованы с федеральными органами исполнительной власти, сам законопроект уже разработан. Он закрепляет обязанность органов опеки и попечительства осуществлять индивидуальную профилактическую работу с каждым ребенком, проживающим в семье, находящейся в социально опасном положении. Также планируется закрепить социальный патронат как форму индивидуальной профилактической работы, осуществляемой органами опеки и попечительства с родителями и законными представителями на основании договора. Не менее важной задачей остается профилактика вторичного сиротства. Естественно, позитив-

Нерешенных вопросов в сфере защиты детства, несомненно, немало. Многие сегодня зависят от скоординированности действий всех органов власти и общественных организаций на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Полагаю, участники конференции выскажут немало заслуживающих внимания предложений по совершенствованию системы защиты детства, в реализации которых может быть использована площадка Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Елена Возжаева,

заместитель начальника отдела нормативно-правового регулирования и методического обеспечения деятельности по опеке и попечительству в отношении несовершеннолетних департамента государственной политики в сфере воспитания, дополнительного образования и социальной защиты Министерства образования и науки РФ

Необходимо создавать комплексную межведомственную систему

[Отрадно, что приоритетом в работе многих регионов сегодня является раннее выявление проблемных семей, профилактическая и реабилитационная работа с ними](#). В Москве, Пермском и Краснодарском краях, Новосибирской, Калужской, Иркутской, Томской областях и других регионах приняты и действуют программные документы по профилактике социального сиротства. Конечно, в качестве первого этапа выстраивания системы профилактики социального сиротства такие программы достаточно успешно решают отдельные задачи. Но главная цель нашей совместной работы – организация системного, межведомственного профессионального взаимодействия. Поэтому мы ориентируем субъекты Федерации на необходимость создания на всех уровнях комплексной межведомственной системы работы по профилактике социального сиротства, в которой должны присутствовать все элементы: общегосударственная идеология, цели, задачи, принципы работы, механизмы, субъекты профилактики социального си-

В методическом формате

Минобрнауки также акцентирует внимание на развитии системы служб сопровождения замещающих семей. Однако, как вы знаете, в настоящее время отсутствует правовая основа осуществления подобной работы. Поэтому министерство прорабатывает вопрос о законодательном закреплении полномочий по сопровождению замещающих семей профессиональными службами. Правовыми актами должны быть определены права и обязанности организаций, учреждений и семей, виды и формы их сопровождения. Также разрабатывается примерное положение о службе замещающих семей, которое будет направлено в регионы в порядке методической помощи. То есть, пока у нас нет нормативной базы, мы будем действовать в методическом формате. С целью создания в регионах инфраструктуры профессиональных служб центров оказания помощи семье и детям, пострадавшим от жестокого обращения, в марте 2009 года министерство направило в субъекты Федерации методические рекомендации по организации работы по профилактике жестокого обращения с детьми. В рекомендациях, в частности, подробно представлен опыт работы Центра психолого-медико-социального сопровождения «Озон», созданного в 1996 году в Москве.

Алексей Головань,
Уполномоченный при Президенте РФ
по правам ребенка

Приоритеты и направления деятельности

Безусловно, [создание института уполномоченного по правам ребенка](#) – важный шаг. Сейчас мы определяем приоритеты, которыми будет руководствоваться институт уполномоченного. В стране много проблем в сфере защиты детства, в сфере защиты прав детей. Поэтому мы решили сконцентрироваться на нескольких основных направлениях, а в дальнейшем мы, видимо, будем брать на себя и другие вопросы.

ная динамика устройства сирот в замещающие семьи, которая наблюдается на протяжении последних трех лет, сопровождается такими проблемами, как отказ от детей, возвращение их в детские учреждения, рост случаев физического, сексуального и психологического насилия над приемными детьми и т.д.

Одним из возможных путей улучшения ситуации в этой сфере является подготовка и тщательный отбор потенциальных родителей, включая психологическую диагностику. Федеральным законом «Об опеке и попечительстве» (N 48-ФЗ от 24.05.08) установлены полномочия органов опеки по подготовке кандидатов в замещающие родители. Законом допускается возможность такой подготовки, но пока она не является обязательной. Вместе с тем целесообразность ее подтверждена практикой и является одним из важных факторов профилактики возвратов детей из опекунских и приемных семей. В связи с этим Минобрнауки запланировало на 2010 год разработку проекта федерального закона о внесении изменений в Семейный кодекс РФ и в Закон «Об опеке и попечительстве» в части введения психологического обследования и обязательной подготовке граждан, желающих взять ребенка, оставшегося без попечения родителей, в свою семью. В соответствии с постановлением Правительства РФ N 423 «Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан» Минобрнауки разрабатывает программу подготовки. Она будет утверждена приказом министерства, снабжена пакетом методических рекомендаций и разъяснений и направлена в субъекты Федерации. В программе будет минимальный набор того, что необходимо дать при подготовке замещающих родителей. Каждый регион сможет дополнять ее своим, региональным, компонентом. В начале 2009 года была организована работа по сбору информации от субъектов РФ об организациях, которые могли бы выполнять функции по проведению психологической оценки кандидатов в замещающие родители. В настоящее время мы проводим анализ готовности регионов к проведению этой работы. Представляется, что такими организациями могли бы стать образовательные учреждения для детей, нуждающихся в психолого-педагогической и медико-социальной помощи, которых сейчас более 700...

Профилактика жестокого обращения и насилия над детьми: просвещение и информирование

С моей точки зрения, надо начать с масштабного просвещения и информирования детей, специалистов, работающих с детьми или в их интересах, всего общества об ответственности за действия, направленные против детей, о правилах безопасности для предотвращения преступных посягательств. Необходимо разъяснять, что такое насилие, каковы его виды, как себя вести, если ты стал жертвой либо свидетелем насилия, куда сообщать о насилии, какие организации и учреждения могут оказать помощь.

Регламент межведомственного взаимодействия и федеральные стандарты деятельности

Надо разработать и утвердить в правительстве регламент межведомственного взаимодействия по профилактике насилия и социального неблагополучия семей, социального сиротства; своевременному выявлению случаев жестокого обращения с детьми; оказанию помощи жертвам насилия. Необходимо разработать и утвердить федеральные стандарты деятельности в защите прав детей, опеки и попечительства, мотивировать руководителей регионов и ведомств, дополнив показатели эффективности их деятельности критериями, которые касаются положения с насилием в отношении детей.

Обучение и переподготовка специалистов

Нужно организовать масштабное обучение и переподготовку специалистов социальной сферы (педагоги, воспитатели, работники органов опеки и попечительства, в том числе работающие с жертвами насилия) через систему повышения квалификации и переподготовки кадров, внесение изменений в соответствующие образовательные стандарты.

Работа над законодательством

Безусловно, необходимо внести изменения в федеральные законы «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и «Об основах социального обслуживания населения в РФ», в Уголовно-

Первое направление – вопросы, связанные с насилием в отношении детей. Второе – проблемы защиты прав детей-сирот и выпускников интернатных учреждений. Третье – вопросы детской порнографии и проституции (они тесно переплетаются с первым направлением). Четвертое направление – улучшение положения детей-инвалидов. Конечно же, к одному из приоритетных направлений относятся проблемы по продвижению ювенальной юстиции. Думаю, что мы также попытаемся заняться вопросами детского алкоголизма. Это не значит, что мы не будем заниматься другими вопросами – нарушениями прав в области образования, алиментных обязательств и т.д. Но это будут вопросы второй очереди.

И еще три направления на ближайшее время. Необходимо заняться разработкой и утверждением национального плана действий в интересах детей. Если говорить о национальной политике в отношении детей, то должен быть документ, который эту политику закрепляет. К сожалению, в России такого плана нет. На какой период он должен быть – вопрос дискуссионный, это может быть и пять, и семь лет.

Безусловно, приоритетным направлением будет развитие института уполномоченного по правам ребенка в регионах.

Тем более, об этом сказано в Указе Президента ([«Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка» N 986 от 01.09.09](#)). Этот процесс в регионах уже идет, а наша задача – сделать так, чтобы он шел в правильном, конструктивном русле.

Еще один из важнейших моментов – подписание и ратификация Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии. Я считаю просто неприличным, что он до сих пор не принят нашей страной и не вижу этому никаких оправданий.

[Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии](#) принят резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 25 мая 2000 года. В протоколе есть определение торговли детьми, детской проституции и порнографии, указано, что должны делать государства для борьбы с этими явлениями... Его подписали и ратифицировали более 140 стран мира, включая страны бывшего СССР.

боте с проблемами насилия через введение соответствующих видов деятельности в аккредитационные показатели. Необходимо установить профилактику насилия в отношении детей, семейного неблагополучия, социального сиротства, оказание помощи и реабилитацию детей, пострадавших от жестокого обращения, в качестве приоритета социальных учреждений. Для этого нужно внести изменения в типовые положения об этих учреждениях.

Судебная практика

Полагаю, что Верховный суд РФ должен изучить и обобщить судебную практику по уголовными и гражданским делам, касающимся насилия в отношении детей, и рекомендовать районными судам выносить частные определения в отношении тех руководителей и должностных лиц, действия или бездействие которых привели к совершению насилия над ребенком. Это происходит сейчас в Ростовской области, в ювенальных судах.

Работа со СМИ

С моей точки зрения, необходимо активно мотивировать СМИ к освещению проблемы насилия путем соответствующих установок со стороны федеральных и региональных органов власти, предоставления государственных грантов, обучения журналистов и законодательного регулирования. Я понимаю, что этот перечень не может являться исчерпывающим, и приглашаю всех к обсуждению. Мы готовы сотрудничать: любые предложения и пожелания будут с благодарностью приняты.

Наталья Яковлева,

*начальник управления по правам ребенка аппарата
Уполномоченного по правам человека в РФ*

По состоянию на конец 2009 года [уполномоченные по правам человека есть в 50 субъектах Федерации](#). Общественные приемные федерального омбудсмена действуют [в шести регионах России](#).

процессуальный кодекс. Я бы предложил поразмышлять над тем, чтобы прямо закрепить законом запрет всех видов телесного наказания в семье и в учреждениях, где воспитываются, обучаются или лечатся дети.

Совершенствование статистики

Необходимо дополнение форм государственной статистики, потому что мы очень мало имеем форм статистических данных, которые позволяют анализировать динамику, масштаб проблемы, связанной с насилием в отношении несовершеннолетних.

Телефоны доверия

Крайне актуальным является создание бесплатных, круглосуточных телефонных линий по вопросам насилия в отношении детей. Речь идет не о телефоне, за которым сидит один психолог: успокоил ребенка, дал ему какие-то установки и на этом работа с ребенком закончилась. Я понимаю, что это должна быть целая служба, которая может при необходимости экстренно выехать по той или иной проблеме и встать на защиту ребенка или поднять необходимые службы, которые есть в районе, городе и т.д. Такие механизмы нужно создавать на базе имеющихся служб. Но при этом должен быть трехзначный номер, единый для всей страны, которым может воспользоваться ребенок в каждом регионе. Необходимо какое-то общее положение для этих служб, которое будет реализовано в регионах. Понятно, что это потребует дополнительных средств. Как мне кажется, в администрации президента есть понимание необходимости поэтапного создания таких служб.

Практические шаги по созданию общероссийского бесплатного детского телефона доверия обсуждались на конференции в рамках [круглого стола «Слышать ребенка: как сделать детские телефоны доверия более доступными?»](#)

Работа с образовательными и социальными учреждениями

Необходимо обеспечить независимый механизм подачи жалоб детьми, проживающими в учреждениях. Нужно привлечь образовательные учебные заведения всех видов к ра-

Личное участие и прямой диалог

Главная особенность работы управления по правам ребенка аппарата Уполномоченного по правам человека в РФ – облегченная процедура самостоятельного обращения ребенка: не нужно посредничества взрослых или предварительного подтверждения судебными инстанциями фактов нарушения его прав. Управление оперативно реагирует на факты нарушений, защищает права ребенка не только во взаимодействии с семейным окружением, но и со всеми социальными институтами и организациями. При этом управление стремится к личному участию в решении детских проблем.

Мы активно занимаемся правовым просвещением и в первую очередь среди детей: посещаем детские учреждения, налаживаем связи, доступно объясняем детям их права и обязанности, говорим, как и куда можно обратиться за помощью в конкретных обстоятельствах... Я посетила более 30 регионов и около 120 детских домов. Не раз во время общения с сотрудниками управления сироты жаловались на применение насилия, и в итоге должностные лица этих учреждений привлекались к ответственности, вплоть до уголовной, с лишением свободы.

Сотрудники управления постоянно ведут прием посетителей, консультируют по вопросам защиты прав детей, участвуют в судебных заседаниях в защиту прав ребенка, регулярно выезжают в регионы – как для проверок по жалобам и обращениям, так и для ознакомления с опытом работы по защите прав детей. По результатам проверок управления направляет обращения в адрес должностных лиц, в обязанности которых входит забота о детях и соблюдение их прав, встречаются с ними лично, обращаются в органы государственной власти по вопросам восстановления прав детей.

Региональные уполномоченные

В субъектах РФ активно развивается сеть уполномоченных по правам человека, в составе аппаратов которых имеются сотрудники, специализирующиеся на защите прав ребенка. Региональные уполномоченные сумели занять определенную нишу среди прочих форм и средств защиты прав ребенка. Ом-

будсмены рассмотрели множество конкретных ситуаций нарушения прав и законных интересов несовершеннолетних. Они способствуют их справедливому разрешению в рамках действующего законодательства, принимают участие в подготовке законопроектов и социальных программ, в том числе в поддержку детей, нуждающихся в социально-правовой помощи. Очень важно, что региональные уполномоченные используют любую возможность встретиться с детьми, узнать как можно больше об их жизни...

Работы хватит всем

Мы постоянно сотрудничаем с уполномоченными по правам ребенка в субъектах Федерации. Искренне приветствуем решение президента о назначении Алексея Ивановича Голованя Уполномоченным при Президенте РФ по правам ребенка и рассчитываем на дальнейшее плодотворное сотрудничество, ибо разделяем позицию, что работы на этом поприще хватит всем.

Правовая база

Со дня вступления уполномоченного в должность в министерства и ведомства мы направляли предложения, суть которых заключалась в следующем. Надо создавать правовую базу, которая обеспечит не только контроль за состоянием того или иного ребенка в семье и школе, но и деятельность социальных служб, которые могли бы эффективно осуществлять поддержку ребенка в трудной жизненной ситуации, где бы он ни находился.

Обращая внимание на деятельность федеральных служб, уполномоченные выделяют следующие направления: социальный патронат неблагополучных семей; сопровождение семей, принявших на воспитание ребенка-сироту.

Во многих случаях необходимо отдать ребенка в замещающую семью на основе договора о разделении ответственности за ребенка между замещающей семьей и социальной службой сопровождения. При этом семья несет ответственность за жизнь, здоровье и воспитание ребенка, а социальная служба – за решение проблем детей, особенно из числа социальных сирот (юридические вопросы, лечение, трудные

случаи поведения, адаптация ребенка в семье, детском коллективе и т.д.). Здесь особо стоит выделить передачу в замещающую семью детей с ограниченными возможностями здоровья. Как показывает опыт, в массовом порядке такая передача возможна только на основе разделения ответственности. Конечно, создание такой системы защиты детей от жестокого обращения требует законодательного обеспечения. Законодательные основы могут быть созданы путем внесения изменений в Семейный кодекс, в законы «Об опеке и попечительстве», «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и в Трудовой кодекс.

Лишь с сожалением можно констатировать, что почти 10 лет работала служба по социальному патронату и патронатному воспитанию во многих субъектах РФ на основе региональных законов. После принятия Закона «Об опеке и попечительстве» и приведения региональных законов в соответствие с ним, эта практика фактически прекращена...

Актуальные примеры из практики

Не хочу повторять всем известные ужасающие данные Прокуратуры РФ о численности выявленных фактов жестокого обращения с детьми, в реальности их намного больше... По тем случаям, когда из СМИ и поступающих жалоб становится известно о фактах жестокого обращения с детьми, уполномоченным предпринимаются меры действенного реагирования, вырабатываются рекомендации для профилактики негативных явлений. Так, после гибели трехлетнего Матвея на имя исполняющего обязанности прокурора Кушнаренковского района Республики Башкортостан был направлен запрос об итогах проведенной проверки.

Выяснилось, что причинами возникновения обстоятельств, в результате которых погиб ребенок, явились поверхностное изучение приемной семьи, формальное наблюдение за условиями жизни и воспитания детей, игнорирование инспектором по опеке и попечительству требований действующего законодательства, недостаточно ответственное отношение к исполнению своих обязанностей.

Учитывая участившиеся случаи насилия в отношении детей, уполномоченный обратился к Генеральному прокурору РФ с просьбой о комплексной проверке условий жизни в замещающих семьях и деятельности органов опеки и попечительства в данном направлении с целью выявления причин и условий, способствующих совершению преступлений против детей.

Другой пример – обращение к уполномоченному усыновителей малолетней девочки с жалобами на необоснованное изъятие дочери из семьи. Проверка доводов заявителей сотрудниками аппарата уполномоченного показала, что ребенок перенес психологическую травму в связи с повторным помещением в детское учреждение. Девочка восприняла это как разрыв с единственными эмоционально значимыми для нее людьми. Судебно-психологическая экспертиза эти выводы подтвердила. И хотя признаков, характерных для детей, перенесших физическое насилие, не было выявлено, тем не менее, уголовное дело было возбуждено. Уполномоченный обратился к губернатору, Генеральному прокурору с жалобой на необоснованность действий органов опеки, прокуратуры, однако ответ был получен от прокурора, действия которого обжаловались, и с нашими доводами он, конечно, не согласился.

Уполномоченному пришлось повторно обратиться к Генеральному прокурору в защиту малолетнего ребенка. Он направил для участия в суде своего представителя – сотрудника управления по правам ребенка. Очень не хотелось бы, чтобы честь мундира имела в этом споре больший вес, чем интересы ребенка.

Сложности гражданского участия

Примеров жестокого обращения с детьми и подростками, выявленных сотрудниками аппарата уполномоченного, достаточно много. Но даже нам нередко чинятся препятствия в общении с детьми при проведении проверок по жалобам в государственных учреждениях системы образования и системы соцзащиты. Уполномоченный считает необходимым разработать механизм активного участия гражданского общества в судьбе детей, находящихся в закрытых учреждениях, создание повсеместной системы общественного контроля за

диктовано пониманием того, что есть ряд проблем семейного и детского неблагополучия, которые системно в стране не решаются. То есть прилагаются какие-то усилия, действуют службы, но объективные показатели говорят о том, что системного решения нет. И есть понимание того, что материальная поддержка, безусловно, очень важна, но ее недостаточно.

Наша общая деятельность должна приводить к понятным и зримым результатам: детей-сирот должно быть меньше, семьи с детьми-инвалидами не должны распадаться, а дети-инвалиды должны воспитываться в уважении к собственному достоинству и видеть свои перспективы, правонарушители должны своевременно «вытягиваться» из преступного сообщества, а не становятся рекрутами для этой части общества...

Ожидаемые итоги

Организуя свою работу, фонд сформировал программы по 11, на наш взгляд, ключевым направлениям. Девять программ в этом году были вынесены на конкурс, утверждено 60 региональных программ из 38 субъектов Федерации, 193 проекта муниципальных образований, государственных и муниципальных учреждений, некоммерческих организаций. Ориентируясь на эти программы и проекты, мы рассчитываем, что в этом году будет продолжена работа по созданию в регионах условий, позволяющих не только реагировать на неблагополучие, но и работать по его своевременному выявлению.

Мы ожидаем, что будет дополнительно открыто 70 социальных участковых служб для работы с неблагополучными семьями, 60 служб сопровождения замещающих семей, сформированы 50 мобильных бригад для работы в сельской местности. Все это, безусловно, в дополнение к тому, что уже есть. Будут внедряться новые технологии работы с семьей и детьми: работа по конкретному случаю, сетевая терапия, социальная гостиная, домашние помощники, индивидуальные тьютеры и т.д. То есть речь идет не о помощи вообще, а помощи конкретными механизмами, которые доказали свою эффективность, являются востребованными и обеспечивают реальный позитивный результат.

соблюдением прав детей в государственных учреждениях системы образования и соцзащиты.

Мы всецело поддерживаем ведение контроля за положением детей в семье и в детских учреждениях. Но хотелось бы предостеречь от «кампанейщины» в борьбе против жестокого обращения с детьми. Общественное мнение важно так сформировать, чтобы каждый случай насилия над ребенком сопровождался порицанием, но без определения виновности до вынесения судебного решения, как это было в случае с Глебом Агеевым.

Марина Гордеева,

председатель правления Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации

[Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации](#), был создан по инициативе Владимира Путина Указом Президента РФ N 404 от 26 марта 2008 года.

Его учредителем выступило Министерство здравоохранения и социального развития РФ.

Миссия фонда – создание нового механизма управления, позволяющего в условиях разделения полномочий между федеральным центром и субъектами РФ значительно сократить пространственность социального неблагополучия детей и семей с детьми, стимулировать развитие эффективных форм и методов работы с нуждающимися в помощи семьями и детьми.

Основной принцип деятельности – софинансирование программ субъектов Федерации, а также программ муниципальных образований и некоммерческих организаций.

Фонд финансируется из средств федерального бюджета и внебюджетных источников, в том числе за счет пожертвованных благотворителей.

Нужен понятный и зримый результат

Прошел год после издания указа президента о создании Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Решение о создании нового механизма было про-

Новый программный цикл

Выходя на новый программный цикл, мы рассчитываем на большую вовлеченность субъектов Федерации. Нами поддержаны программы из 38 субъектов, а подавали заявки 58. То есть 25 регионов не проявили заинтересованности! А из тех, кто проявил, 20 не прошли конкурсный отбор... Непременным условием поддержки программ является межведомственная составляющая. Работая по первому программному циклу, мы убедились: даже на первой стадии участникам очень сложно собраться в команду, но и там, где команду собрать удалось, зачастую программа – это просто общая шапка для набора разных действий разных участников. Поэтому необходимо глубже осмысливать задачи, которые ставятся в таких программах, и просчитывать не только финансовые ресурсы, но и организационные, кадровые... Больше уважать друг друга, лучше знать возможности разных служб.

Вряд ли одно ведомство может удовлетворить все ожидания в отношении защиты прав детей. Перспектива – в налаживании регламентов совместной работы, создании межведомственных команд, выработке общих целей и удвоение, утроение общих возможностей за счет ресурсов каждой вовлеченной организации.

О программе «Защитим детей от насилия»

Все наши программы так или иначе связаны с темой жестокого обращения с детьми. Но, учитывая особое политическое и общественное звучание этой темы, реагируя на поручение Совета безопасности по итогам заседания в мае 2009 года, мы разработали специальную программу «Защитим детей от насилия». Она тоже выносится на конкурс. Что касается конкурса проектов для организаций, то сегодня мы объявим только одну тему: жестокое обращение с детьми и организация различных технологий предупреждения жестокости, раннего вмешательства...

См. также: [«Переосмысление системы, которая постоянно воспроизводит сама себя...»](#) – интервью Марины Гордеевой, где она рассказывает о том, какую роль играет Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, в процессе «переналадки» системы защиты детства.

Дина Зелинская,

эксперт-консультант Национального фонда защиты детей от жестокого обращения

Профилактика социального сиротства как проблема здравоохранения

По сложившимся представлениям, система здравоохранения имеет опосредованное отношение к проблеме сиротства – через состояние здоровья детей в домах ребенка, которые являются лечебно-профилактическими учреждениями. Но если социальное сиротство определяется как межведомственная, междисциплинарная проблема, в которой заинтересованы все государственные организации и учреждения, то роль системы здравоохранения в решении проблемы социального сиротства значительно более важная. Во-первых, в системе здравоохранения есть учреждения, в которых живут дети, лишённые семьи. Во-вторых, состояние здоровья ребенка является одной из причин, по которым он воспитывается вне семьи. Когда ребенка-инвалида помещают в специализированные интернатные учреждения (с лучшими намерениями, как бы в пользу ребенка), ослабевают семейные связи, что может привести к фактическому сиротству.

В интернатах

Проблемы здоровья (соответственно, проблемы системы здравоохранения) актуальны для всех воспитанников интернатных учреждений. Опубликовано немало исследований, которые подтверждают тот факт, что у детей, воспитывающихся в интернатах, показатели здоровья хуже, чем у их сверстников из семей – по общей инфекционной заболеваемости, физическому, психомоторному и социальному развитию, психическому здоровью.

В домах ребенка

Дом ребенка – учреждение системы здравоохранения, по номенклатуре – «лечебно-профилактическое учреждение».

Ребенок, по сути, живет здесь, и это накладывает на учреждение ответственность не только за его здоровье, но и за его развитие.

своевременного выявления факторов социального сиротства: связанных с родителями и семьей, с самим ребенком (состояние здоровья) и с ситуацией, в которой оказалась семья.

Во-первых, медицинские работники владеют информацией о неблагополучных семьях и детях, которая очень важна для того, чтобы как можно раньше попытаться предупредить отказ от ребенка или лишение его родительской опеки. При наличии целевых установок практически всегда можно выявить группы семей, в которых существует риск отказа от ребенка. Функциональные обязанности персонала детских поликлиник и больниц предполагают обязательный учет семей социального риска и возможную работу с ними, большее внимание к ним. И в женских консультациях, и в детских поликлиниках сохранилась форма патронажной работы, содержание которой должно быть усовершенствовано, обогащено социальным компонентом. Существуют нормативные документы об организации в каждой детской поликлинике отделения (группы) медико-социальной помощи, которое должно заниматься сложными семьями и случаями, в которых есть риск отказа от ребенка. Но, к сожалению, они существуют в единичных поликлиниках. До сих пор не разработано хорошее положение об этих отделениях, и даже там, где они есть, они не решают своих задач.

Направления для развития

По каким направлениям надо продвигаться системе здравоохранения для более активного участия в профилактике социального сиротства?

Перед медицинскими учреждениями и специалистами, которые при решении вопросов, касающихся здоровья ребенка, работают с семьей и ориентированы на выявление и оценку условий семейного воспитания, стоит задача целенаправленного раннего выявления рисков социального сиротства, но их к этому нужно хорошо подготовить. Необходимо добиваться формирования устойчивых стабильных связей с различными медицинскими центрами, налаживать взаимодействие медицинских работников с другими помогающими специалистами, контролирующими органами. Нужно вести работу по

Но традиционно в доме ребенка основная работа направлена на сохранение жизни в младенчестве, профилактику и лечение болезней и возлагается на медперсонал. Воспитательный процесс, формирование и развитие личности ребенка уходит на задний план. Воспитателей не хватает, они изолированы от системы образования и инновационных методов работы с детьми. Нет системы подготовки воспитателей по комплексной помощи детям раннего возраста с нарушениями развития. В итоге, как показывают исследования, содержание детей в условиях дома ребенка более чем в 90% случаев приводит к нарушениям развития, личностным искажениям...

В больницах

Многие годы не решается проблема так называемых отказных детей в больницах. Пребывание такого ребенка в больнице приводит к невосполнимым потерям в развитии. При правильной организации медицинское обследование, подготовка квалифицированного заключения о состоянии здоровья и рекомендаций по дальнейшему ведению ребенка в случае отсутствия показаний для стационарного лечения не должны занимать много времени. Но на практике выполнение этой задачи затягивается.

Во-первых, отказники не являются группой основного внимания в стационаре на фоне детей, которым необходимы срочная диагностика и интенсивное лечение. Во-вторых, процедура передачи пациента в дома ребенка сложна для больничного персонала.

В стационарах для детей раннего возраста, столь важного для развития и становления многих функций, практически нет ничего, что способствует развитию ребенка: отсутствует возможность активного движения, развития познавательно-эмоциональной сферы, общения. В этих подразделениях не предусмотрены воспитатели, а медицинские сестры не имеют ни времени, ни подготовки для повседневного развивающего общения с детьми.

Ресурсы системы здравоохранения

В системе здравоохранения, которая, как мы убедились, причастна к проблеме социального сиротства, есть ресурсы для

[Имодействие и организация деятельности в сфере профилактики жестокого обращения и последующей реабилитации детей](#)

Сергей Борзов,
вице-президент Благотворительного фонда
«Новое развитие», тренер Национального фонда
защиты детей от жестокого обращения

Что делать с отцами?

В процессе разработки и реализации учебно-методического сопровождения инновационных услуг в разных регионах мы неоднократно слышали один и тот же вопрос: что делать с отцами? Они не идут на контакт, не вовлекаются... Поэтому специалистам, работающим с семьями, приходится опираться, в основном, на материнский ресурс. Это притом, что отцы являются достаточно мощным источником жестокого обращения в семье. То есть мы не работаем с основной целевой группой. Этот вопрос становится еще более острым в связи с активным внедрением технологий работы со случаем: обязательным в них является установление доверительных отношений со всеми членами семьи.

Несколько шагов к ответственному отцовству

Нам кажется, что движение к цели ответственного отцовства проходит как бы через несколько шагов. Специалисты должны иметь достаточно полное представление о роли отца в жизни ребенка, способах и механизмах ее реализации. Эти знания помогут понять, почему мужчины не занимают той позиции, к которой их подталкивают и специалисты, и жены. Понимание природы проблемы позволит спланировать целенаправленные эффективные действия, направленные на преодоление этой ситуации.

И только тогда мы придем к намеченной цели – ответственному отцовскому поведению, про которое так много говорим.

Роль отца в жизни ребенка

Представители психотерапевтических школ говорят, что отцовская роль – прежде всего, роль строгого воспитателя.

предупреждению отказов от новорожденных и детей раннего возраста в группах социально-медицинского риска. Надо модернизировать деятельность домов ребенка, пересмотреть устаревшие положения и нормативы, шире использовать разные формы семейного устройства – практически никакие формы, кроме усыновления и возврата в биологическую семью, сегодня не применяются. Необходимо сокращать время пребывания ребенка в больнице и создавать на этот период стимулирующую информационную среду.

Об Ассоциации содействия модернизации домов ребенка

Многие медицинские организации и учреждения, с которыми работал Национальный фонд по защите детей от жестокого обращения, проявили большую заинтересованность в решении вопросов, о которых мы сейчас говорим. Поэтому Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения начал сетевой проект «Ассоциация содействия модернизации домов ребенка». Мы хотим улучшить положение детей в домах ребенка путем приближения условий воспитания в доме ребенка к семейным.

Члены ассоциации имеют определенные привилегии: возможность получения необходимой методической и образовательной поддержки; возможность участия специалистов в конференциях и семинарах; обеспечение методической литературой; присвоение статуса стажировочной/образовательной площадки Национального фонда; участие в стажировках с целью повышения уровня профессиональной подготовки. Я прошу обратить внимание на обязательства, которые влечет членство в ассоциации, потому что нам бы хотелось, чтобы дома ребенка, вступающие в ассоциацию, не только потребляли информацию и опыт, но и сами делали что-то, что реально может повлиять на положение детей.

Подробно вопросы обновления законодательства и его исполнения, проблемы решения вопросов на стыке интересов разных ведомств и организаций обсуждались в рамках [секции «Нормативно-правовое регулирование, межведомственное вза-](#)

роль, то получается, что он даже и не мужчина, его сильные стороны остаются за кадром – он становится слабым во всем. Такой взгляд специалиста на клиента убивает возможность партнерского сотрудничества с мужчинами. Главный вопрос заключается в том, почему в нашей стране так много мужчин с трудом выполняют или вообще не выполняют эту отцовскую роль.

Мужчина в XIX, XX и XXI веке

В конце XIX века кодексом русской семейной морали был домострой – модель прописанных семейных отношений с точным распределением ролей, где главой семьи был отец. Он определял, что для семьи хорошо, а что плохо, представлял ее интересы в обществе. При отсутствии отца эту роль выполнял старший сын, а жена становилась главой семьи только в случае смерти мужа и при отсутствии взрослых сыновей.

В первой половине XX века почти на каждое поколение выпадали кровопролитные войны или волны репрессий: Первая мировая война, Гражданская война, политические репрессии, Великая Отечественная война... На протяжении нескольких десятилетий из популяции «вымывались» мужчины. По всей стране появлялось все больше вдов, которым приходилось брать на себя как мужские, так и женские обязанности. Одновременно появлялось очень большое число детей, которые видели только мать, про которую пели: «я и лошадь, я и бык». Таким образом, в некоторых семьях – я подчеркиваю, в некоторых – к 1950-м годам выросли и стали мужчинами мальчики, так и не увидевшие образца ответственного мужского поведения; выросли и стали женщинами девочки, не узнавшие, что такое нежность и женская беспомощность, потому что никто не смог им убедительно показать, в чем смысл и преимущества такого поведения, – и не потому, что родители были плохие, а потому что просто не сумели. Государство, нуждающееся в большом количестве рабочих рук, продолжило эту линию. Женщины стали равноправными с мужчинами и призваны к домне, на трактор и стройку. Меры, принятые государством в послевоенные годы, способствовали увеличению числа рожденных детей, пропагандировали общественное, а не семейное воспитание и никак не способствовали восстановлению

Желание понравиться отцу и заслужить его одобрение заставляет сына копировать поведение этой могущественной фигуры. А страх отцовского наказания помогает ребенку усвоить нормы и правила, принятые в его окружении. Именно так видят специалисты процесс передачи и усвоения норм и правил поведения. Следует отметить, что ребенок делает выводы о себе и о жизни не из того, что ему говорят, а из того, что он видит и чувствует, осуществляя процесс копирования. Детские психологи добавляют, что именно отец формирует у ребенка способность проявления инициативы и противостояния агрессии. Известно, что оценка отцом интеллектуальных достижений ребенка более значима для него, чем оценка матерью. Успешные отцы поощряют процесс отделения ребенка от матери и тем самым ускоряют его адаптацию к социальным условиям. Вообще, отец для ребенка – это символ мужественности, образец мужского и партнерского поведения. Хороший отец всемогущ и неуязвим, может все в глазах ребенка, и рядом с ним у ребенка пропадает страх.

Большая группа специалистов уделяет особое внимание распределению ответственности в семье. «Мужчина может доминировать или занимать подчиненное положение, быть близок жене и ребенку или отдален от них, быть любимым или нелюбимым. Но он всегда должен нести ответственность за семью, – пишет Владимир Дружин. – Если мужчина добровольно либо по внешним обстоятельствам теряет груз ответственности, возникают различные варианты аномальной семьи». Заметьте – акцент не на мужественности, не на способности кормить, а на ответственности. Один из первых отечественных детских психотерапевтов Александр Захаров видел в потере отцом своей роли основную причину детских неврозов. А американский психолог Эрик Эрикссон считал, что главной причиной прихода Гитлера к власти явилась потеря авторитета отцов в глазах их сыновей в результате кризиса, который тогда был в Германии.

С нашей точки зрения, для специалистов-практиков принципиально важно иметь точные и полные представления о роли отца и формах ее реализации. Существует стереотип, что мужчина – кормилец и защитник. Если он не выполняет эту

говорили. Отцы не идут на контакт с социальными службами, видя в них конкурентов; не хотят пользоваться предлагаемыми услугами, пытаясь хоть как-то отстоять свою отцовскую роль. При этом желание сохранить отцовскую позицию специалистами воспринимается агрессивно, не вызывает уважения: он сопротивляется, но нужно надавить и сделать по-нашему.

Как вернуть семье право на индивидуальность

Каковы возможные пути решения проблемы? Мне кажется, что здесь все упирается, прежде всего, в ценностные вопросы. Не в технологические, а именно в ценностные. Необходимо новая профессиональная позиция специалистов. Кровной семье должна быть возвращена ее ценность и право на индивидуальность, ответственность за сложившуюся ситуацию. За государством остается право контролировать безопасность и соблюдение прав детей, но ответственность за семью принадлежит семье. Нужно обеспечить разработку новых и усовершенствование существующих программ подготовки специалистов. Специалисты в процессе дополнительного обучения должны усвоить, что отец – сильный и незаменимый ресурс семьи, равноправный участник проблемной ситуации. Что он имеет право на помощь и понимание, поддержку в решении своих проблем, как и остальные члены его (!) семьи.

Я предлагаю объявить специальные грантовые конкурсы на разработку и реализацию программ и услуг для отцов. На тот период, когда будет создана какая-то база, предлагаю инициативу из области фантазий – объявить в Российской Федерации Год отца.

А вообще, первоочередной задачей на сегодня является разработка и внедрение качественных показателей оценки работы как специалистов, так и организаций...

См. также [«Бить нельзя, но иногда можно...» – интервью, в котором Сергей Борзов объясняет, как преодолеть общую терпимость к жестокому обращению с детьми.](#)

ответственного отцовского поведения. Роль отца как бы свели на нет. Была медаль «Мать-героиня», но (при всем моем уважении к материнству) кто такой был отец? Образно говоря, государство сказало народу: «Я возьму на себя роль отца, буду гарантировать безопасность, воспитание и обучение, а вы живите и работайте». Мужчины, пытавшиеся проявить свою мужскую природу, агрессивно направленную на защиту самостоятельной позиции, государством не поддерживались и подлежали перевоспитанию. Те, кто мужскую природу проявить не пытался, топили ее в депрессиях, водке и семейных скандалах, а их дети копировали этот процесс. Мальчики брали поведение отцов за образец, а девочки делали выводы о качествах самого дорогого мужчины и эффективных способах построения безопасных отношений с мужчинами.

Так на протяжении трех-четырех поколений формировались новые гендерные послания и предписания. Послание для мальчика – за все отвечает мама, ей нужно подчиняться. Послание для девочки – опираться на мужчин нельзя, потому что они часто оставляют семью и детей (неважно, ушел или погиб на войне); я дочь сильной женщины, мне нельзя доверять мужчинам, я должна все делать и контролировать, чтобы защитить своих детей. Вот природа обсуждаемой проблемы...

В 1980-е года перестройка ярко проявила новые гендерные модели – тысячи «челночниц» при спящих дома мужьях... Семьи, где удалось сохранить старые образцы полоролевого поведения, адаптировались к ситуации быстрее, а там, где установки были поломаны сильнее, возникла социальная дезадаптация. И вот в эти дезадаптированные семьи пришли специалисты вновь созданных социальных служб. Они пришли со старыми, материнскими, установками – поддерживать семью, защищая женщин и не обращая внимания на мужские проблемы. То есть специалисты в процессе построения отношений с семьей стали играть отцовскую роль. Это часто можно увидеть в телерепортажах: в семью приходит строгий специалист и в присутствии детей рассказывает, как нужно жить, чтобы семье было хорошо. Таким образом, ответственность за семью и детей постепенно переходит к социальным службам. О том, что получается в итоге, мы уже

Евгения Росинская,
директор Информационного
центра Совета Европы

В европейском контексте

В январе 1996 года в Страсбурге была принята [Европейская конвенция об осуществлении прав детей](#). В 2007 году принята [Конвенция о защите детей от эксплуатации и посягательств сексуального характера](#), которая впервые квалифицировала такие посягательства, в том числе совершаемые дома или родственниками, как уголовное преступление. Эти документы отражают юридический подход Совета Европы к проблеме насилия над детьми. Его дополняет программа Совета Европы «Строим Европу для детей и вместе с детьми», направленная на продвижение прав детей и защиту от любых форм насилия. В рамках программы проходят общеевропейские социальные кампании против телесных наказаний детей, против насилия в школе... В 2010 году в 47 странах – членах Совета Европы пройдет социальная кампания против сексуального насилия над детьми. Мне кажется, имеет смысл не только присоединиться к ней, но и представить лучшие российские практики в Страсбурге...

Рифкат Мухамедрахимов,
заведующий кафедрой социальной адаптации
и психологической коррекции личности факультета
психологии Санкт-Петербургского
государственного университета

Тяжелые социальные условия в раннем возрасте: научный подход

Я представлю исследовательские данные о том, что происходит с человеком в раннем возрасте при проживании в тяжелых социальных условиях на примере детей, воспитывающихся в интернатных учреждениях или семьях группы риска; что проявляют дети с опытом проживания в учреждении при позитивной смене социального окружения, например, при усыновлении; какие характеристики социального окружения повышают вероятность последующей оптимальной адаптации и психологического функционирования, и какой может быть научно обоснованная программа изменения социального окружения детей, воспитывающихся в учреждениях.

В тяжелых социальных условиях дети проявляют асоциальность, делинквентность, психотические нарушения. К концу первого года жизни у них наблюдается неразборчивое дружелюбие к незнакомым людям, проявляются стереотипии, проявляются кататонические явления. По уровню развития дети без заболеваний, воспитывающиеся в учреждениях, отстают от ровесников с врожденными заболеваниями, имеющими индивидуальный уход. У воспитанников детских учреждений наблюдаются специфические изменения интенсивности позитивного и негативного эмоционального тона с возрастом: позитивный с возрастом увеличивается, негативный – уменьшается. То есть они все активнее используют положительные эмоции и все больше подавляют негативные, подстраиваясь под взрослых, под культуру учреждения, которое требует «позитивности» и послушания.

И, как мы предполагаем, именно поэтому в дальнейшем, вплоть до 10, 11, 13 лет, у ребенка наблюдаются нарушения социально-эмоционального развития.

Как изменить социальное окружение в учреждении: теоретические предпосылки

Что надо сделать, чтобы изменить социальное окружение в соответствии с потребностями развития ребенка? Я хочу сослаться на российско-американский исследовательский проект, который осуществлялся в течение пяти лет. Теоретические предпосылки таковы. Социально-эмоциональное развитие в раннем возрасте определяет последующее психическое здоровье человека. Характер этого развития зависит от психологического взаимодействия и формирования отношения привязанности ребенка к близкому взрослому. А качество отношения привязанности определяется социальным окружением, а именно его стабильностью и постоянством, чувствительностью и отзывчивостью близкого взрослого.

Из практики: результаты программы по изменению социального окружения

Мы провели программу раннего вмешательства «Изменение социального окружения в домах ребенка». В ней было два компонента: обучение с целью повышения чувствительности и отзывчивости персонала и структурные преобразования с целью повышения стабильности и постоянства социального окружения.

Сначала обучали экспертов, врачей и педагогов, а потом они обучали персонал дома ребенка. Таким образом, и учреждение, и его персонал стали активными участниками программы. Основное внимание в ходе обучения было уделено созданию условий, поддерживающих психическое здоровье детей.

На структурных изменениях, направленных на повышение стабильности и постоянства, остановлюсь подробнее. Количество воспитанников уменьшается до шести-семи. Среди персонала выделяются два наиболее близких взрослых, работающих 42 часа в неделю в отличие, предположим, от воспитателей, работающих 25 либо 36 часов.

Как сказывается негативный опыт при переходе в семью

Что происходит с детьми, имеющими опыт проживания в учреждении, при переходе на семейные формы жизнеустройства? В какой степени опыт учреждения влияет на последующее развитие ребенка и как долго может влиять? Объясню на примере данных, полученных британскими, канадскими и американскими исследователями, которые наблюдали за детьми, приехавшими в семьи усыновителей из Восточной Европы.

Оказалось, что у детей, которые прожили 18-24 месяцев в учреждении, в два года, в 4,5 года и в восемь лет по-прежнему наблюдается неразборчивое дружелюбие к незнакомым взрослым, в 16 лет – избирательность в выборе друзей, проблемы в общении со сверстниками, ориентация на общение с взрослыми. Причем из года в год исследователи продолжали наблюдать этот феномен. У ребенка, находящегося в учреждении 24 и более месяцев, наблюдается нарушение внимания, импульсивность, квазиаутичное поведение, и до 11, 13 лет он проявляет нарушение отношения привязанности к родителям-усыновителям.

Таким образом, негативный опыт, который дети приобретают в учреждениях либо в неблагополучных семьях, не остается бесследным. Данные, полученные при анализе конкретных случаев, получили подтверждение на очень большой выборке в разных странах мира.

Качество социального окружения в детском учреждении

В течение первых двух лет жизни воспитанник детского учреждения имеет опыт непродолжительного взаимодействия с 60-100 взрослыми. Социальное окружение в этом случае можно охарактеризовать как нестабильное и непостоянное. К этому добавляется минимальное инициирование взаимодействия персоналом, очень низкая отзывчивость, слабая вовлеченность. В результате у него нет возможности для формирования отношений с наиболее близким, эмоционально доступным, постоянным взрослым.

ствии со взрослыми, то после раннего вмешательства – 46%. В некоторых случаях дети проявляют уровень организации взаимодействия, близкий к тому, который можно наблюдать в стабильных семьях с хорошими биологическими родителями. С нашей точки зрения, ключевыми характеристиками социального окружения, влияющими на развитие психического здоровья человека в раннем возрасте, являются чувствительность и отзывчивость социального окружения, постоянство и стабильность близкого взрослого. Сочетание этих характеристик в социальном окружении приводит к значительному улучшению развития ребенка. Если такое сочетание есть – значительно меньше риск последующей дезадаптации ребенка. Мы также считаем, что необходимо распространять полученный опыт при организации научно обоснованных программ жизни воспитанников учреждений системы здравоохранения, образования и социальной защиты. Это касается как домов ребенка, так и детских больниц, детских садов, организаций различных форм семейного устройства.

Изменение социального окружения в домах ребенка: до и после

См. также [«Смотрим, но не видим» – интервью с Рифкатом Мухамедрахимовым о признаках раннего пренебрежения, которые нужно учиться замечать.](#)

График работ медсестер не меняется. Детей не переводят из одной группы в другую и от одной группы персонала к другой. Группы становятся интегрированными по возрасту и развитию. Проводится семейный час, когда посещение другими сотрудниками ограничивается: с детьми работают до шести взрослых в неделю при сохранении общего числа персонала в группе. Эффективность программы измерялась так. Был основан дом ребенка, в котором проводилось как обучение с целью повышения чувствительности и отзывчивости, так и структурные изменения для обеспечения стабильности и постоянства. Во втором доме ребенка было организовано только обучение. В третьем – изменений не было. Потом проводилось обследование детей и взрослых. Что мы увидели через три-четыре месяца после окончания обучения и структурных изменений в доме ребенка? Персонал начал проявлять родительский стиль организации взаимодействия – лицо на уровне глаз ребенка, следование его инициативе, спонтанность и естественный беспорядок. Взрослые иницируют и поддерживают игру с несколькими воспитанниками одновременно и используют такие слова, как «мама», «дом», «мои дети», «наша группа», «наша семья». Стало больше взаимодействия во время режимных процедур – кормления, переодевания; больше внимания детям с особыми потребностями. Чаще использовалось специальное оборудование и приемы двигательной терапии.

Через четыре-девять месяцев как типично развивающиеся дети, так и имеющие тяжелые нарушения в развитии, показывают значительное улучшение по сравнению с двумя другими домами ребенка. Более того, наблюдается так называемый эффект дозы, то есть чем больше воспитанников находятся в условиях изменения социального окружения, тем больше эффект. В социальном поведении детей заметны изменения. Если до изменения социального окружения лишь 10% детей могли продемонстрировать, что они сформировали какие-то социальные стратегии во взаимодей-

Р

Региональные модели

*Людмила Эфтимович,
начальник Департамента по вопросам
семьи и детей Томской области*

Томская область: система защиты детства – как все начиналось

В Томской области ситуация во многом такая же, как и в большинстве регионов. Просто где-то одни вещи успешнее развиваются, где-то другие. Не всегда показатели идеально хороши, хотя основная тенденция – ребенок должен жить в семье – у нас и по показателям пока выглядит хорошо. Я говорю «пока», потому что в этом деле много подводных камней. Возможно, наш плюс именно в том, что мы пытаемся сформировать систему защиты детства. Она развивалась у нас так.

В 2005 году, приступая к созданию системы профилактики социального сиротства, мы столкнулись с проблемой невысокого, мягко говоря, уровня профессиональной подготовки и недостаточного опыта специалистов в этой сфере. Примерно 70% людей, которые работают с семьей, не имеют профессионального образования. Это главный минус. (Правда, есть и преимущество. Оно состоит в том, что, как правило, к нам в профессию приходят люди, которые испытывают потребность помогать, приносить пользу.) На этом этапе неоценимую помощь оказал Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения. Он учил нас новому взгляду на проблему, причем учил всех: заместителя губернатора – хочу сказать, что коллеги из Республики Бурятия получили очень подготовленного в этом плане президента, меня как руководителя департамента, специалистов разных уровней.

Учить и переучивать специалистов разного уровня

Тогда мы убедились в том, как сложно переучивать. Гораздо легче оказалось учить тех, кто не был ориентирован на работу в этой области. Я еще работала в органах социальной

защиты, и мы смотрели на проблему социального сиротства несколько иначе, чем люди в традиционных, классических, как мы тогда их называли, ведомствах здравоохранения и образования. Мы оказались в каком-то смысле «чистым листом», и поэтому были более восприимчивы к новым идеям. Работа по обучению дала результаты: мы так подготовили специалистов и чиновников, что созрели до создания специального органа – [Департамента по вопросам семьи и детей](#).

Департамент по вопросам семьи и детей: все, что касается ребенка, – давайте сюда

Сейчас в нашем распоряжении 27 учреждений: социально-реабилитационные центры, детские дома. С последними мы работаем с 2007 года. И с самого начала снова почувствовали, насколько тяжелее переучивать, чем учить. Мы исходили из того, что главное – повернуть голову в правильном направлении, я имею в виду руководителей этих учреждений.

Еще у нас органы опеки. На них много жалуются, говорят, что они не то делают. Но сотрудники органов опеки часто не знают, что надо делать, так как не обучены этому. В лучшем случае специалист хорошо знает нормативный документ, которым обязан руководствоваться в работе.

Комиссии по делам несовершеннолетних тоже наши. Мы рассудили так: раз у нас департамент по вопросам семьи, то и вопросами детства будем заниматься мы. Прокуратура косо на это смотрела, но с комиссиями мы теперь работаем. Я являюсь заместителем председателя областной комиссии по делам несовершеннолетних. В комиссиях тоже есть сотрудники, которые формально относятся к своим обязанностям. Они четко пишут протоколы. Все заняты, все довольны, отчетность аккуратная... А зачем и для чего – не понимают. Люди не сориентированы правильно, не обучены и тратят силы на то, что совершенно не нужно. А полномочия там огромные, и поэтому может быть даже негативное влияние...

Для работы с семьями мы привлекаем часть специалистов из учреждений, не входящих в наше ведомство, через систему конкурсов. И часто получается, что они работают более профессионально. А почему? Потому что четко определены тре-

вает о том, как работает Департамент по вопросам семьи и детей, и каким ей видится будущее детских домов в Томской области.

Сергей Дикарев,
начальник Главного управления Алтайского края
по социальной защите населения и преодолению
последствий ядерных испытаний
на Семипалатинском полигоне

Алтайский край: благоприятные условия для перемен

В социальной защите населения Алтайского края сложилась благоприятная обстановка для повышения качества и эффективности социальных услуг семье и детям, находящимся в трудной жизненной ситуации. За последние 10 лет в регионе сложилась развитая сеть учреждений. Наряду с традиционными центрами социальной помощи семье и детям в крае динамично развиваются кризисные центры. У нас есть кризисный центр для мужчин, единственный в России. Социальные приюты реорганизованы в социальные реабилитационные центры для несовершеннолетних.

Принципы повышения эффективности социальной защиты детства

В стратегии работы по повышению эффективности системы социальной защиты детства мы исходим из следующих принципов. От ликвидации последствий социального сиротства нужно переходить к технологиям современного раннего выявления и помощи, от узковедомственного подхода – к осмысленному взаимодействию всех ресурсов, которые есть в крае. Относиться к неблагополучным семьям надо не как к источнику социальной опасности, а как к гражданам, попавшим в трудную жизненную ситуацию. От административного реагирования необходимо переходить к сотрудничеству и взаимодействию с семьей, от игнорирования некомпетентности специалистов – к интенсивному обучению и профессиональной поддержке.

бования: человек знает, какую работу надо сделать и с каким результатом.

Выстраивая систему подготовки специалистов, мы подошли к тому, что нам нужны школы приемных родителей. Ведь приемный родитель – это работа. Почему же они так долго были необученными? Мы отслеживали возвраты: и в Томской области, и в других регионах они были и есть до сих пор. Поэтому в 2008 году, когда это было еще незаконно, решили учить семьи, которые хотят взять ребенка, и пусть нас за это наказывают. К счастью, теперь мы в правовом поле работаем.

Выиграв один из конкурсов Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, мы продолжаем выстраивать систему подготовки кадров, добиваемся того, чтобы обучение прошел каждый специалист в области и в районах. Учим и кураторов случая, и супервизоров, и тех людей, которые из области будут следить за работой супервизоров и помогать им.

Чему нужно учить?

Резюмируя, хочу обратить внимание на два момента. Неграмотный специалист является источником опасности для ребенка. Нельзя неподготовленного специалиста допускать в такие сферы, как работа с семьей и ребенком. Поэтому пора уже не говорить о необходимости обучения, а заниматься этим. И второй момент: чему учить?

Нам представляется, что до сих пор мы еще не все понятийное поле вспахали, а там, где пашем, – очень неглубоко. Бывает, на аппаратных совещаниях вдруг вспыхивают споры вокруг понятий – начинаем разбираться: кто и что имел в виду. Конечно, важно выработать единые для России критерии оценки деятельности на разных этапах работы с семьей, нужно работать над интегральными показателями. Потребность в этом назрела давно. Мы с вами должны разговаривать на одном грамотном, профессиональном, научно обоснованном языке.

См. также [«Наша задача – мягко реформировать систему» – интервью с Людмилой Эфтимович](#), в котором она рассказы-

и показателем работы становится конечный результат, который рассчитывается заранее, измеряется качественно и, что важнее всего, количественно. С целью реализации этого подхода Алтайский край принял активное участие в конкурсе программ Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Каждая программа включает важнейшие блоки: разработку и нормативно-правовое закрепление механизмов межведомственного взаимодействия, постановку и институционализация новых видов социальных услуг, создание системы профессиональной поддержки специалистов. Планируется, что реализация программ позволит организовать эффективную деятельность по созданию благоприятных условий системы защиты детства, обеспечению права ребенка жить и воспитываться в семье.

Региональные программы Алтайского края, прошедшие конкурсный отбор в Фонде поддержке детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации:

- «Свет в родном окне» – раннее выявление социального неблагополучия и работа с семьями группы риска;
- «Я не могу без тебя» – профилактика отказов от новорожденных детей;
- «Растем и развиваемся вместе» – ранняя помощь семьям, воспитывающим детей-инвалидов;
- «Все в твоих руках» – социальная профилактика правонарушений несовершеннолетних.

Елена Кислякова,
министр социальной защиты населения
Рязанской области

Рязанская область: охрана прав детей в системе социальной защиты

Очень важно, что государство уделяет огромное внимание улучшению положения детей, а одной из его основных стратегических задач является создание современной системы защиты детства. Такая постановка вопроса позволила и на территории

Как показывает международная практика, эффективным способом активизации внутренних ресурсов ребенка и семьи, способом преодоления социальной изоляции, безусловно, является семейно ориентированный комплексный подход, основанный на мобилизации социального окружения и на использовании собственных ресурсов семьи, которая построена на встречных обязательствах в работе с семьей. Для этого в последние годы в крае активно внедряются инновационные технологии, направленные на достижение системных региональных изменений в сфере поддержки семьи и детей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Особенности модели раннего выявления жестокого обращения с детьми

Остановлюсь на некоторых особенностях модели раннего выявления жестокого обращения с детьми. Прежде всего, это наличие нормативного документа, закрепляющего порядок взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений. Это организация индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними и их семьями, применение технологии работы со случаем, реорганизация межведомственного подхода при организации раннего выявления и оказания кризисной помощи, служба экстренной психологической помощи. Это активное включение семьи в процесс оказания ранней помощи ребенку, мобилизация ресурсов социального окружения семьи, воспитывающей ребенка, с целью преодоления ее изолированности и снижения риска разрыва социальных связей. В целях дальнейшего развития и распространения модели раннего выявления и кризисной помощи семьям группы риска по социальному сиротству постановлением администрации Алтайского края утверждена программа «Раннее выявление социального неблагополучия и работа с семьями группы риска «Свет в родном окне» на 2009-2011 годы».

Для адекватного решения конкретных задач социальной защиты семьи в последние годы стал активно внедряться программно-целевой метод. Значение этого метода управления заключается в том, что он увязывает цели с ресурсами,

Индивидуальная реабилитационная работа с семьями этих служб и других субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, способствовала уменьшению числа безнадзорных и беспризорных детей на территории области.

Комплексный центр «Семья»

В целях развития и оптимизации социальной работы с семьей в январе 2009 года, несмотря на кризис, открылся комплексный центр «Семья». Здесь работают с семьями, в которых один или оба родителя потеряли работу, ведут социальную реабилитацию женщин, попавших в трудную жизненную ситуацию, детей и подростков с ограниченными возможностями, психологическое сопровождение семьи, воспитывающей ребенка-инвалида, профилактику семейного неблагополучия. В структуре центра открылась первая в области социальная гостиница. Получить благоустроенное временное жилье и питание здесь могут в том числе родители с детьми, приехавшие из муниципальных городов и городских округов области для обследования и лечения ребенка.

Женщинам, подвергшимся психофизическому насилию в семье, юным матерям, несовершеннолетним беременным и одиноким беременным женщинам «Семья» предоставляет жилье и оказывает социальную психологическую помощь.

С августа 2009 года в центре функционирует отделение социальной помощи несовершеннолетним, совершившим правонарушение и преступление, а также отбывшим наказание за совершение преступления. Отделение осуществляет работу по профилактике правонарушений несовершеннолетних, в том числе повторных, социальной адаптации, психологической реабилитации и содействует в трудоустройстве и организации досуга несовершеннолетних.

Областные целевые программы

Система органов соцзащиты нуждается в дальнейшем развитии в целях соблюдения права ребенка жить и воспитываться в семье, права детей на защиту от нищеты и лишений, жестокого обращения в семье, права детей-инвалидов на социальную интеграцию и всестороннее развитие без какой-

области значительно активизировать деятельность по улучшению демографической ситуации, положения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Разграничение полномочий позволило субъектам Федерации установить на своей территории нормативную базу, соразмерную возможностям бюджета. Возьмем Федеральный закон «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» (от 19 мая 1995 года N 81-ФЗ). Назначение и выплата пособий – обязательные полномочия субъекта. При этом размер пособия зависит не только от статуса семьи, но и от количества детей. Мы поддерживаем многодетные семьи с 2005 года. Суммы выплат многодетным семьям увеличены вдвое. Оказываем дополнительную поддержку гражданам в связи с рождением детей. За заслуги семьи в воспитании детей и большой вклад в возрождение семейных традиций присуждается премия Рязанской области «Признание». За плодотворную деятельность в интересах детей вручается почетный знак губернатора «За веру и добродетель». В целях повышения социального статуса многодетной семьи утверждена областная книга почета «Родительская слава». Стимулирование рождаемости и укрепление семьи предусмотрено Концепцией семейной политики Рязанской области. Исходя из таких приоритетов, как повышение материального благосостояния, уровня качества жизни семьи, ведется совершенствование системы выплат и пособий гражданам, имеющим детей, повышение размеров пособий и обеспечение их адресной направленности, создание сети учреждений (психолого-медико-педагогических службы, центры социальной помощи семье, центры реабилитации детей, социальные центры для эффективной социализации детей и подростков).

Межведомственная работа системы органов по профилактике социального сиротства позволила вести реабилитацию не только детей, которые помещаются в социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних, но и их семей. За счет этого увеличилось число детей, возвращаемых в кровные семьи. Во всех муниципальных образованиях в учреждениях, подведомственных Министерству социальной защиты, созданы службы сопровождения семьи и горячие линии. В рамках антикризисных мероприятий службы сопровождения ведут социально-реабилитационную работу с семьями и детьми, в которых один или оба родителя потеряли работу.

Практика: выявление и реабилитация

(по материалам пленарного заседания «Преступление против детей: организация выявления и реабилитации детей и семей»)

Татьяна Марголина,
Уполномоченный по правам человека
в Пермском крае

Проблема субъектности ребенка в вопросах защиты от жестокости и насилия

Конвенция о правах ребенка определяет субъектность ребенка в решении всех вопросов, касающихся его жизни. Национальное законодательство также подтверждает субъектность ребенка в решении практически всех вопросов его жизни.

Семейный кодекс Российской Федерации, статья 56

1. Ребенок имеет право на защиту своих прав и законных интересов.

Защита прав и законных интересов ребенка осуществляется родителями (лицами, их заменяющими), а в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, органом опеки и попечительства, прокурором и судом.

Несовершеннолетний, признанный в соответствии с законом полностью дееспособным до достижения совершеннолетия, имеет право самостоятельно осуществлять свои права и обязанности, в том числе право на защиту.

2. Ребенок имеет право на защиту от злоупотреблений со стороны родителей (лиц, их заменяющих).

При нарушении прав и законных интересов ребенка, в том числе при невыполнении или при ненадлежащем выполнении родителями (одним из них) обязанностей по воспитанию, образованию ребенка либо при злоупотреблении родительскими правами, ребенок вправе самостоятельно обращаться за

либо дискриминации, права детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, на социальную реабилитацию. Для решения этих проблем на территории области осуществляются целевые программы: «О дополнительных мерах по реализации концепции демографического развития на территории Рязанской области на 2008-2010 годы» и «Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Рязанской области на 2007-2010 годы».

Программы получили право на софинансирование из средств Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, в объеме 40,5 млн и 1,7 млн рублей соответственно. В результате реализации программных мероприятий на территории области получили дополнительное развитие межведомственная система профилактики социального сиротства и реабилитации семей группы риска. Финансирование из средств фонда позволило реализовать мероприятия, направленные на оптимизацию социальной работы с семьей и детьми. В учреждениях социального обслуживания созданы службы участковых социальных координаторов, позволяющие незамедлительно выявлять неблагополучие детей и своевременно информировать органы и учреждения системы профилактики безнадзорности и правонарушений; мобильные бригады для оказания экстренной социальной помощи семьям с детьми, права которых нарушены; отделения профилактики социального сиротства, основным направлением деятельности которых является формирование ответственного родительства.

их защитой в орган опеки и попечительства, а по достижении возраста четырнадцати лет – в суд.

3. Должностные лица организаций и иные граждане, которым станет известно об угрозе жизни или здоровью ребенка, о нарушении его прав и законных интересов, обязаны сообщить об этом в орган опеки и попечительства по месту фактического нахождения ребенка. При получении таких сведений орган опеки и попечительства обязан принять необходимые меры по защите прав и законных интересов ребенка.

В статье 56 Семейного кодекса Российской Федерации определено собственное право ребенка на защиту. Имеет ли ребенок возможность реализовать свое право на защиту от жестокого обращения и насилия? Слышим ли мы его голос, созданы ли условия для того, чтобы он был услышан?

По действующему российскому законодательству ребенок имеет право обратиться со своими проблемами в органы опеки и попечительства. Они ведут личный прием несовершеннолетних. Но никакой официальной статистики на этот счет нет. Специальной работы, направленной на то, чтобы повысить доверие детей к этим органам, не ведется. Реальный механизм обращения ребенка в органы государственной защиты опеки и попечительства не создан. Системы работы с обращениями детей нет даже в комиссиях по делам несовершеннолетних. Мы решили посмотреть, обращаются ли дети во вновь созданные институты защиты прав человека и ребенка. В нашем регионе есть Уполномоченный по правам человека, уже год работает Уполномоченный по правам ребенка. Но в основном к ним обращаются в связи с такими проблемами, как жилищные права детей-сирот. Я думаю, в других регионах то же самое. Получается, что сегодня ребенок не идет в эти институты.

Из всех субъектов профилактики статистику жестокого обращения с детьми реально получают только правоохранительные органы. Но это скорее сводки преступлений против несовершеннолетних. Я думаю, нужно, чтобы в ежегодных региональных докладах появились специальные разделы о преступлениях против несовершеннолетних. В докладе по Пермскому краю такой раздел есть, и мы считаем, что это важ-

ная составляющая мониторинга положения детей в семье и в обществе. Правда, при этом учитывается только статистика работы государственных органов.

С учеными из Пермского государственного педагогического университета (ПГПУ) и Пермского филиала Нижегородской академии МВД мы провели исследование, в ходе которого изучали разные аспекты отношения людей к бытовому насилию. Приведу некоторые результаты. Избиение, побои, ссоры с использованием нецензурной брани, угрозы, запугивание, лишение средств на жизненно важные вещи (еда, одежда, обувь, предметы личной гигиены) – все это практикуется в отношении детей. 78% взрослых считают, что при воспитании детей необходимо применять наказания.

Анкетирование детей показало большое разнообразие нарушений их прав в семье: психическое и физическое насилие, вмешательство в личную жизнь, нарушение права на свободное выражение взглядов, мнений, мыслей. Обратите внимание, мы опрашивали старшеклассников гимназии, где учатся в основном дети из благополучных семей. Но и там ситуация достаточно тревожная. Еще мы увидели, что даже в хорошей школе есть случаи жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство ребенка наказания, есть оскорбления и небрежное отношение. Мы посмотрели статистику детского телефона доверия: 39% кризисных звонков связаны с насилием.

Результаты опроса несовершеннолетних о том, куда они обратятся в случае нарушения их прав, в том числе жестокого обращения

- К родителям – 70%
- К Уполномоченному по правам человека или Уполномоченному по правам ребенка – 56%
- В суд – 15%
- На телефон доверия – 14%
- К друзьям – 13%
- К учителю – 11%

Мониторинг мнений детей о соблюдении их прав

Мы пришли к выводу, что надо создать инструментарий для мониторинга мнений детей о соблюдении их прав, и разработали анкету. Она состоит из трех блоков вопросов, которые позволяют выяснить, как ребенок оценивает собственные знания о своих правах, насколько он знаком с институтами защиты прав ребенка, какие нарушения прав он наблюдает или испытывает. Мы готовы этот инструментарий совершенствовать, апробировать на разных выборках и уже говорили об этом с Уполномоченным по правам человека в РФ. Мне кажется, что необходимо вести такой мониторинг на общенациональном уровне: есть официальная статистика, но мнение ребенка мы должны слышать.

Каналы получения информации о неблагополучии

Сегодня необходимо создавать специальные каналы получения сигналов о неблагополучии ребенка. Безусловно, очень полезен формат телефонов доверия, и я с большим уважением отношусь к тем регионам, которые от телефонов доверия перешли к вариантам экстренной помощи. Все, что сегодня на национальном уровне предлагается, – единый трехзначный телефонный номер, поддержка программ экстренного реагирования в регионах и т.д. – это очень актуально.

Нужно создавать специализированные приемные уполномоченных по правам человека и по правам ребенка: без вехтера, без посредников, задающих лишние вопросы, а с улицы шагнул – и сразу к омбудсмену. Мы уже выбрали подходящее помещение.

Механизмы взаимодействия и реагирования

Голоса ребенка пока не слышно, наверное, именно потому, что нет эффективных механизмов взаимодействия и реагирования. Нам надо внести изменения в законодательство, чтобы право «вторжения» в семью, где есть опасность для ребенка, стало легитимным. Реабилитационные мероприятия для такой семьи должны быть определены законодательно. И уже на этой основе нужно проводить реабилитацию – принуди-

тельную или договорную – семьи, которая не относится к ребенку должным образом.

Подробнее об этом см. материалы [секции «Лучшие практики раннего выявления семейного неблагополучия и организации помощи семьям групп риска»](#)

Евгений Цымбал,
директор ГОУ ЦПМСС «Озон»

Медико-психологическое сопровождение детей, пострадавших от сексуальных посягательств

За последний год отношение государства к наиболее тяжелым формам жестокого обращения с детьми действительно изменилось. Это выявило две слабые стороны. Первое: недостаточно внимания уделяется изменениям, которые преступления вызывают в личности ребенка. Ведь любое преступление против ребенка – это прежде всего преступление против его личности. Второе: отсутствуют специалисты, которые могли бы зафиксировать изменения в психике ребенка в результате преступления. Пример семьи Глеба Агеева это подтверждает: несвоевременно возбуждено уголовное дело, несвоевременно (и без участия потерпевшего, исключительно по его фотографии!) проведена судебно-медицинская экспертиза, несвоевременный допрос ребенка. В итоге возникла ситуация, позволяющая господам Агеевым исказить факты. Это не должно повториться.

Что нужно, чтобы защитить ребенка? Во-первых, прекратить насилие. Это непростой вопрос, поскольку, как известно, с момента обращения в правоохранительные органы до возбуждения уголовного дела проходит время, и в этот период на ребенка могут оказывать психологическое воздействие. Во-вторых, оказать ребенку психологическую помощь, провести медицинскую реабилитацию, возместить вред. На этом фоне привлечение виновного к уголовной ответственности и стремление к ужесточению этой ответственности – лишь одно из средств, с помощью которых мы защищаем детей, и совсем не самое важное.

Медико-психолого-социальное сопровождение должно быть направлено, прежде всего, на устранение негативных последствий насилия для личности ребенка. Вот основные принципы: помощь должна быть комплексной, иметь системный характер, динамической, и, кроме того, должен соблюдаться приоритет интересов ребенка.

Комплексная помощь

Поддержки одного вида – психологической, юридической или социальной – недостаточно. Они обязательно должны предоставляться вместе, поскольку только таким образом мы можем обеспечить решение проблем, которые возникают у потерпевшего и в его окружении. И эту помощь они должны получать не в нескольких ведомствах, а в одном учреждении.

Системный подход

Объектом помощи является ребенок, но он, как уже говорилось, на практике не обладает правом субъектности, и возможности его защиты на 80–90% зависят от того, какую позицию занимают значимые взрослые. Получится сформировать позицию семьи – он будет защищен, не удастся – ничего не выйдет, даже если будет возбуждено уголовное дело. В процесс защиты ребенка вовлекаются следователи, прокурор и суд. Следовательно эти люди тоже должны быть объектом работы специалистов. И, наконец, очень важную роль в помощи ребенку могут сыграть органы опеки и попечительства, образовательные учреждения.

Динамический подход

Помощь должна быть выстроена в соответствии с этапами уголовного судопроизводства.

Что происходит при обращении в правоохранительные органы? Во-первых, ребенку и значимому взрослому нужна экстренная психологическая помощь, чтобы справиться с внезапно обрушившейся на них бедой, которая дезорганизует их поведение, в частности, лишает родителей возможности поддерживать ребенка. Часто требуется медицинское обследование. Это может показаться странным, но следует

формировать убеждение взрослых в необходимости защиты интересов ребенка. Есть ситуации, в которых женщина долго не может решить, кого поддерживать. Когда, например, старший брат, достигший возраста уголовной ответственности, совершает действия сексуального характера с младшей сестрой. Кого должна выбрать мать? Это страшный выбор. В некоторых случаях, когда речь идет об incestных отношениях, женщине приходится выбирать: либо годы бедности и борьбы, либо благополучие и процветание ценой психологического здоровья ребенка. Такое решение принимать очень тяжело. Нужно разъяснять родителям возможные пути защиты ребенка, оказывать содействие в подаче заявления и в сборе доказательств, которые убедят следователя в том, что действительно имело место преступление. Самый распространенный вопрос из тех, которые задают мне следователи, – не врет ли ребенок? Это притом, что в 90% случаев, когда информация о сексуальных действиях поступала от детей, она подтверждалась.

На этапе досудебного производства для ребенка и его законных представителей большое значение имеют психологическая поддержка, психологическая диагностика и коррекция. Необходимо участие специалистов в допросе ребенка. Важную роль могут сыграть заключения о психологическом состоянии, которые фиксируют следы преступления и могут быть положены в основу обвинения.

Приоритет интересов ребенка

Признание приоритета интересов ребенка означает, что работа со случаем должна начинаться с обеспечения безопасности ребенка. Также из этого принципа следует, что при обеспечении безопасности ребенка целью процесса сопровождения становится не столько наказание виновного, сколько оказание медико-психологической помощи потерпевшему.

См. также: [«Время лечит – это очень опасная идея» – интервью Евгения Цымбала, в котором он рассказывает о работе Центра психолого-медико-социального сопровождения «ОЗОН».](#)

Роман Йорик,
председатель правления Санкт-Петербургской
общественной организации «Врачи детям»

Модели помощи детям, пострадавшим от насилия в Санкт-Петербурге

Я хочу представить модель, которую реализовали в Санкт-Петербурге организация «Право на здоровье» (до 2009 года она называлась «Врачи мира»), Санкт-Петербургская общественная организация «Врачи детям» и государственные учреждения социальной защиты и здравоохранения Санкт-Петербурга. Но сначала немного о тех проблемах, с которыми все мы сталкиваемся на практике.

Региональная и национальная статистика

В 2008 году в Санкт-Петербурге было совершено 4,5 преступления против несовершеннолетних на 1000 детского населения. Это данные из официального отчета о положении детей в Санкт-Петербурге. (Подобные отчеты публикуются в Санкт-Петербурге не первый год, и они доступны в Интернете.) Такую статистику на сегодняшний день предоставляют лишь немногие субъекты Федерации. Недавно я пытался получить отчет о положении детей в другом регионе, но мне отказали: отчет только для служебного пользования.

Итак, 4,5 преступления на 1000 детского населения – это много или мало? В целом данные по Санкт-Петербургу соответствуют общероссийской статистике за 2008 год: 126 тыс. преступлений на 28 млн детского населения – это 4,5 на тысячу.

В США этот показатель почти в 10 раз выше: 44 преступления на 1000 детского населения. При этом они говорят, что регистрируется только четверть из совершенных преступлений. И нам, наверное, тоже надо задуматься об уровне регистрации.

Недостатки системы выявления случаев насилия

В соответствии с Федеральным законом «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений не-

совершеннолетних» от 24.06.99 №120-ФЗ выявлением детей, пострадавших от насилия, занимаются несколько субъектов профилактики.

[См. рисунок 2 – Выявление и помощь детям, пострадавшим от насилия.](#)

Какие затруднения возникают в этой схеме? Очевидный недостаток – низкая информированность детей и взрослых о том, что такое насилие (со стороны сверстников и со стороны членов семьи) и куда нужно обращаться за помощью.

Вторая проблема – недостаточная профессиональная подготовка специалистов. Например, в дошкольных учреждениях нет социальных педагогов, а воспитатели обычно плохо информированы о ранних признаках насилия. Кроме того, необходимо учитывать, что дети из самых неблагополучных, наиболее подверженных риску насилия семей нередко в дошкольные учреждения не ходят.

Есть трудности в учреждениях здравоохранения. Нужен алгоритм перенаправления сведений о детях, подвергшихся насилию. Допустим, в детской городской больнице получены сведения. Куда сообщать об этом? В какое из 11 муниципальных образований Санкт-Петербурга?

Теперь об инструменте принятия решений. Как сказано в докладе о положении детей в Санкт-Петербурге, с момента выявления кризисных ситуаций до лишения родительских прав и изъятия ребенка из семьи проходит от нескольких недель до нескольких лет (по оценке специалистов отделов опеки и попечительства).

О чем этого говорит? С одной стороны, ведется работа по реабилитации семьи, сохранению ее целостности. Но есть и проблемы принятия решений об изъятии ребенка из семьи, объективной оценки ситуации риска в семье. В Санкт-Петербурге доля случаев лишения родительских прав в общей массе рассмотренных дел пока достаточно велика, но акцент постепенно смещается в сторону реабилитации.

Руководство по оценке и ведению случая

В 2007 году в партнерстве с британской организацией Every Child мы разработали и опубликовали Руководство по оценке

и попечительства, с отделами внутренних дел, комиссиями по делам несовершеннолетних.

Само отделение состоит из двух помещений – кабинет для консультирования детей и офисное помещение. Наши специалисты работают также в клинических отделениях. За шесть месяцев 2009 года в отделении была оказана помощь 360 пациентам больницы. Большая часть из них – дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации.

Зинаида Бодановская,
исполнительный директор РОО «Стеллит»

Порнографические материалы с участием несовершеннолетних: анализ случаев и рекомендации по противодействию

Региональная общественная организация социальных проектов в сфере благополучия населения «Стеллит» зарегистрирована в 2002 году.

Основные направления деятельности РОО «Стеллит»:

- социологические исследования девиантного поведения в сфере здоровья и эпидемиологические исследования передачи ВИЧ и ИППП, в том числе, в группах риска;
- формирование здорового образа жизни среди различных групп населения;
- противодействие коммерческой сексуальной эксплуатации детей.

С 2005 года РОО «Стеллит» является представителем международной сети ЕCPAT («End Child Prostitution, Child Pornography and Trafficking of Children for Sexual Purposes» - «Покончим с детской проституцией, детской порнографией и торговлей детьми в сексуальных целях») в Российской Федерации.

Приведу результаты некоторых исследований.

Доступ к Всемирной сети имеет сейчас каждый пятый ребенок. Пока это в основном старшеклассники в больших городах, но очевидно, что детская аудитория Интернета будет только рас-

и ведению случая. В нем описываются инструменты оценки ситуации риска в семье, инструменты объективного принятия решения об изъятии ребенка и об оставлении его в семье и инструменты по построению плана ведения случая. Руководство одобрено Комитетом по социальной политике Санкт-Петербурга.

Отделение социальной реабилитации несовершеннолетних в детской больнице

В 2008 году совместно с Детской многопрофильной больницей № 5 и отделом социальной защиты Фрунзенского района Санкт-Петербурга мы создали отделение социальной реабилитации несовершеннолетних, пострадавших от насилия и находящихся в трудной жизненной ситуации. Это уникальное для нашего города учреждение. Оно относится к Социально-реабилитационному центру для несовершеннолетних, который расположен на территории детской многопрофильной больницы.

В отделении сейчас работают три специалиста: заведующий отделением, психолог и специалист по социальной работе. Одна ставка финансируется государственным учреждением, и два специалиста – сотрудники негосударственных организаций.

Мы не ожидали, что отделение будет настолько востребовано. Сначала мы разбирали многомесячные завалы сведений, не отправленных в органы опеки и попечительства, – просто до нас некому этим было заниматься. Но уже через несколько недель специалисты приступили к тому, ради чего это отделение и создавалось, то есть консультированию детей, пострадавших от насилия.

Детская многопрофильная больница № 5 – единственное медицинское учреждение в Санкт-Петербурге, где есть детское гинекологическое отделение. Соответственно сюда попадают дети, пострадавшие от насилия. Плюс травматология, токсикология и т.д. Основная задача нашего отделения – оказание кризисной помощи непосредственно в больнице и перенаправление случаев в учреждения социальной защиты Санкт-Петербурга, а также взаимодействие с органами опеки

ширяться. Около 30% пользователей обращаются к Интернету для посещения сайта знакомств, видеосайтов и чтения блогов. Статистика МВД РФ показывает, что с 2004 года количество преступлений, связанных с распространением порнографических материалов, начало резко увеличиваться и выросло в десятки раз. Это количественные данные. Качественные мы попытались получить в 2008 году, когда проводили в России исследование, инициированное ЕСПАТ International (оно велось также в Молдове, Беларуси и Украине).

Это исследование включало интервью с представителями правоохранительных органов – руководителями отделов по борьбе с организованной преступностью и бандитизмом, а также отделов по надзору за делами по преступлениям, совершенным против несовершеннолетних. Нас интересовали следующие блоки информации: портрет жертвы, портрет преступника, особенности преступления, процесс расследования, процесс возбуждения уголовного дела, судебные слушания, реакция СМИ, реакция общественности. На некоторых из этих программных вопросов остановлюсь подробнее.

Портреты жертвы и преступника

Существует миф о том, что в порносъёмках используются дети из неблагополучных семей. Это не так. Вспомним одно из нашумевших дел, когда несовершеннолетних вовлекали в порнобизнес через сеть модельных агентств, куда родители сами отдавали дочерей. Через эти модельные агентства прошли сотни несовершеннолетних на территории Украины и России.

Что касается преступника, сегодня это вовсе не маньяк-педофил. Нет, часто это образованный, обаятельный, хорошо одетый, умеющий себя вести, отдающий отчет в своих действиях и способный оценивать их последствия человек.

Процесс расследования и слушаний в суде

Поскольку в законодательстве отсутствует определение детской порнографии, возникают сложности с квалификацией уголовных дел по этой статье. Поэтому в некоторых случаях приходится квалифицировать дела по другим статьям, предусматривающим другое наказание.

Также особое внимание следует уделить тому факту, что на данный момент в подавляющем большинстве случаев отсутствуют меры по защите жертв во время расследований и слушаний в суде. Это может проявляться в очень широком спектре действий. Детей неоднократно допрашивают, и часто допросы, в ходе которых надо снова и снова рассказывать о тяжелом событии, вторично травмируют ребенка. В зале суда детей без предварительной подготовки могут допрашивать в присутствии обвиняемых.

Конечно, и об этом неоднократно говорили, недостаточно отработаны механизмы межведомственного взаимодействия, вследствие чего теряются время, информация, снижается эффективность оказываемой ребенку помощи.

Сейчас мы проводим исследование среди специалистов системы оказания помощи детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Оно еще не закончено, но уже получены интересные данные, и можно говорить о некоторых тенденциях. Мы говорили со многими специалистами, достаточно успешными, давно работающими с детьми, но когда задаешь им вопрос «Вам попадались дети с опытом сексуального насилия?», даже по невербальным проявлениям видно, что человеку трудно об этом разговаривать. Ребенок, видя такую реакцию, скорее всего на контакт не пойдет. Об этом можно судить по тем случаям, когда все-таки удавалось установить контакт с ребенком, и он сообщал о факте сексуального насилия, который произошел год и более назад. Когда ему задавали вопрос: «Почему ты не говорил об этом? Ведь к тебе приходили люди из органов опеки, специалисты», – он отвечал: «Меня не спрашивали. Я боялся об этом рассказывать».

Возвращаясь к анализу расследования случаев преступлений против детей, связанных с изготовлением порнографии, нужно отметить, что они попадают в поле зрения органов внутренних дел достаточно случайно. Дети с такими проблемами не обращаются к взрослым, и преступники этим пользуются.

Кроме того, в подобных делах достаточно сложно доказать наличие организованной преступной группировки: высокие технологии позволяют преступникам не встречаться лично, часто они даже не знакомы.

Результаты дискуссий (по материалам параллельной программы конференции)

Секция «Нормативно-правовое регулирование, межведомственное взаимодействие и организация деятельности в сфере профилактики жестокого обращения и последующей реабилитации детей»

В работе секции приняли участие представители регионов, имеющих значительный опыт в области развития модели системы профилактики жестокого обращения, а также научного и экспертного сообщества, некоммерческих организаций. В своих выступлениях они затрагивали концептуальные вопросы в сфере защиты детства, проблемы сбора и анализа статистической информации, вопросы оценки эффективности социальных реформ, отдельные правовые механизмы, были представлены разные технологии межсекторного взаимодействия.

[Предложения, сформулированные участниками секции, вошли в одноименный раздел резолюции конференции.](#)

Надежда Иванова,
заведующая лабораторией социальных проблем детства Института семьи и воспитания Российской академии образования

Создание единого правового пространства в сфере защиты прав ребенка

Очень активно развиваются системы профилактики в регионах. Не во всех конечно, но есть регионы-«звездочки», и мы ездим, смотрим, записываем. В первую очередь это Пермь,

Ключевые барьеры в противодействии коммерческой сексуальной эксплуатации детей

Таких ключевых барьеров три:

- недостаточно эффективная помощь специалистов, в поле зрения которых попадают дети, демонстрирующие определенную симптоматику, но за помощью не обращающиеся;
- низкая информированность общества о проблеме и низкая готовность к содействию в ее разрешении;
- дефицит постоянно действующих комплексных целевых превентивных программ.

Необходимые меры

Необходимо сотрудничать с компаниями, работающими в сфере высоких технологий. Они идут на контакт, но сами инициативы не проявляют. Нужно предлагать им конкретные программы. За рубежом такая практика уже есть. Например, получив соответствующую информацию, банки блокируют переводы денежных средств с платежных карт на оплату услуг порносайтов.

Необходима популяризация существующих механизмов оказания помощи, потому что и дети, и взрослые недостаточно информированы о том, как нужно действовать, куда обратиться за помощью.

Необходимо совершенствовать научно-методологический инструментарий реабилитации жертв коммерческой сексуальной эксплуатации, разрабатывать программы поддержки семей, в которых воспитываются дети, пострадавшие от таких преступлений.

Подробнее об этом см. материалы [секции «Развитие реабилитационных услуг для детей, пострадавших от жестокого обращения и пренебрежения, и их семей»](#)

Томск и Белгород. Интересный опыт есть, наверное, и в других субъектах Федерации.

Нам мешает межведомственная разобщенность, мозаичность. С 1993 года я ежегодно готовлю доклад о положении детей в Российской Федерации. И по опыту знаю, что многие данные получить негде. В министерстве дают свою информацию, регионы присылают свою. Сопоставить разные сведения, выстроить объективную картину очень трудно. Создаваемые в регионах системы помогают преодолеть межведомственную разобщенность, но дается это трудно. Поэтому у меня есть следующее предложение.

В 2008 году наш институт разрабатывал для Москвы вопросы введения единой документации в профилактике социального сиротства. Мы предложили формы документов, обосновали, почему именно такие документы должны быть. Я говорю о создании единого технологического поля, на котором действовали бы все субъекты, участвующие в профилактике социального сиротства. Во-первых, необходимо принять процессный подход к профилактике социального сиротства на уровне технологий. Ребенок попал в неблагополучную ситуацию, и первый орган, который с ним работает, – милиция, органы социальной опеки, социально-реабилитационный центр или школа – должен иметь документ, единый для всех. И с этого момента до выхода из кризисной ситуации каждый шаг ведения ребенка должен быть зафиксирован, а документ передаваться от одного органа к другому. А сейчас в социально-реабилитационном центре ребенок побыл, потом документы потерялись, и никто не знает, куда он попал, – в семью или в детский дом. Во-вторых, все используемые документы должны быть объединены в единой технологии, в единой системе.

Вот о каких документах идет речь:

- порядок обследования условий жизни ребенка для признания его «нуждающимся в государственной защите» (форма первичной оценки семьи);
- документ о выявлении факта нарушения прав ребенка;
- план действий по защите прав ребенка;

- порядок организации социального патроната детей, нуждающихся в государственной защите (договор о социальном патронате; формы текущей и заключительной оценки семьи, договор о постинтернатном патронате и др.);
- форма контроля развития и воспитания ребенка в замещающей семье.

Таким образом, процесс взаимодействия всех субъектов, участвующих в профилактике сиротства, будет естественным образом сфокусирован на обеспечении прав ребенка и семьи, что, несомненно, повысит результативность общих действий.

Я много лет занимаюсь темой профилактики социального сиротства, и все это время законодательная база развивалась с большим трудом, принимались законы, в которые тут же вносились предложения, дополнения, изменения. То же самое происходит сейчас с Федеральным законом «Об опеке и попечительстве» N 48-ФЗ. Я считаю, что именно патронат, который сейчас у нас находится в подвешенном состоянии, вел к созданию единого поля, не только технологического, но и нормативно-правового. Я надеюсь, мы все-таки добьемся права развивать такую форму опеки над детьми, как патронатное воспитание.

Борис Альтшулер,

руководитель региональной общественной организации содействия защите прав детей «Право ребенка»

Четыре системообразующих шага, необходимых для построения современной системы защиты детства в Российской Федерации

Данные предложения суммируют уже существующий успешный опыт системной работы в ряде субъектов и муниципальных образований России.

1. Если Президент России Д.А. Медведев говорит (16.03.2009), что стране «необходима современная система защиты детства, сегодня такой системы в стране просто нет», то естественно начать государственное строительство

этой системы с учреждения на федеральном уровне системообразующего органа и обеспечения единства управления работой по защите детства и семьи на муниципальном, региональном и федеральном уровнях. В действительности такой орган уже существует – это межведомственная правительственная комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДНиЗП), и федеральное законодательство (№ 120-ФЗ 1999 г.) уже наделило КДНиЗП координирующим (то есть системообразующим) функционалом. В ряде регионов (Московская, Саратовская области, Пермский край) это уже реализуется на практике. Однако для того, чтобы правительственная КДНиЗП смогла стать таким системообразующим органом федерального уровня, необходимо поднять ее статус и создать в Аппарате Правительства РФ небольшое (хватит 10–15 сотрудников) структурное подразделение по информационно-аналитическому и методическому обеспечению системообразующей деятельности правительственной КДНиЗП. Это же подразделение должно подготовить проекты долгожданных федеральных актов, регламентирующих координирующий функционал комиссий на местах и определяющих федеральную вертикаль КДНиЗП: федеральная, региональные, муниципальные и общественные КДНиЗП. Оно же должно разработать проект насущно необходимого федерального акта о региональных и муниципальных банках данных о детях и семьях, находящихся в социально опасном положении, в трудной жизненной ситуации.

2. Если предыдущий Президент РФ В.В. Путин поручил «разработать механизмы, которые позволят сократить число детей, находящихся в интернатных учреждениях» (10.05.2006), а действующий президент Д.А. Медведев говорит, что «необходимо кардинально усовершенствовать и саму работу социальных учреждений, отвечающих за взаимодействие с неблагополучными семьями» (16.03.2009), – значит надо допустить к этой многоплановой работе профессионалов. В регионах эта профессиональная работа развивалась в последние годы в форме патроната (социального патроната и патронатного воспитания).

Абсолютно необходимо внести в федеральное законодательство – и это будет важнейший системообразующий шаг – норму о договоре, заключаемом на добровольной основе родителями (кровными либо приемными) с профессиональной службой (службами) о безвозмездном предоставлении данной семье в плановом порядке необходимых комплексных услуг. Третьим субъектом договора может быть территориальный правоустанавливающий орган, утверждающий данный индивидуальный план работы. Результатом отсутствия в федеральном законодательстве нормы о таком договоре является трагическая безальтернативность работы с семьями групп риска: либо отобрание ребенка (детей), либо невмешательство государства в ситуацию, нарушение прав ребенка бездействием. Внесение в федеральное законодательство нормы о таком договоре также обяжет ведомства – субъекты системы профилактики – предусматривать кадровые и финансовые ресурсы на исполнение соответствующих индивидуальных программ сопровождения (реабилитации, помощи), то есть работать в порядке безвозмездного муниципального социального заказа.

3. Необходимо принятие Федерального закона «Об общественном контроле в социальной сфере». О необходимости такого общественного контроля с предельной ясностью высказался Д.А. Медведев на встрече с членами и экспертами Общественной палаты РФ 30 ноября 2007 года: [«Тот высочайший в ряде государств уровень охраны детства, укрепления семьи, которого они достигли, на мой взгляд, прежде всего связан с развитием институтов общественного контроля, а не с тем, что в какой-то момент государство поумнело и решило все эти функции принять на себя»](#).

На практике для обеспечения реальной независимости этого важнейшего общественного института от контролируемых региональных ведомств структура этого закона должна быть примерно такой, как и Федерального закона Российской Федерации от 10 июня 2008 г. N 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания», то есть соответствующие регио-

Эти документы создали правовое поле для реформирования управленческой составляющей нашей работы.

Распоряжением губернатора N 407 («О взаимодействии исполнительных органов государственной власти Томской области с иными органами и организациями по вопросам выявления детей, нуждающихся в государственной защите, и устранения причин нарушения их прав и законных интересов») мы попытались выстроить взаимодействие всех тех структур, которые сегодня задействованы в процессе выявления детей, жизнедеятельность которых ограничена, и права нарушены. В дальнейшем мы пошагово прописали весь технологический процесс, потому что выпадение даже одного звена может свети на нет всю работу.

Серия документов связана с построением реабилитационного пространства в Томской области. У нас в основном преобладали приюты, впоследствии они были преобразованы в реабилитационные центры. Мы настаивали на создании именно сети учреждений, хотя понимали, что увеличение численности учреждений не является залогом того, что услуга будет качественной и доступной. Так возникла идея заказа услуг. В порядке эксперимента при поддержке Национального фонда защиты детей от жестокого обращения мы попробовали определить минимальный набор стандартов, который позволил бы не только сохранить ребенка в школьном пространстве, но и ввести в это пространство реабилитационную составляющую. Этот стандарт называется «Социальная гостиная». Второй стандарт касался реабилитационного досуга детей, третий связан с сопровождением замещающей семьи. В ближайшие годы мы планируем разработать 14 таких стандартов и внедрить их с помощью Национального фонда защиты детей от жестокого обращения и Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Эта составляющая нашей работы связана с построением инфраструктуры.

Пока мы не можем в полной мере приступить к созданию системы подготовки и повышения квалификации кадров. Таких программ у нас пока нет, хотя это архиважная работа. Я думаю, эти три составляющие – реформирование управления,

нальные наблюдательные комиссии должны формироваться на федеральном уровне.

4. И конечно, необходимо принятие пакета законов о ювенальной юстиции, что направлено не на разрушение российской семьи (как говорят некоторые несведущие в этом деле люди), а, наоборот, на ее укрепление. Существующая сейчас бессистемность (см. вышеприведенную цитату Президента России) катастрофически влияет на семью, разрушает ее, что подтверждается и данными государственной статистики.

Любовь Морозова,

*начальник отдела координации и мониторинга услуг
Департамента по вопросам семьи и детей
Томской области*

Нормативно-правовое регулирование системы профилактики социального сиротства в Томской области

Я хочу дать некоторые комментарии к сборнику статей, представленному на сайте Национального фонда защиты детей от жестокого обращения. [Сборник называется «Реализация государственной семейной политики в сфере профилактики социального сиротства: опыт Томской области».](#)

В 1990-е годы в Томской области практиковались некие отдельные услуги семье. Но результатов мы не видели и при поддержке Национального фонда начали анализировать, что же является тормозом. В результате этого анализа был принят ряд документов.

Первым из них стало Распоряжение губернатора Томской области N 693-р «О создании системы профилактики социального сиротства в Томской области». Это была попытка поставить все на свои места, то есть в основе – услуга семье, помощь семье, а не работа с ликвидацией последствий сиротства. В законе «Об организации деятельности в сфере опеки и попечительства в Томской области» в качестве координирующего органа был назван орган опеки и попечительства.

создание инфраструктуры, работа с кадрами – дадут нам желаемый результат.

Как только администрация области приступила к процессу реформирования, возник вопрос: каков основной показатель нашей деятельности? У нас есть областная программа, включающая систему показателей. И мы пришли к выводу, что главный показатель – не знаю, насколько он покажется вам убедительным, – это удельный вес детей, живущих вне семьи. Мы посчитали ребятишек, которые находятся под защитой государства в детских домах, домах ребенка, интернатах для детей-инвалидов, даже тех детей, которые длительное время находятся в социально-реабилитационных центрах. Из этого показателя вытекает множество других показателей.

Татьяна Тимофеева,
начальник отдела охраны прав детства
Управления образования и науки Тамбовской области

Нормативно-правовое обеспечение деятельности по внедрению технологии раннего выявления детей и семей группы риска на территории Тамбовской области

На территории Тамбовской области проводилось много мероприятий, направленных на профилактику социального сиротства. Но, к сожалению, долгое время достигнуть значимых результатов не удавалось. Число детей и семей, находящихся в социально опасном положении, снижалось, но не так быстро, как хотелось бы. Поэтому пришлось искать инновационные технологии. Для этого и для координации деятельности по проблеме социального сиротства вообще была разработана модель межведомственного взаимодействия. Была найдена технология раннего выявления детей из семей группы риска, которая объединила ресурсы администрации области, органов государственной власти, местного самоуправления. Было принято решение внедрить эту технологию на территории одного города и посмотреть, что это даст. Внедрение этой технологии потребовало решения ряда задач.

Первая – создание нормативно-правового обеспечения. Решение этой задачи вызвало значительные трудности. Отработанных методов, проложенных тропинок не было, и приходилось действовать буквально вслепую. Прежде всего, в качестве эксперимента администрация Тамбовской области и Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения заключили Соглашение о сотрудничестве и развитии механизмов профилактики социального сиротства, беспризорности и правонарушений несовершеннолетних на территории Тамбовской области. Эксперты Национального фонда помогли с подготовкой специалистов по работе с семьями. Была разработана структурно-функциональная модель в сфере профилактики социального сиротства, подготовлены два постановления администрации города. Первое – о создании Координационного совета г. Тамбова по профилактике социального сиротства и предупреждению жестокого обращения с детьми, в который вошли представители всех заинтересованных сторон. Вторым постановлением – об обеспечении апробирования новых технологий по профилактике социального сиротства и предупреждению жестокого обращения с детьми в Тамбове – утверждены модель профилактики социального сиротства, перечни учреждений по раннему выявлению детей из группы риска, уполномоченных служб и состав кураторов, перечень учреждений и услуг, предоставляемых семье. Эта модель включает пошаговые действия всех заинтересованных структур, начиная с момента обнаружения факта жестокого обращения.

Модель предусматривает открытие случая, передачу его в уполномоченную службу, определение услуг, необходимых для реабилитации семьи, работу кураторов, проведение консилиума и закрытие случая с положительным или отрицательным результатом. В перечень учреждений по раннему выявлению вошли около 20 учреждений (на сегодняшний день он значительно расширен). В трех учреждениях были созданы уполномоченные службы, на базе которых работают кураторы. Это те специалисты, которые работают непосредственно с семьей, выясняют, какие у нее проблемы и какая требуется помощь: психолого-педагогическая, материальная, медицинская и т.д.

В перечень учреждений в поддержку семьи вошли городская поликлиника, детская поликлиника, центр занятости, центр психолого-педагогической реабилитации и коррекции, центр образования детей. Таким образом, мы постарались составить полный перечень бесплатных услуг, который город может оказать семье, оказавшейся в кризисной ситуации.

Первые результаты нас очень вдохновили. В 91% из всех выявленных случаев дети остались в кровных семьях. Сопровождение семей осуществлялось в течение полутора лет. Тогда мы начали распространять эту инновационную технологию еще в десяти территориях Тамбовской области. Все, что было наработано в Тамбове, было передано территориям, и сейчас там уже полностью подготовлена нормативно-правовая база. На данный момент начинается работа в следующих десяти территориях.

В заключение хочу отметить, что эта работа потребовала не только подготовки большого количества документов, но и работы с людьми. Стоило большого труда убедить органы опеки в полезности этого начинания, и я хочу выразить благодарность Национальному фонду защиты детей от жестокого обращения за то, что он предоставил нам систему обучения, обучил наших специалистов и убедил их в том, что эта технология будет работать. Она действительно работает.

Ирина Сперанская,

консультант управления организации и осуществления деятельности по опеке и попечительству департамента образования Новосибирской области

Нормативно-правовое регулирование деятельности по защите прав детей в Новосибирской области

Поскольку решение вопросов опеки и попечительства переданы субъектам Федерации, у нас были приняты два закона об опеке и попечительстве и наделении органов самоуправления отдельными государственными полномочиями по данному виду деятельности.

В настоящее время мы вносим изменения в эти законы, приводим их в соответствие с постановлениями правительства N 423 («Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан») и N 432 («О временной передаче детей, находящихся в организациях для детей-сирот, и детей, оставшихся без попечения родителей, в семьи граждан, постоянно проживающих на территории Российской Федерации»).

На областном уровне и на уровне местного самоуправления проводятся сопровождение замещающих семей, постинтернатное сопровождение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Деятельность по защите прав детей строится в области программно-целевым методом. Действуют программа «Дети Новосибирской области», программа демографического развития Новосибирской области. Сейчас мы приступаем к реализации программы «Чужих детей не бывает», получившей поддержку Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. В рамках программы Фонд финансирует мероприятия по развитию участковых служб и служб сопровождения, а также по внедрению программы «Аист».

Среди законов Новосибирской области, касающихся вопросов защиты прав детей-сирот, следует отметить закон «О защите прав детей в Новосибирской области». Последние изменения внесены в него в июне 2009 года – в части защиты прав детей от факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное, нравственное развитие. Были приняты нормы, касающиеся распространения печатной продукции, аудио-, видео-, кинопродукции, компьютерных программ и т.д., а также ограничено время пребывания детей без сопровождения совершеннолетних взрослых в общественных местах.

Также в области действуют законы «О вознаграждении приемным родителям и мерах социальной поддержки, предоставляемых приемной семье», «Об учете органами местного самоуправления граждан в качестве нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых в Новосибирской области по договорам социального найма», «О порядке образования и

организации деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в Новосибирской области», «О размере и порядке выплаты денежных средств на содержание детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, находящихся под опекой (попечительством), в приемной семье», «О регулировании отношений в сфере образования на территории Новосибирской области».

Уполномоченным органом по опеке и попечительству в отношении несовершеннолетних у нас является департамент образования. Органы самоуправления Новосибирской области наделены полномочиями по обеспечению граждан жилищем, оказанию материальной поддержки сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и вознаграждению приемных родителей.

Вознаграждение приемных родителей сегодня такое: из доплат базовой части 1572 рубля плюс районный коэффициент 1,25. Кроме того, к базовой части выплачивается зарплата за каждого ребенка, принятого на воспитание сверх одного, в размере 20%. За каждого принятого на воспитание ребенка с ограниченными возможностями здоровья и хроническими заболеваниями – тоже 20% от базовой части. В процессе реализации закона и соответствующего постановления Новосибирской области по установлению доплат поступило много обращений от граждан, в которых ставился вполне логичный вопрос. И тонзиллит, и ДЦП – хронические заболевания, но понятно, что воспитывать ребенка с ДЦП гораздо сложнее. В связи с этим мы внесли законопроект (он находится на стадии согласования), где установили дополнительные доплаты на так называемых «непривлекательных для приемных родителей» детей. Это, во-первых, дети подросткового возраста. Во-вторых, дети, вернувшиеся из воспитательных колоний и из специальных учебно-воспитательных учреждений. В-третьих, дети с ограниченными возможностями, дети-инвалиды. Приемные родители таких детей будут получать дополнительную зарплату сверх уже выплачиваемых 20%. Кроме того, установлены единовременные выплаты на обеспечение одеждой, обувью, спортивным инвентарем.

Что касается вопросов защиты прав и интересов детей в судах. В форме 103-РИК содержится информация о случаях жестокого обращения, рассматриваемых в рамках судебной практики. В настоящее время назрела острая необходимость по введению в эту форму такого раздела, как обращения в органы опеки и попечительства, регистрация всех обращений в связи с жестоким обращением.

Изменения, внесенные в многострадальную статью 6 Федерального закона «Об опеке и попечительстве» N 48-ФЗ, – это, по сути, результат той печальной ситуации, которая сложилась в Новосибирской области осенью 2008 года, когда житель Новосибирской области подал жалобу в Верховный суд Российской Федерации, посчитав, что органы опеки и попечительства, наделенные полномочиями органами местного самоуправления, не могут отбирать у него ребенка, вообще не могут предпринимать в отношении него никаких действий. Тогда и возник соответствующий законопроект, и в июле 2009 года, наконец, был принят Федеральный закон «О внесении изменений в статью 6 Федерального закона «Об опеке и попечительстве» N 178-ФЗ, который разрешил наделять органы опеки и попечительства отдельными государственными полномочиями. Сами мы сразу принять закон не успели, потому что депутаты летом были в отпуске. И до последнего времени мы как представители областного департамента образования, областного органа опеки и попечительства были вынуждены либо лично ходить в суды, либо выдавать доверенности органам опеки и попечительства муниципальных образований Новосибирской области. В сентябре в рамках тех изменений в региональном законодательстве, о которых я говорила, мы эти хождения по судам прекратили.

Среди форм устройства, которые сегодня применяются в рамках законодательства, наиболее интенсивно в Новосибирской области развивается институт приемной семьи. С ним возникают некоторые проблемы. Об этом много здесь говорили, в частности, о возвратах детей. Кроме того, мы испытываем острую потребность в развитии служб сопровождения, и это проходит красной нитью через все наши программы. Есть проблемы и на уровне законодательства. До сих пор не прове-

Численность детей-сирот у нас сохраняется на достаточно высоком уровне. В связи с этим было принято решение о создании Концепции профилактики социального сиротства в Новосибирской области. Проект разработан совместно со специалистами Национального фонда защиты детей от жестокого обращения.

Антон Жаров,
адвокат КА «Безруков, Доронин и партнеры»,
преподаватель школы приемных родителей
БФ «Семья»

«Белые пятна» и «узкие места» в правовом регулировании вопросов отобрания ребенка из семьи как радикальной меры защиты от жестокого обращения

Отобрание ребенка даже специалисты часто называют «изъятием». Этот термин, разумеется, неверен, но он отражает отношение говорящего к ситуации: действительно, в подавляющем большинстве случаев ребенка не отбирают, наталкиваясь на вполне объяснимое сопротивление родителей или иных лиц, а просто «изымают» как вещь из семьи, которую и семьей назвать нельзя, из помещения, которое на жилье не похоже.

В значительном числе случаев отобрание действительно происходит из деградировавших семей, из жутких условий, из грязи, как правило, от нетрезвых родителей. Статистику по таким случаям привести нелегко, но, думаю, коллеги из органов опеки и попечительства меня поддержат: отобрание ребенка – это, как правило, полностью разрушенная семья. При этом обращение с ребенком в такой семье назвать жестоким довольно трудно: его кормят, хотя и редко, любят, хотя и «по-своему». А вот в семьях, где ребенок подвергается жестокому обращению, как правило, все не так уж неблагополучно внешне.

Определенные ограничения накладывает формулировка пункта первой статьи 77 СК РФ, на котором, собственно, и

дена четкая систематизация форм устройства детей. Казалось бы, с принятием 48-го закона так называемая приемная семья у нас отошла в небытие и стала опекой и попечительством на возмездных условиях. А в научных материалах, в материалах судебной практики, в частности, в решениях Конституционного суда РФ четко указано, что на сегодня нельзя считать, что приемная семья – это только опека и попечительство, потому что сохраняется глава 21 Семейного кодекса («Приемная семья»), и в статье 123 формы устройства идут через запятую: усыновление, опека, попечительство, приемная семья.

Специалисты считают, что если возвращаться к двухзвеневой модели семейного устройства, то есть усыновление и опека на возмездных и безвозмездных условиях, то глава 21 Семейного кодекса «Приемная семья» должна отойти полностью в главу по опеке и попечительству.

Более того, есть еще одна проблема. Если мы все-таки считаем, что приемная семья – это не самостоятельная форма, а лишь форма опеки и попечительства на возмездных условиях, то тогда встает вопрос разграничения требований к безвозмездным и возмездным опекунам и попечителям. Это вопрос так называемой передачи ребенка, изменения формы и перевода из опеки и попечительства в приемную семью. Среди практиков бытует мнение, что приемная и опекунская семья отличаются прежде всего тем, что приемная семья – не родная для ребенка, это профессиональная опека. Это должно найти отражение в законодательстве. На уровне федерального законодательства необходимо закрепить, что профессионализм должен подтверждаться соответствующим документом – о педагогическом или психологическом образовании, а в случае передачи ребенка-инвалида – документом о медицинском образовании. Плюс документом о прохождении подготовки приемного родителя по обязательной программе.

Программа подготовки, которая разрабатывается сейчас министерством и будет дана нам в форме рекомендаций, на наш взгляд, не может быть единой, поскольку правовой статус граждан, выразивших желание стать усыновителями, опекунами и приемными родителями, различен. Соответственно, требуются три отдельные программы подготовки.

ожидается отобрание ребенка. Там сказано, что отобрание ребенка возможно при непосредственной угрозе его жизни и здоровью. То есть, если ребенка вчера бил выпивший отчим, а сегодня он трезв и добр, – оснований для отобрания ребенка вроде бы нет.

Семейный кодекс РФ

Статья 77 «Отобрание ребенка при непосредственной угрозе жизни ребенка или его здоровью»

1. При непосредственной угрозе жизни ребенка или его здоровью орган опеки и попечительства вправе немедленно отобрать ребенка у родителей (одного из них) или у других лиц, на попечении которых он находится.

Немедленное отобрание ребенка производится органом опеки и попечительства на основании соответствующего акта органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации.

2. При отобрании ребенка орган опеки и попечительства обязан незамедлительно уведомить прокурора, обеспечить временное устройство ребенка и в течение семи дней после вынесения органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации акта об отобрании ребенка обратиться в суд с иском о лишении родителей родительских прав или об ограничении их родительских прав.

С такой постановкой вопроса не соглашусь. Собственно, и практика идет по тому же пути: наличие рядом с ребенком лица, которое подвергало его жестокому обращению, уже само по себе является непосредственной угрозой здоровью, а, может быть, и жизни ребенка. Отобрание ребенка в таких случаях – эффективный и разумный механизм защиты ребенка от жестокого обращения. Лучше уж в приют, чем быть битым или истязаемым.

Однако органы опеки и попечительства не спешат отбирать ребенка у родителей, которые заподозрены в жестоком обращении. Действительно, обычно информация о жестоком обращении нуждается, как минимум, в проверке. Инструментарий для такой проверки у органов опеки, скажем прямо, отсутствует.

Какую-то информацию можно получить из детского учреждения, школы, может быть, «на хороших отношениях», хоть и не обязан, поможет инспектор ПДН... А травму ребенку можно нанести существенно.

Сколько раз встречались в практике ситуации, когда бдительность, например, работников детского сада, оказывалась излишней. «Живой» пример этого лета: ребенка шести лет катали на даче на велосипеде, прямо на раме. Не будем обсуждать, разумно ли поступали родители, но в результате ребенок пришел в детский сад с синяками на соответствующем месте. Медработник забил тревогу: ребенка бьют. Сотрудник органа опеки и попечительства посетил детский сад, увидел своими глазами синяки, даже опросил ребенка. В результате – отобрание ребенка и судебный иск к изумленным родителям.

Все кончилось – в этом случае – благополучно: в суде «бледный вид» имел орган опеки, а ребенка после полутора месяцев пребывания в приюте возвратили в семью, испуганного и боящегося идти в школу.

И таких случаев «гипербдительности» немало. К сожалению, порой в стремлении защитить детей им наносится еще большая травма. Для ребенка разлучение с родителями – огромная травма. Необходимо также учесть, что речь идет, как правило, об очень маленьких детях, дошкольниках, младших школьниках, которые не могут вразумительно рассказать, что же именно произошло, иногда не помнят причину появления «следов», а зачастую просто повторяют за наводящими вопросами взрослых.

Но вернемся к существующей системе отобрания детей из семьи.

Согласно установлениям ст. 77 Семейного кодекса РФ, отобрание ребенка производит орган опеки и попечительства на основании соответствующего акта органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Понятно, откуда появилась такая формулировка, но непонятно, как в этой связи выглядят акты органов местного самоуправления, пусть и наделенных соответствующими полномочиями.

Закон тут словно разделяет «органы опеки» и «орган исполнительной власти». Тут, конечно, от законодателя требуется определенное уточнение.

Несмотря на то, что отобрание производится по закону, на основании акта, как правило, в подобных случаях все происходит «явочным порядком», по факту обнаружения угрожающей ребенку ситуации. То есть, выяснив, что ребенок под угрозой, сотрудник органа опеки физически отбирает ребенка, а лишь потом издается акт об отобрании.

Конечно, это незаконно. Но, обнаружив, что ребенок находится в угрожающей ситуации, что должен сделать сотрудник органа опеки? Бежать в свой кабинет, готовить проект постановления, подписывать, потом бежать обратно? Вызывать кого-то по телефону, а самому защищать ребенка? Как правило, вызывается милиция, начинаются долгое «сидение» в квартире и быстрый бег сотрудников органа опеки от офиса до места отобрания и обратно. В это время, как правило, извещается по телефону прокуратура, а зачастую вопрос об отобрании с прокуратурой и согласовывается. Все это время, может быть, несколько часов, ситуация остается непонятной: и ребенка отобрать нельзя, и уйти нельзя – его жизни и здоровью есть непосредственная угроза.

Но вот прошло время, постановление издано, ребенок отобран, привезен в приют, в дом ребенка или в другую организацию для временного устройства детей.

Тут (как правило, факсом) уже официально извещается прокуратура.

Затем приходит время суда. Орган опеки в течение семи дней должен обратиться в суд с иском о лишении родительских прав либо об их ограничении. Поскольку семь дней (да еще минус два выходных) – срок откровенно маленький, орган опеки и попечительства к моменту подачи заявления в суд не часто бывает готов к тому, чтобы защитить свою позицию. Ну, а суд сроками рассмотрения таких дел особо не ограничен, следовательно, дело может рассматриваться и недели, и месяцы.

Все это время ребенок продолжает оставаться «временно устроенным», и его нельзя ни вернуть в кровную семью, ни передать в приемную. Хотя закон однозначно причисляет таких детей к детям, оставшимся без попечения родителей, и не ограничивает возможности их устройства в семью (кроме усыновления), такие дети, как правило, семью не находят.

Во-первых, в органах опеки еще сильна вера в то, что пока родителей не лишили родительских прав, ребенка куда из организации передавать нельзя. Я знаю случай, когда ребенок был в приюте семь лет, до своих 13 лет, пока органы опеки не сподобились лишить его родителей родительских прав. А ведь вероятность семейного устройства шестилетнего малыша существенно выше, чем тринадцатилетнего подростка.

Во-вторых, сами приюты сильно заботятся о наличии «контингента» и совсем не торопятся оформлять детям документы и думать об их семейном устройстве.

В-третьих, немного желающих взять ребенка в семью, зная, что его родители могут, пусть часто лишь теоретически, однажды вернуться и забрать ребенка.

Вот так выглядит ситуация на данный момент.

Нерадостная картина. Отобрание ребенка зачастую не выполняет функцию защиты ребенка, часто «опаздывает», а иногда – и, увы, все чаще и чаще – не является обоснованным и наносит детям непоправимые травмы.

Основные проблемы, как мне кажется, заключаются вот в чем.

Первое. Отсутствуют четкие и понятные критерии оснований для отобрания ребенка. Нельзя же считать достаточным основанием формулировку «при непосредственной угрозе его жизни или здоровью». Если ее понимать буквально, то отобрать избитого ребенка нельзя. Он уже избит, и, если кровью не истекает, непосредственной угрозы его жизни и здоровью не имеется. Не хватает понятного перечня, понятной базы критериев, пусть не закрытого, но все же списка, на который можно было бы опираться.

То, что в доме нет еды – основание? То, что родители не работают – основание? То, что ребенок в синяках – основание?

Надо ответить на все эти вопросы, если не в законе, то, по крайней мере, в методических материалах. Работать без них нашим органам опеки, куда за последнее время пришло очень много новых сотрудников, сложно.

Второе. Юридический механизм отобрания ребенка крайне нечеткий. Я уже говорил, что с момента обнаружения ситуации, из которой ребенка необходимо отобрать, до издания акта об отобрании может пройти значительное время.

В 2007 году ряд депутатов даже предлагали отбирать ребенка не по постановлению органа опеки, а по постановлению мирового судьи! Весьма спорное предложение. Мировой судья лишен законодателем полномочий рассматривать споры о детях, и не случайно закон отнес их к ведению районного суда. Ну и совершенно непонятно, что делать с судом или судьей, если угрожающая ситуация выявлена в пятницу вечером – ждать понедельника?

На разных совещаниях и конференциях я неоднократно говорил о том, что орган опеки и попечительства не может работать пять дней в неделю с 9 до 18 часов – слишком многие вопросы не терпят отлагательства. А если ребенка в угрожающей ситуации обнаруживают в выходные дни, процесс его отобрания растягивается на долгие часы, а то и дни.

Что-то надо менять: существующий механизм, хотя и обеспечивается его внешнее соблюдение, слишком неповоротлив, не гибок и, по сути, не соблюдается вынуждено.

Третье. При всем уважении к прокуратуре не совсем понятна роль прокурора в отобрании ребенка. С одной стороны, очевидно, что сообщение об отобрании ребенка передается прокурору именно для того, чтобы можно было проверить обоснованность и соблюдение этой процедуры. С другой стороны – нет никакого механизма, специально предназначенного для такого случая. Ну не может же прокурор выходить с проверкой в орган опеки и попечительства или запрашивать у органа опеки документы своим письмом!

В чем тогда смысл сообщения прокуратуре, если нет никаких норм, описывающих, что делать дальше с этим сообщением?

Четвертое. При отобрании ребенка родитель оказывается в патовой ситуации, даже, правильнее сказать, в ситуации цугцванга. С одной стороны, если родитель считает незаконным или необоснованным отобрание ребенка, он вправе обратиться в суд и оспорить акт органа опеки и попечительства. С другой стороны – какие уж тут жалобы и иски, когда на тебя самого в течение недели подадут в суд, ставя вопрос о лишении родительских прав? При этом суд совершенно не должен проверять обоснованность и законность собственно отобрания ребенка. Он в порядке искового производства решает вопрос о лишении родительских прав. А обосновано или нет отобрали ребенка – иной вопрос. Собственно, отобрание ребенка или причины, приведшие к этому, вовсе не обязательно будут включены в иск о лишении родительских прав.

Приведу, наверное, самый громкий пример: ситуация с Глебом Агеевым и его усыновителями. Несмотря на то, что ребенок был отобран из семьи по одним основаниям (главное из которых – отсутствие на лестнице заграждения между балясинами, а также тот факт, что против родителей возбуждено уголовное дело), иск об отмене усыновления был обоснован совершенно иным: тем, что в течение почти года дети не были поставлены на учет в районную поликлинику! И обоснованность отобрания ребенка так никто и не проверил.

Пятое. Даже если орган опеки и попечительства, отобрав ребенка, приходит к выводу, что оснований для лишения или ограничения в родительских правах нет, тем не менее императивная норма пункта 2 ст. 77 Семейного кодекса все равно обязывает обратиться в суд с подобным иском.

Прежде всего отмечу, что данная норма не всюду и не всегда соблюдается. Ставшая достоянием прессы история с двухлетней дочкой петербургской актрисы, которую отобрали из не вполне санитарно благополучной квартиры, так и не дошла до суда. Все закончилось «на уровне опеки».

А ведь часто даже когда понятно, что «погорячились» или ошиблись, или ситуация проясняется, орган опеки выходит в суд и пытается поддержать иск о лишении родительских прав.

В спину «дышит» прокуратура, требуя соблюдения Семейного кодекса, ну и «честь мундира» нужно защищать. Раз уж отобрали ребенка – стало быть, родителей надо лишать прав.

Еще пример из жизни одного из южных субъектов Федерации. Мать, оставив трехлетнего ребенка со своим отцом, спокойно ушла на работу. Днем дедушка положил ребенка спать, а сам пошел в магазин... Случайно захлопнул за собой дверь, а ключи не взял.

Пока бегали за слесарем, бдительные соседи позвонили в милицию, а прибывший наряд вызвал органы опеки. Поскольку ребенок был в квартире один, те, обнаружив такую ситуацию, ребенка отобрали. Ну как же, дед старый, ребенку угрожает опасность... Аргументы нашлись.

Конечно, в тот же день ребенка из приюта забрала мама, вытерла слезы... А спустя несколько дней мать получила повестку в суд и иск о лишении родительских прав. Пикантность и идиотичность ситуации усиливало и то, что отца ребенка, не проживавшего вместе с ним чуть не с рождения, никто лишать родительских прав не собирался.

При этом сотрудники органа опеки совершенно точно понимали, что лишать маму прав ни по закону, ни по совести не за что. Но в суд пошли, откровенно признаваясь: нам проблемы от прокуратуры не нужны.

То есть неотвратимость лишения (или ограничения) родительских прав не всегда обоснована. Должен быть, на мой взгляд, механизм, позволяющий при восстановлении родительского попечения, если угрозы жизни и здоровью ребенка нет, возвращать ребенка в семью.

Отдельно хотелось бы рассмотреть ситуацию, когда родители привлекают к уголовной ответственности за насилие над ребенком.

Идет дознание или следствие, еще ничего не ясно, собираются доказательства, проводятся экспертизы – а ребенка, как правило, уже отобрали. И иногда уже лишили родительских прав его родителей. Хотя следствие не окончено, приговора нет, и было или не было – сказать достоверно нельзя. Но последствия (иногда непоправимые) уже наступили.

Требуется законодательно урегулировать этот вопрос. Если уж основанием для отобрания ребенка стало жестокое с ним обращение, образующее состав преступления, не вполне соответствует основам правопорядка фактическое разрешение (или даже предрешение) уголовного вопроса (бил или не бил, было или не было) в рамках гражданского искового судопроизводства, да еще и в ситуации «госорган против гражданина».

В этом случае, как мне кажется, должен быть иной механизм: не лишение родительских прав, а сначала – установление соответствующих фактов в приговоре суда, и лишь затем – лишение родительских прав в гражданском производстве. Да и то при наличии к тому оснований, поскольку даже жестокое обращение с ребенком может лишь служить основанием для лишения родительских прав, но тут суд волен и не посчитать это основанием.

Как пример приведу довольно давнюю историю, произошедшую в сибирской глубинке. Мать, доведенная до отчаяния нищетой и побоями сожителя, находясь в истеричном состоянии, побила семилетнюю дочь за какую-то малую шалость. Синяки видно невооруженным глазом, следовательно, 116-я, 156-я статьи Уголовного кодекса РФ. Ребенка отобрали. Приговор, штраф. Затем (тут орган опеки нарушил порядок, вышел в суд после приговора, а не «в течение семи дней») – иск о лишении родительских прав. Основания понятны, но суд, принимая во внимание все обстоятельства дела, то, что мать ежедневно приходила к дочке в приют, отношение ребенка и всю общую ситуацию, пришел к выводу о необходимости отказать в лишении родительских прав. Безобразии, конечно, но ребенка из приюта отдали матери даже до вступления в силу решения суда.

Шестое. Не вполне понятно, что делать с усыновителями. С одной стороны, они «равны» родителям, с другой, несмотря на не вполне внятное разъяснение Верховного Суда, указывающее на то, что вопрос в отношении усыновителей «может быть решен в том же порядке», как и в отношении родителей (Постановление Пленума ВС РФ № 10 от 27 мая 1998 года «О применении судами законодательства при разрешении спо-

ров, связанных с воспитанием детей»), закон не допускает «ограничения родительских прав» в отношении усыновителей.

То есть, если родителю законодатель дает возможность «исправиться» в течение полугода, то для усыновителей такого шанса не дается вовсе. Разумно ли это? Не думаю, что во всех случаях.

Разумеется, есть предложения, как разрешить эти шесть проблем отобрания ребенка из семьи.

Еще раз повторю, о чем идет речь. Отсутствуют критерии (на сегодня, строго говоря, отобрать даже избитого ребенка нельзя); нечеткий юридический механизм отобрания ребенка; не до конца прояснена роль прокурора; отсутствует достаточный судебный контроль непосредственно за отобранием ребенка; не всегда полезна неотвратимость последствий в виде лишения родительских прав или ограничения родительских прав; и, наконец, недоурегулирована ситуация с усыновленными детьми.

В первую очередь требуется выработать критерии, на основании которых можно отобрать ребенка. Представляется, что наиболее распространенные основания необходимо прописать прямо в законе. И уж, конечно, необходимо разработать методический аппарат для того, чтобы сотрудники органа опеки ясно понимали: это – страшное дело, а это – еще не совсем. Заодно мы снимем множество вопросов, связанных с жалобами на сотрудников, поскольку обоснованность их действий не столь очевидна.

Второе. Думаю, что список оснований для отобрания ребенка должен быть расширен. В частности, отобрание ребенка – как минимум у иных лиц, на попечении которых находится ребенок (а это могут быть как опекуны, попечители, так и так называемые «фактические опекуны» – те люди, у которых ребенок находится в отсутствие родителей), может происходить не только при непосредственной угрозе его жизни, но и во всех случаях, предусмотренных в статье 121 Семейного кодекса, то есть когда ребенок, например, находится в условиях, препятствующих его нормальному развитию, хотя и не угрожающих непосредственно здоровью или жизни, и при этом рядом нет родителей. Кроме того, должно быть прямо

указано, что основанием для отобрания ребенка является акт жестокого обращения с ребенком со стороны родителей или иных лиц, совместно проживающих с ребенком.

Третье. Возможно, при непосредственной угрозе жизни и здоровью ребенка необходимо разрешить сотрудникам органа опеки и попечительства отбирать ребенка не после принятия акта органом опеки, а сразу после установления факта наличия угрозы. Выявление ребенка и угрожающей ситуации должно быть зафиксировано, об отобрании ребенка составлен акт, его копия вручена лицам, у которых ребенок был отобран, но это все можно сделать на месте, не дожидаясь оформления бумаг. Не может голый младенец лежать в квартире с выбитыми стеклами, покуда сотрудница органа опеки бодренько сбегает в свой офис. Но подобное «упрощение» возможно, по моему глубокому убеждению, только в том случае, если вслед за отобранием ребенка последует обязательный судебный контроль. О нем – чуть позже.

Четвертое. Полагаю, что орган опеки и попечительства должен иметь в своем арсенале не только отобрание ребенка в смысле, закрепленном сегодня в статье 77 Семейного кодекса, но и более широкие возможности, как то: «временное отобрание» на незначительный срок, в административном порядке, до выяснения обстоятельств, например, получения ребенком травмы. Ребенок после такого «временного отобрания» может быть возвращен родителям незамедлительно, если подозрения так и не будут обоснованы. В сходном порядке надлежит действовать и в случае привлечения родителей к уголовной ответственности за побои или иное насилие по отношению к своим детям – немедленно оградив детей от возможного повторения, необходимо все-таки дождаться приговора, прежде чем решать вопрос об отобрании детей окончательно.

Пятое. Очень надеюсь, что прокуратура в самое ближайшее время выработает четкие и понятные механизмы, определяющие роль прокурора в вопросе об отобрании ребенка. Что проверять, как и с какими полномочиями – все это нужно как можно подробнее определить. Недопустимо, когда прокурор не знает, что он должен делать, а органы опеки – что могут.

Шестое. Иск о лишении родительских прав после отобрания ребенка, на мой взгляд, не должен быть неизбежным. Как я уже говорил выше, далеко не всегда после отобрания ребенка должно следовать лишение или ограничение родительских прав. Отмечу также необходимость более понятной регламентации действий после отобрания ребенка у усыновителей. Возможно, правильным было бы предусмотреть, по аналогии с родителями, и возможность временного ограничения прав усыновителей для возможного сохранения семьи.

Седьмое. Наиболее правильным, на мой взгляд, был бы последующий судебный контроль за отобранием ребенка. Сегодня суд санкционирует, например, арест, в течение 48 часов, когда гражданин уже за решеткой. Видится, что при отобрании ребенка, деянии с весьма большими последствиями для нескольких людей, включая несовершеннолетнего, в этом случае также необходимо санкционирование отобрания со стороны суда. Вероятно, что срок в 48 часов будет в данном случае слишком коротким, но в течение трех или пяти дней орган опеки вполне может подготовиться к судебной проверке обоснованности отобрания ребенка.

Реплика из зала: Ваш доклад был посвящен очень актуальному в нашей практике вопросу: отбирать или не отбирать. И это глубокий порок нашей системы – ведь есть же третий вариант: поработать с семьей...

А. Жаров: Есть у нас такой механизм – отобрание ребенка, и он пока плохо работает. Конечно, нужно добавлять другие механизмы, я не против.

Елена Андреева,
заместитель директора Центра фискальной политики

Оценка эффективности реформ социальной защиты детства

Я буду говорить об оценке эффективности в достаточно узком смысле – о затратах и результатах. Можно ли вообще измерить затраты и результаты социальной работы? Ведь мы имеем дело с такими понятиями, как моральное, нравственное

благополучие, приближаемся к понятию «счастье». Можно ли рублем измерить счастье? Вообще, зачем нужно измерять эту самую эффективность, если есть внутренне ощущение, что программа нужна, и она работает, и деньги на нее есть? Может, не нужно рассматривать этот вопрос с экономической точки зрения, сравнивать затраты с какими-то результатами? Я имею в виду экономически измеримые результаты: экономия бюджетных средств, прирост экономики, трудоустройство выпускников интернатных учреждений, повышение производительности их труда.

Оценка затрат и результатов – нужная вещь, хотя и не для каждой программы она требуется. Но когда надо кого-то убеждать, когда актуальность программы и ее результаты не столь очевидны, оценка необходима. Например, мы планируем реализовать программу привлечения средств для Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. И возможно, законодатель не совсем уверен в том, что именно таким способом – через фонд – бюджетные деньги будут потрачены оптимально. Мы говорим: вот такие ожидаются результаты, и это неполная оценка, потому что там еще «счастье» и «благополучие», а по деньгам – вот такая оценка. Это убеждает.

Но часто в социальной сфере программы формулируются так, что измерить результаты нельзя. Вот программа летних лагерей. Всем понятно, что такие программы нужны. Но способствует ли программа летних лагерей деинституционализации детей? Здесь связь не очевидна, она почти не ощутима. Программа повышения квалификации – насколько ее нужно повысить, чтобы получить тот или иной социально значимый количественный результат? А вот если речь идет о программе профилактики отказов от новорожденных, мы чувствуем результат, он понятен и качественно измерим.

Вот еще пример – программа социально-адаптивных школ. Мне самой приходилось оценивать ее эффективность. Программа разработана в русле профилактики социального сиротства, и, следовательно, результаты должны быть измеримы. Но когда мы начинаем мерить, насколько программа снизила социальное сиротство, получается, что она ничего

не снижает. Ребенок в школе сидит под присмотром учителя, а что в семье у него происходит – неизвестно и, возможно, после школы ему некуда пойти. Получается, что пока ребенок в школе, надо работать с его родителями. И если мы в качестве цели видим профилактику социального сиротства, надо брать адаптивные школы, садики, клубы для дошкольников, вести профилактику отказов от новорожденных, социальную работу с семьями разных категорий. Внутри каждого из этих направлений – изменение нормативной базы, подготовка кадров и т.д. А все вместе работает на общую цель – на профилактику социального сиротства. Для нас было загадкой: как из такого перечня мы выходим на результат – снижение на 50% за пять лет? Планируя мероприятия, мы знаем, какой охват они будут иметь. Из опыта соседних регионов или из международного опыта нам известно, насколько работа будет эффективной с социальной точки зрения, если будет обеспечен 100-процентный охват целевого контингента. Мы знаем, что работа с семьей даже в тяжелых случаях, как правило, продолжается не более трех лет. Знаем, что профилактика выявляет много латентных случаев. И оценивая все это, понятно, что за пять лет мы 50%, конечно, получим. Более того, это минимум, на который мы можем рассчитывать, пессимистическая оценка нашего результата. Мы начинаем работать и видим, что все идет не совсем так, как ожидалось, что контингент гораздо шире, чем тот, который мы на 100% хотели отследить. Мы начинаем корректировать программу и можем даже изменять наши цели. Но для этого необходима какая-то промежуточная оценка...

Приведу примерный перечень того, что должно быть учтено в программе. Она должна быть направлена на некую общую цель, а не просто на непосредственный результат: столько-то человек переподготовить, столько-то визитов совершить и т.д. Мероприятия программы должны быть достаточными для достижения цели, а оценка их стоимости должна быть реалистичной. Часто в пилотных проектах работают на голом энтузиазме, а когда потом пытаются внедрить наработки в систему, оказывается, что пилотный опыт невоспроизводим. Необходим мониторинг эффективности программы.

Это не просто слова, прописные истины, которые всем понятны. Надо, чтобы в социальной политике реально проводилась оценка эффективности программ и реформ. Оказалось, что это можно сделать. Но часто очень много сил уходит на доработку того, что не сделали авторы на стадии проектирования. В первую очередь приходится формулировать цели. Программа составлена как перечень мероприятий. Стоимость каждого из них мы можем подсчитать, а вот какова его эффективность и на что оно направлено, приходится додумывать. Мы это делали в Хабаровске по заказу Национального фонда защиты детей от жестокого обращения. Как это происходит, я сейчас рассказывать не буду, это техника. Программы защиты детства, которые приходилось обсчитывать, крайне эффективны. На 1 вложенный рубль можно ожидать 8 рублей отдачи не более чем через четыре года. Это очень короткий срок окупаемости, хорошие вложения, инвестиции в социальную сферу.

Мы возвращаемся к тому вопросу, с которого начинали. Кому нужна оценка эффективности? Прежде всего, регионам. Оценка стоит денег, может быть, не очень больших, и нужно время, нужны специалисты. Когда готовятся достаточно большие программы, ее желательно провести. Конечно, оценка нужна благотворительным фондам, которые спонсируют эти программы, чтобы понимать, насколько эффективно расходуются их деньги. Оценки эффективности должны найти применение в Фонде поддержки детей, находящихся в сложной жизненной ситуации, который софинансирует региональные программы.

Какие у нас планы на будущее? Совместно с Национальным фондом защиты детей от жестокого обращения мы собираемся разработать руководство по проведению оценки эффективности программ. Это будет практическое руководство, с описанием реальных примеров. Есть также предложение по организации мониторинга социального сиротства на федеральном уровне. Такая программа помогла бы регионам сравнивать себя с соседями, принимать оперативные решения.

Вопрос из зала: Вы говорите, что за четыре года окупается такая хорошая программа. Государство вкладывает миллионы, миллиарды в систему профилактики социального сиротства,

то есть финансовые вливания огромнейшие, а где отдача, почему ее нет?

Е. Андреева: Насчет профилактики – это большой вопрос. Когда мы попытались анализировать региональные данные, например, по Ленинградской области, мы вообще не нашли профилактики. Она числится в отчетах, но ее реальный рубль, потраченный по факту, обнаружить не удалось. В 2004 году 25 копеек по Ленинградской области было, это реально потраченные на одного ребенка деньги. Это не из отчетов цифры взяты, это бюджетные данные. Какая отдача от этого будет?

Юлия Сакулина,
начальник отдела по оптимизации
бизнес-процессов Главного информационно-
вычислительного центра Федерального
агентства по образованию

Российская система защиты детства: официальное статистическое наблюдение

[Главный информационно-вычислительный центр Федерального агентства по образованию РФ \(ГИВЦ ФАО\)](#) создан в 1998 году. В соответствии с Приказом Министерства образования от 29.04.1998 № 1109 ГИВЦ определен в качестве субъекта официального статистического учета в сфере образования.

Основные задачи ГИВЦ:

- сбор и обработка статистической отчетности о состоянии системы образования страны;
- формирование банка данных о состоянии и развитии образования в России и за рубежом;
- создание и преобразование хранимой информации для обеспечения структур управления образованием;
- разработка, сбор, хранение и тиражирование программной продукции образовательного направления.

Объектом официального статистического учета ГИВЦ являются государственные и муниципальные образовательные учреждения, образовательные учреждения для детей-сирот

и детей, оставшихся без попечения родителей, учреждения профессионального образования и дополнительного образования детей.

Мы ежегодно выпускаем сборник статистической информации образования России, а также оперативные статистические бюллетени по результатам завершения сбора статистических данных по общему и начальному профессиональному образованию.

В рамках тематики конференции назову три формы по учету детей-сирот. Это форма 103-РИК – сведения о выявлении и устройстве детей и подростков, оставшихся без попечения родителей; форма Д-13 – сведения об образовательных учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; форма Д-9 – сведения об образовательных учреждениях для детей с ограниченными возможностями здоровья, оздоровительных образовательных учреждениях для длительно болеющих детей.

Статистическую информацию мы даем в нескольких разрезах. Можно запросить информацию по Российской Федерации, по отчитывающимся субъектам РФ, по федеральным округам, в том числе с разбивкой по субъектам Федерации, по экономическим районам.

Все показатели представлены у нас в федеральном информационном хранилище статистики. Можно запросить любой показатель за 1999–2009 годы.

Анна Берникова,
главный редактор журналов «Приемная семья»,
«Многодетная семья», руководитель Центра
коррекционного и реабилитационного
образования ФГУ ФИРО

Роль СМИ в реабилитации детей, пострадавших от насилия и жестокого обращения

Роль СМИ в решении проблем детства нельзя недооценивать. Чтобы что-то менять в отношении общества к детям, нужно также изменить отношение СМИ.

Секция «Лучшие практики раннего выявления семейного неблагополучия и организации помощи семьям групп риска»

В рамках докладов на секции обсуждались разные аспекты раннего выявления семейного неблагополучия, поднималась тема ответственного родительства. Был представлен опыт Томской области, Алтайского края, Санкт-Петербурга, Москвы и Карелии. [Предложения участников секции вошли в итоговую резолюцию конференции, в раздел «Раннее выявление семейного неблагополучия и организации помощи семьям группы риска, развитие реабилитационных услуг для детей, пострадавших от жестокого обращения и пренебрежения, и их семей».](#)

*Лариса Алексеева,
заведующая лабораторией социально-психологических
проблем семьи «Институт семьи и воспитания»
Российской академии образования*

Феномен социального исключения семей с детьми в условиях современной России

Термин «социальное исключение» употребляется в социологии для обозначения отторжения семей (людей, в том числе с ограниченными возможностями) от средств жизнеобеспечения – рынка труда, определенных типов работ, земли, отдельных потребительских товаров, нормальных жилищных условий, некоторых форм социального обеспечения, а также от политических и социальных фаз, ряда важных институтов, в том числе здравоохранения, образования, социальной защиты, возможности представительства своих интересов.

Мы понимаем, что общество больно. Чтобы реабилитировать детей, нужно понимать критерии здоровья. СМИ должны формировать образ здорового общества, здоровой семьи и здорового детства. Мы должны мотивировать граждан на то, чтобы они рожали детей и не проявляли жестокости по отношению к ним. Общество должно быть информировано о том, как проявляется жестокость, какие законы нужно принимать, какие организации занимаются профилактикой жестокого обращения. Самое главное – СМИ должны быть в тесной связке с наукой и с практикой.

Во многих исследованиях анализируется сформированная модель профилактики социального сиротства. Информационные программы действительно могут серьезно снизить приток детей в сиротские учреждения. Поэтому акцент сегодня нужно делать на образовательные программы. Кого образовывать и как? Специалистов и журналистов – они должны быть в одной связке. Специалисты должны знать, как проводить информационные кампании, чтобы они достигли адресата, как строится социальная реклама. Журналисты не должны пользоваться искаженной информацией. Необходимо, чтобы они ориентировались на знания специалистов и вместе с ними формировали общественное мнение. Материалы, посвященные этому, есть. Например, вышел сборник «Найди меня, мама!» о том, как писать о проблемах детства. Фонд «Виктория» выпустил сборник «Организация просветительских социально-рекламных кампаний». Специализированные издания по проблемам детства выпускает издательско-образовательная организация «Арманов-центр». Это журналы «Приемная семья», «Беспризорник», «Многодетная семья».

Для нас сегодня очень важно сформировать компетентное журналистское сообщество, нужны профессиональные журналисты, которые специализируются на освещении проблем детства. И еще нужна научная поддержка этой темы. Я посмотрела списки ВАК – у нас нет ни одного ваковского журнала, посвященного защите детства. Не имея обоснованной научно-методической базы, нельзя говорить о компетентном решении проблем детства.

становятся всевозможные дисфункции – распад семей, бездомность, алкоголизм, наркомания, преступность, а также растущая зависимость огромного числа семей от государственной социальной поддержки.

Для индивидов и отдельных семей социальное исключение выражается в прогрессирующей маргинализации, экономических лишениях, различных вариантах социального и культурного неравенства.

И все же в большинстве случаев крайняя деградация и изоляция не локализованы только пространственно. Скорее, вместо «пространственной» наблюдается социальная изоляция, выражающаяся в росте социальной дистанции между бедными и остальными слоями населения.

При этом режим социального исключения, являясь общим для разных оснований, проявляется в выработке устойчивых правил решения материальных трудностей, вызванных сменной системы жизнеобеспечения и особым способом взаимодействия политики управления нуждаемостью со способами выживания семей. Закладывая основу формирования постоянной и глубокой бедности, такой режим находит свое выражение как на институциональном, так и на поведенческом, индивидуальном уровнях.

На институциональном уровне социальная изоляция семей формируется вследствие экономической и социальной политики государства, определяющей нестратегические места работы и исключаяющей из числа состоятельных тех, кто трудится на таких местах. А также – вследствие деятельности органов социальной защиты, которые выделяют на социальную помощь нуждающимся самые незначительные бюджетные средства (ассигнования) и, мало того, неэффективно эти средства расходуют. И даже эффективно действующие в «сильных» регионах программы помощи, уменьшая остроту и глубину бедности, проблем снижения уровня бедности не решают. С формально-статистической точки зрения уменьшается дифференциация доходов только между нищими и бедными, а не между бедными и небедными, то есть масштабы нищеты, но не масштабы бедности. Можно предположить, что для некоторых категорий нуждающихся семей (например, многодетных

Вбирая в себя большой диапазон ограничений, социальное исключение касается разных сфер человеческой жизнедеятельности и взаимодействия личности, общества и государства. Оно обозначает наличие в обществе отрицательного (негативного) отношения к социально слабым – нуждающимся, «неадекватным», инвалидам, утверждающегося исторически. И не только потому, что такие категории населения не вписывались в систему негласных, глубоко укоренившихся представлений о должном и «нормальном», но и оттого, что сам по себе образ неудачника бросал тень на могущество государственного строя с его претензиями выступать символом прогресса.

По оценкам ряда исследователей, причина и одновременно следствие социальной изоляции больших масс населения – возникновение своеобразных ареалов типа «гетто» в крупных мегаполисах, а также малые города и райцентры, отдаленные поселки, села и деревни с их социогеографической изоляцией от «большого» общества. Обладая «объективными качествами» из-за царящего там физического упадка местности, массовой застойной бедности, алкоголизации населения, серьезно нарушенной семейной жизни, они способствуют созданию условий социальной и территориально-пространственной сегрегации и «запертости» людей в неблагоприятных секторах экономики, рождающей технологическую или структурную безработицу.

Более 2/3 работников «неперспективных» и дотационных территорий имеют заработную плату на уровне или ниже прожиточного минимума, что означает абсолютное преобладание в этих районах не экономических, а «физических» рабочих мест, не обеспечивающих даже физиологического выживания работников и их семей.

Под влиянием накапливающихся и длительное время не находящих конструктивного решения проблем, а также негативного влияния пропагандируемой средствами массовой информации западной культуры в таких местах идет деградация нравственных принципов и устоев, порождающих эскапизм – желание спрятаться от действительности в некоем вымышленном мире, дезорганизацию и отчаяние. Последствиями же

или с детьми школьного возраста) велик риск застойной бедности, поскольку их семейный бюджет (пусть даже с учетом оказанной социальной поддержки) лишь незначительно превышает 70-процентный порог выживаемости, а множественность проблем с их кумулятивным характером имеет свойство накапливаться подобно снежному кому. Кроме того, в числе социально исключенных оказываются и те, кто по формальным, а иногда и субъективным признакам не входит в разряд «достойных помощи», предоставляемой, пусть и в скромных размерах, только «приличным» бедным.

Что касается поведенческого уровня, то тут сами нуждающиеся выбирают неэффективные стратегии жизнеобеспечения и выживания. Следствие этого – выпадение из принятого (распространенного) хозяйственно-экономического уклада, только закрепляющее бедность и способствующее социальному исключению. Апогеем социального исключения на поведенческом уровне становится атомизация, или потеря связей с домашней экономикой, выпадение отдельных членов из семьи, сетевой экономики, за которым следует «засасывание» людей социальным дном.

Таким образом, феномен социального исключения предстает перед нами в двух ипостасях: а) как процесс, рождающий в условиях «культуры бедности» и неэффективной социальной поддержки все новые ряды семей группы риска; б) как соответствующий социальный статус, социальное положение тех, кто исключен.

Значимым элементом механизма исключения из системы социального обеспечения становится стигматизация семей в качестве «неприличных» бедных и «неблагополучных» семей.

Стигматизированный человек, по определению «нормальных», – это не вполне человек, он неполноценен. Носители той или иной стигмы склонны усваивать сходный опыт и соответствующие этому опыту «моральные» карьеры, то есть менять не только поведение, но и собственное «я», личностное представление о себе.

Тем самым свой вклад в процесс стигматизации и изоляции вносят культурные составляющие – культурные интерпрета-

ции и коллективно разделяемые смыслы. Впрочем, так же как и установки на «правильность» или «неправильность», пригодность или непригодность того или иного поведения, его соответствие или несоответствие складывающимся в обществе убеждениям. Именно по этим линиям проводится разделение бедных на «порядочных», для которых приобретение статуса зависимого – травматическое событие, и на тех, кто готов жить на мизерные дотации, лишь бы не работать (нарушение «нормальности»). Из-за этих последних общество перестает сочувствовать и утрачивает доверие ко всем неимущим.

Наиболее распространены следующие типы взаимодействия социальных служб с практиками выживания бедных семей:

- 1) семьи, где социальная помощь способна поддерживать привычный образ жизни, выступая одним из многих источников обеспечения в связи с трудовой, пусть и не высоко оплачиваемой, активностью ее членов («приличные клиенты»);
- 2) семьи, полностью зависимые от социальной помощи, которая, однако, не становится каналом преодоления бедности и стимулом к мобилизации отсутствующих ресурсов (чаще всего многодетные, возглавляемые одинокими женщинами или неработающими родителями, от которых со временем пытаются извлекаться);
- 3) «неблагополучные» семьи, с которыми трудно «бороться», но которым отказать в помощи невозможно «из-за детей»;
- 4) семьи, которых со временем лишают не только всяческой помощи, но и прав на детей из-за пренебрежения их нуждами.

Как социальный феномен социальное исключение, в отличие от трудной жизненной ситуации, которая у каждой семьи своя, тесно связано с объективными условиями – депрессивной экономикой большого числа российских регионов, особенно дотационных и сельскохозяйственных, и возникновением множественных социальных и семейных проблем, накапливающихся подобно снежному кому и взаимопорождающих негативные обстоятельства.

представляется актуальным и значимым. Структурно и функционально такой институт призван ориентироваться не на пассивное приспособление представителей маргинальных семей к сложившейся у них социальной позиции, как это происходит сегодня в социальной работе, а на активное и осознанное усвоение и использование доступных культурных и социальных навыков. Таким институтом, как показывает наше исследование, является социальный патронат. В рамках деятельности этого института феномен социального исключения может быть осмыслен как серьезная социальная проблема и сам по себе.

Актуальность становления и развития института социального патроната семей с детьми обусловлена потребностью в комплексном анализе, помогающем предвидеть последствия процесса исключения значительной части семей с детьми из общественной жизни.

Теория социального исключения призывает нас работать не просто с детьми, а именно с семьей. Пока мы защищаем детей от семьи. Первое, что мы должны защищать, защищая детей и в нашей стране, и во всем мире, – право ребенка жить в семье, и чтобы его семья жила достойно. Не выживала всеми возможными способами, выходя из рамок нормального, а была ориентирована на достойную стратегию.

Людмила Петрановская,
семейный психолог, специалист по семейному устройству детей-сирот, автор книги «В класс пришел приемный ребенок»

Риски и опасности борьбы за безопасность

Я психолог, специалист по семейному устройству, работаю в этой сфере уже около девяти лет. Мы с коллегами на протяжении многих лет переживали, что у нас очень плохо ведется работа по выявлению детей, которые страдают в семьях. Годами никому не было дела до того, что ребенок недоедает, что его избивают, что он всячески страдает. И только когда все становилось совсем плохо, а иногда – уже и поздно, что-то про-

В сочетании со старыми методами борьбы с бедностью исключительно средствами ограниченной государственной поддержки эти факторы образуют тот значимый социальный контекст, в котором семья сначала старается вырабатывать стратегии совладания с трудностями в виде частной обороны домохозяйства от рыночного произвола, не ослабляемого средствами социальной защиты, а впоследствии смещает центр активности в плоскость или а) сетевого обмена и домашнего хозяйствования, или б) «порочного», в том числе противоправного, поведения. Со стороны общества тот и другой тип семейного поведения стигматизируются в понятиях «приличной» и «неприличной» бедности.

Российская социальная работа на такие семьи пока ориентирована крайне слабо. При совершении противоправных действий разной степени тяжести (пренебрежение нуждами детей, жестокое обращение, антиобщественное поведение) такие семьи подвергаются социальным и юридическим санкциям, приватная же сфера их жизни объявляется областью общественного порицания.

Семейная политика и социальная работа выстраивают приоритеты в основном в направлении защиты интересов не семьи в целом, а исключительно детей. Несомненно, социальное исключение целых групп семей с детьми не является сознательной и целенаправленной политикой государства. И все же ответственность за эскалацию процессов социального исключения, очень вариативных по форме и содержанию, возлагается на него.

Отказ значительной части семей, оказавшихся в ситуации социального исключения, следовать общепринятым нормам и правилам ставит общество уже сегодня перед выбором – либо постоянно подвергать себя риску их отклоняющегося поведения, либо обеспечивать равные возможности для интеграции в социокультурные нормативные рамки всех, и в том числе маргинализированных, слоев населения.

Создание института, целенаправленно воплощающего идею интеграции социально неадаптированных семей с детьми в общество, а также их дополнительного обучения, переобучения, просвещения, социализации в настоящее время

исходило. Мы тогда говорили: хорошо бы выявлять проблемы пораньше. Но как это обычно случается в жизни, когда мечты сбываются, лучше не становится – только хуже.

В 2009 году прошла беспрецедентная кампания по защите детей от жестокого обращения. Что получилось в результате? Вся наша система годами существовала только как система карающая и никогда – как помогающая, поддерживающая. Если раньше она карала, когда становилось совсем плохо, то теперь она начала карать после первого выявленного синяка у ребенка. При этом единственным инструментом до сих пор остается изъятие из семьи, и очень мало где используют какие-то другие механизмы, ведут профилактическую работу, налаживают сотрудничество, оказывают помощь семье.

Как-то ко мне пришла приемная родительница, которой устроили скандал из-за того, что она один раз, сорвавшись, физически наказала ребенка.

Она говорит: «Ну да, я поняла, что нельзя, мы больше не будем, честно. Ну а что делать-то, если он себя ведет из рук вон...» Ведь никто родителям не говорит, что делать. Все говорят: будет хотя бы один синяк – ребенка больше не увидите.

По этому поводу вспоминается известный афоризм Марка Твена: «Если единственный инструмент, которым вы располагаете, это молоток, то многое вокруг покажется вам гвоздями». Начинается перестраховка. Как построена система ответственности? Если ребенок находится в детском учреждении, за него отвечает директор учреждения. Поэтому что бы с ним ни случилось, как бы он ни страдал, ни переживал, ни отставал в развитии, ни зарабатывал себе новые диагнозы, никто за это ответственности не несет. Все считается нормальным. Если же с ребенком что-то случается в семье – в кровной или приемной – все сразу виноваты. В итоге мы получаем систему, которая будет работать на выкачивание детей из семей. Поэтому все достижения последних лет в сфере семейного устройства, когда у нас впервые в истории из системы ушло больше детей, чем пришло, на чуть-чуть, но больше, уже, к сожалению, сходят на нет. Кто будет брать ребенка фактически на правах нанятого гувернера? И мы еще «будем посмотреть», насколько хороший вы гувернер. Испытательный срок, который, можно

сказать, не имеет ограничений, – до 18-летия ребенка. И если что, мы вас в одночасье уволим.

До сих пор в подмосковной Балашихе продолжается дело Лапиных. Ребенок был изъят на основании разового обнаружения синяков. Изъят без предварительной работы с семьей, изъят обманом. С февраля 2009 года пятилетняя девочка не видит родителей, им не разрешают с ней встречаться, хотя они не лишены родительских прав. Дело в суде рассыпается, переносится из раза в раз, прокуратура уже отправила его на следствие, а ребенок с февраля не знает, где его мама и папа. Психологическое состояние девочки очень тяжелое. В институте Сербского проводилась экспертиза, она показала, что ребенок привязан к родителям, их не боится, очень скучает, а разлука с родителями для него – сильнейшая психотравма. До сих пор девочка вне семьи. Родители даже не знают, где она. Это хорошо еще, что ситуация получила какую-то огласку, потому что Балашиха близко к Москве...

Я много общаюсь с приемными родителями, и они описывают такие, например, случаи. В школу приходят представители органов опеки, всех детей из приемных семей собирают в кабинете врача и с макушки до пят начинают осматривать на предмет наличия синяков. Нормально? Дети потом возвращаются в класс... Мало нам неласкового отношения социума к другим детям, еще и такая стигматизация идет в глазах всего окружения. «А, ну понятное дело, Золушка... Тебя, небось, чергой бьют с утра до вечера».

До сих пор у сотрудников, которые принимают такие решения, нет сформированного представления о роли привязанности в жизни ребенка. Когда я показываю документальный фильм, где прослеживается состояние ребенка в течение года после изъятия из семьи, они говорят: «Как, неужели так?.. Мы ж детей-то не видим! Мы их изымаем и куда-то отправляем!»

Специалисты удивляются, что ребенку, изъятому из неблагополучной семьи, больно, плохо, что его мир рухнул, у него тяжелейшая травма, что нужен год, чтобы он начал улыбаться... Хотя дома его били, не кормили...

На самом деле прерывание привязанности и есть жестокое обращение. Мне кажется, это та мысль, которую нужно

надо, и еще неизвестно, сколько так считают на самом деле, я думаю, что все 80%. То есть мы перенимаем красоту, фасад: у нас будет все, как в Европе, у нас жестокого обращения больше не будет. А механизмов нет. На ценностном уровне, на глубинном уровне осталась полная дремучесть, и единственное, что могут наши службы, это карать, наказывать.

Я пристально наблюдала за обсуждениями этой темы – мне было интересно, как все это воспринимает социум. В Англии, например, существовала очень сильная традиция физического наказания детей, это было абсолютно нормально и воспринималось как необходимая часть педагогического процесса. В 1970-е годы были демонстрации родителей, требующих запретить физические наказания в школах, то есть семья выступала защитником ребенка от внешнего насилия, например, насилия в школе. А у нас доброе государство защищает ребенка от родителей, нарушая семейную иерархию, нарушая семейные границы. В социуме это воспринимается именно так: ответственность полностью делегируется государству.

Когда появилась информация про Агеевых, Интернет взорвался. Я тогда участвовала в разных дискуссиях и задавала скромный провокационный вопрос: «Скажите, пожалуйста, вам в своей жизни случалось позвонить в дверь, за которой кричит ребенок? Было у вас такое?» Как ребенок кричит за дверью, я думаю, слышал каждый, и не раз. Вот вы когда-нибудь в этой ситуации позвонили в дверь и спросили, что происходит? Может, помочь чем-нибудь надо, может, ударился детка, может, скорую вызвать? Никто не пытается, понимаете? Ведь в подавляющем большинстве таких случаев не надо драться, не надо подвергать себя риску, надо просто позвонить в дверь. Просто сделать ситуацию открытой, и этого достаточно. Иногда встречаются забавные случаи двоемыслия, когда один и тот же человек в обсуждении высказывает прямо противоположные мысли. Про какого-то приемного родителя сказали, что он мыл ребенку мылом рот за то, что ребенок ругался. Реакция: как это можно, уроды, звери, жестокие, зачем они взяли ребенка... Проходит 10 минут, кто-то рассказывает: а вот моя няня так отучила своего младшего брата ругаться матом. Вот правильно, молодец, хороший педагог, от бога! Мы имеем дело с тем, что социум

внедрять всеми возможными способами в сознание всех, кто работает в этой сфере. Это травма, по сравнению с которой порка ремнем – ничто. Но мы иногда вынуждены это делать, как хирург вынужден вырезать аппендицит и делать больно, потому что иначе человек умрет. Мы иногда вынуждены ради безопасности ребенка идти на это жестокое обращение, чтобы предотвратить большее зло. Но весь вопрос в том, вынуждены ли. Что бы вы сказали о хирурге, который вырезал бы все подряд – на всякий случай, как бы чего не вышло? Разочек живот заболел, и человеку сразу сделали операцию. Такого хирурга мы бы мгновенно уволили. Но я не знаю и одного случая, не то что уголовного, даже административного наказания людей, которые приняли необоснованное решение об изъятии ребенка. То, что по сути является должностным преступлением, в таком качестве не рассматривается и не воспринимается.

До тех пор, пока это так, ни один родитель (это касается не только приемных родителей, но и кровных) не может чувствовать себя защищенным. В законе написано «жестокое обращение и ненадлежащее исполнение родительских обязанностей». Нигде никак это не уточнено, не прописано, ненадлежащим исполнением родительских обязанностей можно назвать что угодно. Например, родители не делают профилактических прививок. Нормально? А мы считаем, что прививки делать нужно, значит, это – ненадлежащее исполнение. Родители не водят в кружки, родители разрешают ходить босиком – да все что угодно можно назвать ненадлежащим исполнением. Общество не вполне это осознало: мы с вами абсолютно беззащитны, вернее, все те, у кого есть дети.

В некоторых западных странах в раже достижения безопасности зашли так далеко, что люди пишут: пока у тебя нет детей, ты полноправный гражданин, у тебя все права и демократия. Как только у тебя появился ребенок – все, дорогой, ты попал. Ты абсолютно бесправен и беззащитен.

Это при том, что в этих странах есть система другого стиля работы. У них 80% изъятых детей возвращаются в семьи. У нас – 1–2%.

Мы берем ценности только на поверхностном уровне: не надо бить детей. У нас 50% опрошенных говорят, что бить

которые нуждаются в уходе, абсолютно интеллектуально сохраненные, но инвалиды, например, по ногам, сплошь и рядом в регионах остаются вообще без образования. Их отправляют туда, где есть уход и нет обучения, их не учат читать и писать. Это жестокое обращение? Безусловно...

Комментарий из зала: У нас государство еще в 17-м году после установления диктатуры пролетариата объявило, что дети принадлежат государству, а не семье. Возьмем даже школы: школа работает с семьей, с какой стати мне надо с ней работать? Институт семьи – полноценный институт воспитания и образования. Нужно отстаивать право семьи на воспитание детей. Не государство их воспитывает, как хочет, а семья. Тогда очень многие проблемы будут сняты, тогда никто не сможет диктовать семье, что ей делать. Одно дело помогать семье, другое – ее заменять.

Л. Петрановская: К сожалению, это не только наша тенденция, для этого не нужны были большевики. Это общемировая тенденция. Уже ставят камеры наблюдения в кризисных семьях, следующим этапом будут чипы вживлять детям... Эта тенденция – ползучее проламывание границ семьи – где-то больше выражена, где-то меньше.

Сергей Борзов,
вице-президент Благотворительного фонда
«Новое развитие», врач-психотерапевт, тренер
Национального фонда защиты детей от жестокого
обращения, Томская область

Проблемы внедрения технологии раннего выявления семейного неблагополучия

Как человек с 25-летним психотерапевтическим стажем и десять лет занимающийся кризисным консультированием, я могу точно сказать, что любое жестокое обращение со стороны родителей или со стороны специалистов – это результат беспомощности. А беспомощные люди имеют право на поддержку и сопровождение. Сопровождение должно быть профессиональным, технологически выверенным.

ко всему этому абсолютно не готов, и с ним никто не работает. Ему подкидывают жареные факты, жуткие фотографии и разжигают совершенно нездоровые настроения.

Никто не работает на уровне изменения ценностей, на уровне помощи... Допустим, я понял, что бить детей нельзя. Меня пороли, а я не буду. Дальше что делать? Арсенала-то никакого нет. Куда человеку пойти, чтобы узнать о других способах убеждения ребенка? Иначе же он просто на голову сядет!

С этим надо что-то делать, потому что иначе будет игра «кто первым попался». Все будут бить, кто первым попадется, на того спустят всех собак. У нас очень любят говорить про кризис семьи. Но по сравнению с тем кризисом семьи, который мы получим в результате такой защиты детей, то, что мы имеем сейчас, – цветочки. Потому что границы семьи проламываются, а семья – это прежде всего границы, это наш уклад, наш дом и крепость. Если все кому не лень могут заходить туда и рассказывать, чем кормить ребенка, как должны быть расставлены детские книжки и что на нем должно быть одето при такой-то температуре, это не семья. Это не родители, это именно нанятые гувернеры. И я подозреваю, что все это приведет к очень большим проблемам, в том числе демографическим, потому что никто не захочет на таких условиях иметь детей – ни приемных, ни родных.

И под конец я хочу обратить внимание еще на одну вещь. С одной стороны, во всем виновата семья, с другой – государственные органы и учреждения имеют полную индульгенцию. Несколько примеров. Дисциплинарная психиатрия в детских домах. Жестокое обращение? Безусловно! Практически не ведется работа, чтобы что-то с этим сделать. Неоказание медицинской помощи. Буквально два дня назад мы разговаривали со специалистами Центра челюстной хирургии, в свое время объездившими детские дома и выявившими детей, которые были бы сейчас здоровыми и красивыми, если бы их вовремя прооперировали. Ни один детский дом за полгода не оформил необходимые бумаги. Вот жестокое обращение, оставление ребенка без помощи.

Я не знаю ни одного случая, когда за это ответил бы государственный служащий, директор детского дома. Дети,

Я расскажу об опыте, который был наработан в ходе нашей совместной работы с Национальным фондом защиты детей от жестокого обращения в семи регионах РФ. Мы занимаемся внедрением и сопровождением работы по раннему выявлению, технологией выявления семей на ранней стадии кризиса, организацией поддерживающей работы и их сопровождения.

В некоторых регионах (Комсомольск-на-Амуре, Барнаул, Тамбов) эти технологии работают. Накопленный опыт позволяет судить о тех проблемах, которые снижают эффективность нашей работы.

Правительство в последнее время направляет достаточно мощные финансовые и организационные ресурсы, но получается, что с увеличением количества денег, вкладываемых в систему, увеличивается и число детей, родители которых лишены родительских прав. Сам по себе этот факт ни о чем не говорит: как известно, профилактическая работа приводит к тому, что увеличивается выявляемость. Просто стали лучше работать, может быть. Но в то же время в какой-то мере этот рост связан с неэффективностью работы. Мы видим несколько уровней проблем.

Первый из них на поверхности – недооценка важности отдельных элементов инновационных технологий, необходимости соблюдения строгой последовательности их выполнения на практике. Это происходит потому, что в процессе реформ естественным образом используется все, что ранее давало положительные результаты, но при отсутствии опыта работы с цельными технологиями у специалистов появляется ощущение, что «мы уже давно все это делаем, а новое – это лишнее и необязательное». Мы не один раз слышали: «Дайте нам четкий список, что вы хотите выявить. Мы его разошлем и все быстро выявим!» Самое сложное в нашей работе – объяснить специалисту, что эффективное раннее выявление – это не новый приказ. Прежде всего, это работа по формированию новой позиции в отношении понятия «жестокое обращение с ребенком» у большого числа специалистов, потом обучение новой технологии выявления и оценки риска жестокого обращения в каждом конкретном случае. Другой порядок выполнения, отмена любого шага создает риск имитации деятельности по профилактике сиротства.

К тому моменту, когда мы заканчиваем обучение первого уровня – изменение профессиональной позиции и обучение технике, – вопрос про список отпадает. Возникают очень важные эффекты. В Комсомольске-на-Амуре и Тамбове специалисты говорили о системных изменениях. Само по себе раннее выявление предполагает выявление отдельных фактов. Отдельные факты могут выявляться только в благополучных семьях, раннее выявление – это работа с благополучной семьей. А внимание специалистов к отдельным фактам приводит к тому, что меняется микроклимат в коллективе, потому что меняется отношение к детям. Нужно быть постоянно внимательным, чтобы заметить изменения в ребенке. Внимание к детям изменяет отношение к родителям. В Комсомольске-на-Амуре педагоги из детских садов, с которыми мы проработали чуть меньше года, говорили: «У нас работы стало больше, стало сложнее, но радостнее, и отношения с родителями стали лучше». Вот эффект соблюдения технологии.

В чем разница между корпоративным и принудительным подходом? При корпоративном подходе семья рассматривается как единое целое (а раньше дети и родители вовлекались в работу по отдельности). Семья должна стать партнером, а для этого надо «спуститься» с лидерской позиции к партнерской. Как для врача: без клиентов тебе лечить будет нечего. Здесь клиентом становится семья, а основной целью – ее сохранение. Если семья – партнер, появляется любопытство к тому, что происходит внутри. После обучения на четырех дневных семинарах специалист получает первый опыт партнерских отношений и в течение полугода-года эта позиция становится более-менее устойчивой. На этом фундаменте можно строить любые поддерживающие технологии.

Внедрение кооперативного подхода в работе с семьями группы риска требует серьезных, зачастую принципиальных изменений в организации помощи клиентам. Осложнить ситуацию может достаточно распространенный управленческий подход к осуществлению этих изменений на практике – требование от специалистов быстрых инновационных изменений без снижения интенсивности работы в результате только (в основном) управленческих действий: приказов, распоряжений,

совещаний. Такая задача по сложности равносильна заданию сменить двигатель самолета во время полета силами пассажиров. В результате такого подхода у специалистов растет только сопротивление и нежелание осваивать что-то новое.

Решение мы видим в обучении технологиям дисциплины среднего звена, тех, кто работает «на земле». Мы идем через объяснение личной выгоды специалистов. Когда специалист, консультирующий семьи, поймет, что лично ему это выгодно (просто для того, чтобы сохранить силы для своей семьи и своих детей), придет понимание того, что не нужно никакой профилактики эмоционального выгорания. Профилактика эмоционального выгорания – в обеспечении производственной и трудовой дисциплины, в соблюдении технологии. Не нужно никаких комнат эмоциональной разгрузки, в которые никто не ходит, и аквариумов, в которые никто не смотрит. Достаточно создать нормальные условия труда.

Второй уровень проблем – это проблемы аксиологические, связанные с ценностями, с несформированностью концепции новой профессиональной позиции отечественных соцработников. Соответственно, отсутствует проработанная технология обучения. Уже работающие специалисты, которых переводят на инновационные технологии, оказываются в шизофренической ситуации. Им нужно отрефлексировать свою деятельность, отрефлексировать новую деятельность, потом как-то выделить процесс, который позволяет заменять старые инструменты новыми, и в течение какого-то времени эту деятельность поддерживать. Людям, не имеющим специального образования, это сложно. Моя точка зрения – фундаментом любого обучения в социальной работе является обучение ценностям, без этого ни одна поддерживающая технология существовать не может. Ведь соцработник не только решает конкретные проблемы, работа с семьей – это освоение новых моральных ценностей, способов находить новые жизненные смыслы. У самого нет – не сможешь обучить. Трудности обучения ценностям связаны с тем, что нам приходится это делать в атеистической стране. Социальная забота и социальная служба всегда были близки к религии, изначально они формировались при церкви. А сейчас у атеистов с пролетарским отношением к слабостям прихо-

дится формировать позицию поддержки тех, кто в этой жизни неуспешен. Это нельзя сделать за один раз.

К обучению (переобучению) социальных работников часто привлекаются коллеги смежных профессий. Логика, казалось бы, здравая: кто, как не психолог или психиатр, понимает про кризисные семьи, он им все расскажет. Но привлеченные специалисты опираются на свою модель профессиональной позиции, используют свои профессиональные инструменты, которые могут быть непригодны для социальной работы. Например, психолог ориентирован на то, что у клиента есть достаточные внутренние ресурсы. Задача психолога – активизировать эти ресурсы так, чтобы клиент смог сам адаптироваться к среде и ее изменениям. Опытный социальный работник считает, что его клиент в силу особенностей его жизненной истории пока не может меняться сам, его внутренние ресурсы истощены или недостаточно развиты, поэтому задача специалиста – адаптировать среду (приближением необходимых услуг) под актуальные потребности клиента. Именно поэтому медицинская, психологическая модель работы с клиентом, профессиональные инструменты и ценности психологов и наркологов, передаваемые социальным работникам (полностью или частично), часто фрустрируют как клиентов, так и специалистов. Природа этого конфликта еще и в том, что не всегда привлеченные совместителями специалисты могут «войти» в новую деятельность до уровня усвоения ее ценностей, так как сильно заняты на основной работе. В результате этого значительно снижается качество методического сопровождения специалистов, работающих «на земле», соответственно, и качество услуг детям и семьям группы риска.

Третий уровень проблем – несоответствие существующей нормативно-правовой, методической базы и особенно применяемых критериев оценки результатов работы вызовам времени и пожеланиям Президента РФ. Этот вопрос обсуждается давно и уже достаточно громко, но критерии оценки качества работы специалистов и учреждений остаются неизменными – количественными. В этой ситуации тот, кто активно включается в освоение инновационных технологий, рискует стать аутсайдером или быстро «выгореть», так как будет много сил вкладывать в то, что пока никак не оценивается. При этом в соответствии с

распоряжениями Президента РФ почти два десятка ведомств и структур, координирующих деятельность по защите прав ребенка, активизировали свою работу по соблюдению российского законодательства в этой сфере и непреклонно требуют строгого ему соответствия. Поэтому пока услуги и технологии апробируются в экспериментальном режиме, то – «пусть поработают», но как только начинается процесс передачи в государственные структуры, то все приводится в соответствие с существующей нормативно-правовой базой, то есть мы возвращаемся к описанному выше первому уровню проблем.

Единственный выход, который мы нашли, – это обучение управленцев. Мы ясно видели это в Барнауле, Тамбове, там, где специалисты участвовали в образовательных программах. У управленцев появляется мотивация бороться с законом, принимать решения. А иначе, задает себе вопрос управленец, зачем нарушать закон, когда можно выявить и наказать?

Опыт реализации комплексных программ Национального фонда защиты детей от жестокого обращения показывает: любое продвижение в решении обозначенных выше проблем способствует как повышению эффективности мероприятий по защите прав и законных интересов несовершеннолетних, так и значительной экономии средств, выделяемых на эти цели.

Ника Травникова,

*заместитель директора, руководитель отдела по взаимодействию с сиротскими учреждениями
Благотворительного фонда «Корчаковский центр»,
Санкт-Петербург*

Работа с семьей в сложной жизненной ситуации. Опыт Корчаковского центра в работе с выпускниками сиротских учреждений

Корчаковский центр помогает воспитанникам и выпускникам детских домов с 1993 года. Организация была зарегистрирована в 1996 году, а под нынешним названием – Благотворительный фонд «Корчаковский центр» – работает с 2005 года. Философия программ Корчаковского центра формулируется так: «От со-

циальной опеки к социальной ответственности». Фонд создает условия для поэтапного воспитания самостоятельности и ответственности клиентов на пути социальной самореализации. Фонд осуществляет социальный патронаж (педагогический, психологический, юридический) семей выпускников учреждений для детей-сирот с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации, организует для них клубную работу, оказывает социально-правовые, социально-образовательные, социально-психологические и социально-педагогические услуги воспитанникам учреждений и т.д.

Мы оказываем системную помощь семьям с 1996 года. Это проекты, которые благодаря поддержке Всемирного фонда детства (Швеция) стали стабильными, что позволило кристаллизовать наш опыт и довести его до уровня технологии. Сейчас она может быть внедрена в разные структуры, не только в те, которые работают с выпускниками детских домов.

У нас большой опыт работы с неблагополучными семьями. Значительный риск насилия в семье – это родители, которые сами пережили насилие. В частности, это выпускники сиротских учреждений. Не буду подробно описывать технологию – сейчас идет проект, в рамках которого мы подробно ее обрисовываем для специалистов социальных служб. Надеюсь, к концу 2010 года мы сможем опубликовать ее описание. Остановлюсь на некоторых особенно важных позициях.

В первую очередь, это оценка кризиса семьи. У семей выпускников учреждений для детей-сирот может быть много проблем. Бывает, что негде жить, и мама с ребенком живут у маминой подружки. Когда возможна угроза жизни матери и ребенка, конечно, наши усилия направлены в первую очередь на то, чтобы устранить этот риск, решить материальные проблемы. Но в фокусе внимания специалиста, который работает с такой семьей, – воспитание родителя.

Одно из самых слабых мест родителей, прошедших через учреждения для детей-сирот, это взаимоотношения «родитель – ребенок». У людей, с которыми мы работаем, нет опыта построения доверительных отношений со своими родителями. Эти люди – неплохие воспитатели, часто их дети хорошо накормлены и одеты. Но при этом они не знают, что ребенка нуж-

что если мы передадим этот случай в органы опеки, ребенка, скорее всего, изымут. В этих пяти случаях мы поняли, что, несмотря на наши усилия, ребенку опасно оставаться с мамой.

Что касается рекомендаций – необходимо развивать постинтернатное сопровождение выпускников. Жаль, что, кроме Мурманска, мало кто может этим похвастаться. Важно, чтобы такую поддержку осуществляли люди, с которыми выпускники уже знакомы, которым они доверяют. И очень важны специальные программы по развитию детско-родительских отношений.

Максим Костенко,
*заместитель начальника Главного управления
Алтайского края по социальной защите населения
и преодолению последствий ядерных испытаний на
Семипалатинском полигоне*

Поддержка ответственного родительства в контексте социальной работы с кризисными семьями

Мы до сих пор продолжаем поиски, которые начались в 1990-е годы. Тогда мы искали лучшие модели помощи детям, сегодня уже в большей степени – модели помощи семьям. В этой работе я хотел бы выделить основные позиции. Это адаптация, изучение и внедрение передовых технологий работы с кризисной семьей. Это изменение организационно-правовой формы учреждений, куда мы включаем также развитие семейно-замещающих форм, дальнейшее развитие семейно-воспитательных групп на базе приютов и приютов, трансформирующихся в социально-реабилитационные центры, деинституционализация стационарных учреждений и, безусловно, законодательные изменения.

Мы сформулировали для себя некую социально чувствительную, или социально ориентированную, форму социальной работы с семьями, которые нуждаются в особой заботе государства и поддержке. Наша основная цель – укрепление потенциала семей – как кровных, так и замещающих. Ребенок нуждается в помощи, но она должна основываться на работе с родителем.

но хвалить, что можно его прилюдно обнять, и это не стыдно. Выпускникам детского дома сложно смотреть ребенку в глаза, родитель часто не выдерживает прямого взгляда ребенка. Для нас визуальный контакт – один из важнейших показателей, и по этому направлению мы специально работаем.

Наша программа «Доброе начало» предусматривает разные уровни работы. Семья оказывается на первом уровне, если есть угроза жизни мамы и ребенка. Тогда специалисты ведут интенсивный патронаж, каждый день или минимум четыре раза в неделю контактируют с семьей. Если эти проблемы решены, семья может перейти на уровень поддержки: специалист уходит с опекающей позиции, передает все больше ответственности родителям. Третий уровень – уровень сопровождения, когда семья самостоятельно справляется с проблемами и интенсивность поддержки продолжает снижаться. На четвертом уровне семья получает помощь по запросу: родители способны сами принимать важные решения, распределять семейный бюджет, справляться с трудными ситуациями, они знают, где искать помощь, если не хватает собственных ресурсов. Если в течение примерно полугода семья сохраняет стабильность, она может покинуть проект.

Через каждые три месяца проводится повторная оценка. Таким образом, у специалистов есть возможность мониторинга семейной ситуации и одновременно – экспертизы усилий родителей и профессионалов. По результатам оценки мы переводим семью с уровня на уровень или «выпускаем». Три месяца, шесть месяцев, максимум девять месяцев – если поддерживать семью дольше, это будет провоцировать развитие социального иждивенчества, то есть мы будем воспитывать не ответственного родителя, а потребителя социальных услуг. Результаты программы «Доброе начало» таковы. С 1996 года в ней участвовали 315 семей. За все это время у нас было пять случаев лишения родительских прав. Про эти случаи скажу отдельно. Мы работаем с труднодоступными семьями. Мамы – выпускницы детских домов не идут в социальные службы, считая, что именно эти службы когда-то лишили родителей их самих. В общем-то, это обоснованные страхи. Когда к нам приходит семья первого уровня кризисности, мы понимаем,

ление – ответственное материнство. Это особенно актуально для женщин с риском отказа от ребенка.

Второй принцип – внедрение социальных технологий, нацеленных на укрепление окружающей ребенка естественной социальной сети. Это работа с сетью социальных контактов, интенсивная семейная терапия на дому, социальный патронаж семей группы риска и др.

Третий принцип – содействие включенности родителей в жизнедеятельность ребенка. Тут есть разные механизмы: семейные гостиные, реабилитационные клубы, школы эффективного родителя, совместные досуговые мероприятия и др.

Подводя итоги, выделяю две основные группы ресурсов помощи семье. Первая группа – это первичная и вторичная профилактика, осуществляемая на базе наших учреждений: кризисных центров для женщин и для мужчин, социально-реабилитационных центров. Вторая группа – это третичная профилактика, или непосредственно реабилитация – работа по месту жительства на базе центра помощи семье и детям. Таких центров у нас 62, они есть практически в каждом муниципальном образовании Алтайского края.

---

*Татьяна Шайдо,
директор областного государственного
образовательного учреждения
«Зырянский детский дом», Томская область*

Территориальная модель профилактики социального сиротства, реализованная детским домом

В сентябре 1995 года на основании постановления главы администрации Томской области № 212 от 08.08.1995 в селе Зырянском был открыт детский дом, который осуществляет областной заказ в сфере воспитания и образования детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, с трех до 18 лет в условиях, приближенных к домашним. В октябре 2002 года на базе Зырянского детского дома департамент общего образования администрации Томской области создал экспериментальную площадку по внедрению патронажного воспита-

ми, на активной поддержке родителей. Исследования показывают, что большинство родителей в кризисных семьях не только не знают, но и не хотят ничего знать о том, как ухаживать за ребенком, о том, как он растет и какие качественные изменения – физиологические, психологические, социальные – с ним происходят. Эти вопросы часто вытесняются, не вербализируются, не осознаются. Те проблемы, которые в ряде случаев выделяют родители в кризисных семьях, объективизированы, они приписываются особенностям ребенка. Это он плохо учится, это он не понимает меня и не слушается, это у него какие-то проблемы физического здоровья, из-за которых я чувствую себя плохо и от этого начинать курить, пить, материться и драться.

Для индивида, который переживает кризис, одним из важнейших факторов стабилизации отношений, формирования безопасности социальной жизни является своевременная эффективная социальная помощь. Она включает в себя финансовую, социальную, психологическую поддержку и другие виды помощи. Если человек не получает такой помощи, его переживания усугубляются, формируется хронический кризис, который имеет свойство передаваться членам семьи. Родителям в кризисных семьях свойственно отрицание любых форм социальных услуг. Единственное, что возможно для такой семьи, – получение материальной поддержки.

Мы сформировали три основных принципа нашей работы по оказанию семейно ориентированной помощи.

Первый принцип – активная поддержка родительства. Первичные профилактические мероприятия направлены на укрепление функциональности семьи. Это непосредственно связано с работой по раннему выявлению семей, которые только-только начинают испытывать сложности. С 1996 года мы развиваем направление по работе с отцовством. Начинали с неполных отцовских семей, а потом перешли к ответственному отцовству. Мы работаем с общественным мнением, добиваемся признания функции отцовства у мужчин наравне с функцией защитника, кормильца и т.д., проводим конкурсы отцов, фестивали с участием родителей и детей. У нас есть возможность почти круглогодично проводить интенсивные тренинги для молодых семей с детьми, мы их вывозим на уик-энды. Отдельное направ-

ния, профессиональную службу по устройству детей в семью и их сопровождению.

Когда людям приходят в голову хорошие идеи, появляется группа специалистов, которые могут на этом сконцентрироваться и работать вместе, многие задачи оказываются по плечу. Чужой опыт всегда важен, но личный – гораздо ценнее, когда ты не принимаешь все на веру, а решаешь сам пройти по этому пути.

Когда впервые наш детский дом получил поддержку от Национального фонда защиты детей от жестокого обращения, был реализован первый проект сопровождения: в детском доме была создана группа людей, которые сознательно занимались устройством детей в семью. В образовательных учреждениях это не восприняли всерьез, это было трудно и революционно. Но было бы глупо думать, что это революция, если другие уже шли эти путем. Развивая патронатное воспитание, мы наполняли его новым содержанием. В сельской местности этими вопросами не занимались, и мы смогли первыми освоить это поле.

Реализация проекта 2002 года позволила создать районную модель службы патронатного воспитания и вообще устройства детей в семьи. Сформировалась междисциплинарная команда специалистов, владеющих навыками супервизорства, семейного консультирования, фандрайзинга, проведения информационных кампаний, благотворительных акций и т.д. Таким образом мы получили возможность профессионально обеспечивать развитие детей, оказывать помощь семье, вести мониторинг замещающих семей, давать оценку адаптации, реабилитации ребенка.

Эта современная технология прижилась в Томской области. Мы своей деятельностью заставили создавать под нее законы.

Закон «Об опеке и попечительстве» в нынешнем виде препятствует патронатному воспитанию. Но здесь важно понимать, что нельзя все время продвигать один из видов устройства детей. Мы устроили в патронатные семьи 128 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. С 2007 года по сегодняшний день 27 патронатных семей перешли на новую

форму семейного воспитания – стали приемными или опекунами семьями. Не надо насильственно держать семьи на патронате. Мы рады, что в свое время, когда еще не было законодательных основ для такой деятельности, департамент по вопросам семьи и детей Томской области предоставил нам возможность организовать школы и учить граждан, которые хотят взять ребенка на воспитание. Цикл обучающих семинаров помогает людям адекватно оценить свои возможности, попробовать свои силы. Мы создали стажировочную площадку...

Сегодня специалисты учреждения много внимания уделяют качеству устройства детей-сирот в семью, ведут оценку эффективности с целью профилактики повторных отказов от ребенка и сохранения целостности приемной семьи. В Томской области на протяжении ряда лет реализуется услуга «Сопровождение опекунских, приемных и других замещающих семей», разработан минимальный стандарт этой социальной услуги по профилактике социального сиротства. Назрела необходимость выработки аналогичного стандарта в государственном масштабе.

Регина Тупицына,
директор Детского благотворительного фонда
«Милосердие», Петрозаводск

Взаимодействие с муниципальными и региональными органами управления по вопросу предоставления адресной социальной поддержки и адаптации детей из семей, находящихся в социально опасном положении

Фонд «Милосердие» был создан в 1998 году. Главная задача, стоявшая тогда перед учредителями, – кормить горячими обедами детей из семей в трудной жизненной ситуации. Фонд работал с жителями Октябрьского и Первомайского районов Петрозаводска. Это рабочие окраины, где живут в основном люди, работавшие на промышленных предприятиях, впоследствии обанкротившихся. Семьи оказались в очень сложном положении. Дети напоминали героев «Педагогической поэмы».

Они недоедали, были предоставлены сами себе. Социальных и культурных учреждений на территории района не было.

На первом этапе в попечительский совет фонда вошли руководители коммерческих предприятий и представители органов социальной защиты Петрозаводска. На протяжении 11 лет состав совета неоднократно менялся, появились новые партнеры. Постепенно стало ясно, что пора переходить от первичных проблем (накормить, одеть, научить мыть руки) к более сложным задачам: обеспечить занятость детей, организовать их досуг, помочь в подготовке к школе.

Фонд сотрудничает с социальными педагогами учреждений социальной защиты. Потребности каждого ребенка и его семьи нам хорошо известны. Зная все данные наших подопечных, адрес школы, телефон, место работы родителей, размер обуви и одежды каждого, при необходимости мы через органы соцзащиты готовим их к школе.

На сегодняшний день у нас

70 подопечных в возрасте от семи до 17 лет. Мы стараемся отслеживать успехи ребят в школе, обращаемся к социальным педагогам и, когда видим, что ребенок тянется к дальнейшим знаниям, идем к руководителям учебных учреждений и умоляем обратить внимание на наших подопечных. Так, братья Леша и Рома Липатовы поступили в Петрозаводский госуниверситет. Правда, Рома не смог угнаться за программой, а Леша успешно перешел на второй курс. До сих пор мы их обоих и подкармливаем, и одеваем. В экстренных случаях приходится беспокоить руководителей высшего ранга. Одной нашей выпускнице не в чем было идти на выпускной вечер. По моей просьбе все организовал глава Республики Карелия Сергей Леонидович Катанандов. Девочке купили то, что она сама выбрала, и счастливее ее на этом балу никого не было.

Деятельность фонда ведется по нескольким направлениям: гражданско-патриотическое воспитание, воспитание толерантности, трудовое воспитание и т.д. Мы организуем праздничные мероприятия, посвященные государственным праздникам. Старшие подростки разносят горячие обеды инвалидам первой группы, участвуют в городских конкурсах «Петрозаводск – мой город». Для детей организуются похо-

ды и поездки. Каждый год наши подопечные – гости гала-концерта «Национальная палитра Карелии». Дети участвуют в городских субботниках, подростки работают на предприятиях попечителей, ветераны труда учат девочек шить прихватки и салфетки. До сих пор действует неукоснительное правило: нет насилию, нет курению, клей «Момент» не для меня. Мы дружим с подростковым клубом «Альтаир», где наши дети занимаются в спортивных секциях и в кружках художественной самодеятельности.

Секция «Развитие реабилитационных услуг для детей, пострадавших от жестокого обращения и пренебрежения, и их семей»

В рамках секции были представлены доклады, в которых анализировались реабилитационные услуги, технологические решения, используемые в реабилитационной работе, роль некоммерческих организаций в этой области, проблема подготовки кадров и т.д. [Предложения, сформулированные участниками секции, вошли в резолюцию конференции, в раздел «Раннее выявление семейного неблагополучия и организация помощи семьям группы риска, развитие реабилитационных услуг для детей, пострадавших от жестокого обращения и пренебрежения, и их семей».](#)

Марианна Вронская,
председатель правления службы помощи
несовершеннолетним женщинам «Голуба»

Причины недостаточного развития реабилитационных услуг для детей и семей с детьми

Кадры, инфраструктура, управление – основные системообразующие факторы любой социальной системы. Система реабилитационных услуг для детей и семей с детьми – не исключение. И причина ее недостаточного развития в плохом кадровом обеспечении, слабой инфраструктуре и неадекватном управлении данной системой.

Во многих выступлениях на конференции поднималась проблема кадров – как их готовить, где взять и т.д. Люди должны быть мотивированы на работу с семьей, но беда в том, что эти самые мотивированные люди преобладают в некоммерческих организациях, а не в государственных и муниципальных

учреждениях, куда устраиваются зачастую только в поисках стабильности и социальной защищенности для себя лично. НКО мало устойчивы – нет регулярного финансирования, не предоставляется достаточных возможностей для повышения профессиональной квалификации. Следовательно, относительно малое число мотивированных профессионалов может заниматься реабилитационной деятельностью регулярно и непрерывно.

Второй вопрос, который касается кадров, – это качество профессиональной подготовки. Профессионалов требуемого качества невозможно подготовить академическим путем. Невозможно посадить студентов в лекционный класс на академические скамьи и сделать их чуткими, отзывчивыми, инициативными. В итоге академическая система выпускает компетентные, но несостоятельные кадры. А другие варианты образования не защищены государственными сертификатами.

Третья проблема – нет четко описанных и обобщенных методов подбора и подготовки людей, пригодных для работы в реабилитационных службах. Говоря по-простому, если бы даже мы «раскрутили» какую-нибудь из академических структур на подготовку таких кадров, перед нами встал бы вопрос – а какими методами их готовить? Что-то у нас есть – набор тренингов, коротких учебных курсов, семинаров. Все это позволяет совершенствоваться в профессии, но все-таки мы не сможем прямо с завтрашнего дня запустить, допустим, учебный курс на 504 часа переподготовки кадров соответствующей специальности в каком-нибудь из базовых учебных заведений.

Теперь об инфраструктуре. Мы нашу организацию 15 лет назад создавали потому, что государственные структуры не были готовы взаимодействовать с физическими лицами, и до сих пор эта проблема существует. Идею, которую мы все это время стремились донести, – организовать комплексную работу и создавать комплексные службы помощи – услышали, но поняли извращенно. В итоге создано огромное количество комплексных центров социального обслуживания семьи, центров психолого-медико-социальной помощи и других учреждений.

Но это принцип комплексного обеда. Вы посадили туда психолога, юриста, педагога, социального работника, но юрист у вас специализируется, допустим, на жилищном праве, но ничего не понимает в семейном, педагог – специалист по дошкольному образованию, и он не понимает, как научить родителей обращаться с ребенком-подростком и т.д. Инфраструктура должна быть иной, гибкой, должна выстраиваться под проблему клиента. Это невозможно при жестком штатном расписании и строго регламентированными статьями расходов бюджета.

Еще одна инфраструктурная проблема. На самом деле это не одна проблема, а целая сеть проблем, потому что речь идет о сети реабилитационных служб. Мы обмениваемся информацией, контактируем, создаем базы данных, то есть система коммуникаций реабилитационных служб постепенно формируется. Но ни по одному конкретному направлению эта сеть постоянно не работает. А раз так, то говорить, что мы поставили на ноги реабилитационную работу в России, пока рано.

И последнее из того, что касается инфраструктуры. Все, кто работают с детьми и семьями, хорошо понимают, что подавляющее большинство проблем, с которыми приходят клиенты, невозможно решить без приютов и убежищ. Мы не можем развести женщину с пьющим и бьющим ее или детей мужем, не вытащив ее сначала из дома, где происходят побои и пьянство. Маму с детьми надо хотя бы на какое-то время изъять, чтобы проблема стала решаемой, а без приютов это невозможно. Таких приютов в достаточном количестве у нас не создано. Реабилитационные службы, комплексные центры не имеют приютов и уже по этой причине не могут выполнять свои функции в полной мере.

Все, о чем говорилось выше, конечно, должно быть предметом внимания управленцев, тем не менее, можно выделить некие специфические составляющие собственно управленческой деятельности.

В первую очередь речь идет о формулировании стратегии социальной политики. Стратегическое мышление у нас почему-то исключительно военное. Поэтому, даже когда начинают говорить об индивидуальном подходе, адресной по-

мощи или еще о чем-то в этом роде, – это все только слова. Воплощение в жизнь все равно происходит военным способом – тотально всех обеспечить индивидуально или тотально всем адресно помочь. Социальная политика должна строиться на базе совершенно иной стратегии: каждому нуждающемуся в соответствии с его комплексом нужд, а не всем по каким-то внешним категориальным признакам.

Вторая управленческая проблема – отсутствие мониторинга потребностей людей. До тех пор, пока такой мониторинг не организован, до тех пор, пока лица, принимающие решения, не знают, где, в каком регионе, на какой улице кто-то в чем-то нуждается, выстраивать и продумывать конкретные планы по созданию реабилитационных центров и служб невозможно. Их создают «с потолка», их ляпают не понятно по какому принципу. Вот есть в Москве 128 или 125 муниципальных образований, значит, в каждом пусть будет ЦСО – нужен он там, не нужен, а может, не один нужен, а два или три, или он должен быть со своей спецификой, потому что есть районы, где преобладает пожилое население, а есть районы, куда были стянуты многодетные семьи.

И, наконец, последняя из значимых управленческих проблем – проблема координации деятельности. Координации межведомственной и координации работы государственных и негосударственных структур. Координирующие функции в инициативном порядке хаотично принимают на себя различные структуры, между которыми пока еще нет согласия даже о принципах взаимодействия.

Реплика из зала: Помните постановление правительства, которое разрешило вести образовательную деятельность без лицензии, если вы не выдаете в конце обучения соответствующий документ? Это хорошая лазейка для некоммерческих организаций, если они хотят помочь в подготовке кадров, чтобы, получив академическое образование, специалисты могли пройти семинары и тренинги без документа о повышении квалификации. Это не возбраняется.

М. Вронская. Абсолютно согласна, но здесь есть два нюанса. Первое. И до этого постановления никакого запрета на просветительскую деятельность не было. И второе. Государ-

армию не пойти, и девочек возили по самым «убитым» учреждениям соцзащиты – где запах и страшно смотреть. К декабрю на бюджетном факультете осталась половина студентов, но эта половина была идеальная. Второй путь – мы сделали интегрированные группы: 12 человек детей с ограниченными возможностями после спецшкол и 20 детей, закончивших обычную школу.

У большинства выпускников мотивации нет. Наверное, нужно говорить о подходе, ориентированном на практику. Приходят люди с уникальными знаниями, прекрасно теоретически подготовленные. Девушка сдает психодиагностику на пятерку, а когда выходит к клиенту и видит ребенка с ограниченными возможностями, ее трясет. Я думаю, в этой ситуации выход есть.

Можно создать консорциум, когда при вузах работают общественные и государственные организации, сотрудники которых готовы заниматься наставничеством, вести практику. Они должны пройти переподготовку и работать со студентами. У студента тоже должно быть право выбора – слушать ему этот курс или нет.

Кроме того, при поступлении в вуз, обучающий специалистов для социальной сферы, необходимо жесткое тестирование. Еще должна быть практика волонтерской работы. Как ее организовать – вопрос отдельный. Конечно, с волонтерами нужно работать специально.

Что могут сделать некоммерческие организации, чтобы обоснованно рассуждать на тему жестокого обращения с детьми? Добраться до семьи действительно очень сложно. По Конституции у каждого есть право на неприкосновенность жилища, право на личную жизнь. И когда приходит в дом социальная служба, мама говорит: пошли вон, я мать, сама разберусь. Я за создание родительских и общественных советов во дворах, в домах, в подъездах, чтоб помогали родителям в таких случаях. НКО могут работать в качестве дополнения. Пробовали создавать кризисные центры – ничего не получается, потому что нет ни денег, ни кадров. А дополнять работу государственных учреждений для НКО вполне реально. Социальные гостиные при общественных организациях могут работать по вече-

ственные структуры имеют государственное финансирование на осуществление своей образовательной или просветительской деятельности, негосударственные некоммерческие организации такого финансирования не имеют. А потому для того, чтобы общественные или иные негосударственные организации помогли государственным образовательным структурам осуществлять образовательную деятельность, государство должно сначала создать материальные предпосылки, чтобы эту помощь от негосударственных некоммерческих организаций принять. Государство этого пока не сделало.

Валентина Хухлина,
*Институт повышения квалификации Департамента
социальной защиты населения Москвы*

Формы работы организаций некоммерческого сектора с семьями и детьми, пострадавшими от жестокого обращения

В чем проблема государственных структур? В том, что они работают до 18.00, до 20.00. Проблемы у ребенка начинаются, когда мама приходит с работы с двумя сумками, а он целый день смотрел телевизор, и уроки не сделаны. Куда ребенку пойти после школы? Он может пойти в приют, в реабилитационный центр, может позвонить по телефону доверия... Но, конечно, в основном идут на улицу.

Вот статистика 21-й детской больницы в Москве. 80% детей доставляется туда с портфелями – в 11 вечера их забрали с улицы! По идее каждая школа должна работать до того времени, когда родители возвращаются домой. До 21.00, до 22.00, до 23.00. У меня три школы под окном – в 18.00 висит железный замок на дверях. Где же воспитательная составляющая? Если родители не позитивны – они пьют. Если позитивны – работают. Спрашивается, куда школа отдает детей? Телевизору. Наркодилерам...

Где взять хорошие кадры? Расскажу о нашем опыте. Мы поступали жестко. Первые два месяца мальчиков, которые пришли на факультет социальной работы отсидеть пять лет, чтоб в

рам, когда школа уже закрылась, а родители еще не вернулись с работы.

Святослав Довбня,
детский невролог, консультант *Firefly*, член
международной консалтинговой группы *The Evo Grove*,
Санкт-Петербург

Как ранние отношения делают нас такими, какие мы есть? – Нейроэндокринный стресс и влияние пренебрежения и насилия на развитие мозга ребенка

Почему-то, взрослея, мы становимся разными. Кто-то попадает в тюрьму, кто-то становится профессором, кто-то заканчивает школу на отлично, а кто-то становится двоечником, хулиганом и т.д. Уже 100 лет ученые спорят, что на это влияет: плохие гены, воспитание, еще что-то... Сейчас мы можем суммировать результаты дискуссий.

Действительно, большую роль играет предрасположенность. Некоторые исследования показали, что, например, разлученным близнецам, воспитанным в разных странах, свойственны одинаковые предпочтения и вкусы, часто они совпадают в выборе профессии. Изучалось, в частности, насколько эти близнецы добры, наивны. Оказалось, что люди, выросшие в разных семьях, в разных культурах, в разных религиях, примерно с одной и той же вероятностью отдадут деньги мошеннику. То есть многое в нашей жизни предопределено генами. Основной вопрос сформулирован нобелевским лауреатом, который сейчас занимается расшифровкой генов: мы просто мешок генов или нечто большее? Результаты экспериментов над животными заставляют задуматься. Вот две мышки. Одна живет в пустой клетке, у другой – мышки-соседки, лабиринт, жизнь бурлит. Вскрытие показывает, что у мышки, которая жила в обогащенной среде, нейронных связей больше, мозг выглядит по-другому. То есть утверждение, что мы чистый лист – несправедливо, у нас есть не только гены, не только ДНК, но и окружающая среда.

Последние открытия свидетельствуют о том, что ДНК меняется под влиянием того, что человек видит, слышит, чувствует, с кем общается. Представьте себе клубок размером с мандарин, в который закручен 20-метровый шнур. Это ДНК. Информацию, которая внутри, прочесть нельзя – это тайна. Но, оказывается, ДНК не просто закручено в тугий клубок, в нем еще есть петельки. А внутри этих петелек – так называемые гистоны. Их можно растворить и создать внутри пустое пространство, чтобы прочесть то, что глубоко спрятано. Но, чтобы растворить гистонный белок, нужно получить определенный опыт. Так, пока я не услышу музыку, я не смогу раскрыть свои музыкальные способности, может, они у меня есть, но никто об этом никогда не узнает. С другой стороны, если у меня их нет, если нет в моей ДНК того самого колечка, белка, готового включиться в этот механизм и развить мои способности, сколько ни води меня в музыкальную школу, я буду убежать оттуда со слезами.

Если ребенок живет в бедной семье, в деревне, где он никогда не увидит пианино, его способности с большей степенью вероятности раскрыться не смогут. Потому что они глубоко, они в ДНК спрятаны.

Каковы выводы? С одной стороны, мозг запрограммирован, с другой стороны – пластичен. Есть три вещи, которые должна делать наша ДНК, чтобы запустить реакцию мотивированных гистонов. Первое, как ни странно, это физическая активность. Чем больше мы двигаемся, чем больше мы путешествуем, ныряем, плаваем, поднимаемся на вершины, тем больше у нас нейротрофических факторов. Надо сказать, что определение нейротрофических факторов на сегодняшний день – банальная процедура, нужно микроскопическое количество крови, чтобы посмотреть, сколько их у человека в крови. Второе: увеличение нейротрофических факторов происходит тогда, когда есть чему учиться, что исследовать, когда есть учебник, есть учитель, когда есть кнопка, на которую нужно нажать, есть компьютер и т.д. Чем есть больше вещей, которые можно исследовать, тем большее количество нейротрофических факторов выделяется в крови у человека. И третье, последнее, но на самом деле первое – это социальное взаимодействие. Чем

лучше, стабильнее и безопаснее социальное взаимодействие, в которое включен ребенок, тем выше содержание тех самых нейротрофических факторов.

В 2007 году в США проводилось исследование на мышах и на детях. Обычные, в срок рожденные мыши были разделены на две группы: в первой мышата просто сидели в клетке, во второй – их ежедневно расчесывали мягкой щеткой. Детей для исследования брали недоношенных, из отделения интенсивной терапии. В одной группе к детям пускали мам, и они делали малышам 15-минутный массаж. В другой группе мам не пускали. Выяснилось, что и у мышей, и у детей, которым делали массаж, улучшилось зрительное восприятие. Во-вторых, и у тех, и у других изменились нейротрофические факторы, которые играют очень важную роль в том, чтобы мы могли реализовать свои способности. У мышей все это посчитали – и оказалось, что особенно сильно нейротрофические факторы увеличились в сенсомоторной и в зрительной коре, то есть в тех участках головного мозга, которые отвечают за схему тела.

Мозг человека уникален. У мышей те же механизмы работают, но они сильно отличаются от нас: там меньше пустых пространств, меньше пластичности, меньше гибкости. Они могут меняться, но не в такой степени, как человек. Что для нас самое важное? Чтобы раскрыть свои возможности, нужно обязательно стать частью социальных отношений. Мы знаем про детей-маугли, которые жили в специфической социальной среде, были заперты в кладовках или годами пролежали в кроватях. У них возникли серьезные трудности в овладении языком и другими навыками, хотя способности были. Оказалось, что когда человек не является частью социальных отношений, его мозг утрачивает естественные способности.

Главное для ребенка – это его мама. Она, собственно, и является окружающей средой, которая влияет на нейротрофическую систему ребенка. Тут возможны две разновидности: адаптивная – это когда мы приспосабливаемся к чему-то хорошему, и это помогает нам становиться умнее, успешнее и активнее. А вторая – дезадаптивная, это когда наоборот... Мозг пластичен, и ему неважно, как к нему относятся. Будут

относиться плохо – он изменится в плохую сторону, будут относиться хорошо – в хорошую.

Есть три основных механизма нейропластичности. Во-первых, всегда есть заданный период. Известно, что если ребенку с нарушениями слуха слуховой аппарат подобрать после года, шансы, что он будет говорить, резко снижаются, если подобрать до шести месяцев – резко увеличиваются. И все это не зависит от того, какая программа помощи в дальнейшем применяется. Та же история со зрением. Есть у нас механизм приобретения новых навыков и их совершенствования. Я научился водить машину, но паркуюсь задним ходом с большим трудом, и чтобы довести этот опыт до совершенства, мне нужно много-много лет. Мне повезло, я не ограничен во времени, как младенцы с их слуховым и зрительным восприятием.

Есть исследования по слуховому восприятию у младенцев, рожденных в разных странах. Они способны слышать звуки любого языка. Например, в японском языке нет звука «р». И у взрослого японца возникают проблемы в овладении языком, который включает этот звук. Если ребенок не слышит какого-то звука в первые девять месяцев, способность слышать его утрачивается. С одной стороны – мы можем учиться на протяжении всей своей жизни, с другой – есть ограниченный по времени период, в который мы можем научиться некоторым вещам. В младенчестве нам нужно очень быстро устанавливать связь. Ни один компьютер не просчитает, что происходит у младенца в голове: в секунду возникает почти два миллиона новых связей. Новый звук, запах, прикосновение мамы – и возникло новое. Но это ограниченный во времени процесс.

Расскажу о результатах еще одного исследования в США, которое тоже проводилось с недоношенными младенцами. К младенцам из одной группы мам пускали, другой – не пускали. С одними мамы занимались, с другими – нет. Потом сделали магниторезонансную компьютерную томографию. Этот метод позволяет видеть, как структурировано белое вещество во взаимодействии между различными отделами мозга. Оказалось, что у тех, к кому маму пускали, белое вещество структурировано лучше, связей больше.

А дальше начинается «прополка». У младенца связей мало, но к четырем годам их становится почти в три раза больше, чем у взрослого человека. Взрослея, мы постепенно эти связи теряем, оставляя только те, которые подкреплены опытом. Вот пример: младенец в колыбели слышит песню группы Beatles, и у него запустился механизм, отвечающий за изучение английского языка, но больше он никогда английского языка не слышал – мозг создал эту связь, но через некоторое время выключил. В мозге все устроено цинично: не работаешь, значит, не ешь, не ешь – значит, не работаешь. А дальше мозг минимизирует связи, делает их более короткими. К 20 годам этот процесс в основном заканчивается. Поэтому подростки, у которых эта минимизация еще не закончена, так плохо себя контролируют.

Что происходит в ситуации пренебрежения, насилия, когда нет критически важного опыта? У детей наблюдаются три главных признака: нарушается принятие и переваривание пищи, нарушается борьба с инфекциями и нарушается усвоение информации. Почему это происходит? Потому что дети, которые находятся в неадекватной социальной ситуации, переживают стресс. Для ребенка основная причина стресса – что-то не в порядке с ближайшим человеком: если маму бьют, если бьет мама, если меняются воспитатели в доме ребенка. Если ребенок плачет, он мокрый и к нему не подходят, то тогда запускаются механизмы, которые приводят к стрессу. В результате начинают выделяться адреналин и кортизол. Если ребенок длительно находится в стрессе, он начинает чаще болеть (отсюда смертность в домах ребенка и в семьях социального риска). Берем последние данные Минздравсоцразвития – смертность в домах ребенка в четыре (!) раза превышает смертность среди других детей без инвалидности. Это гормон кортизол, он токсичен для клеток мозга.

Обратимся к еще одному американскому исследованию. Программа раннего вмешательства – поддержка мамы, предоставление игрушек, усилия социального работника – в возрасте от 12 месяцев в этом есть смысл. Если начинаем с восьми лет, эффекта почти нет, к сожалению, вернее, в десять раз больше надо вложить, чтобы был эффект.

Что у нас в итоге получается? Я как доктор-невролог не могу заблокировать кортизол, а мама, взяв ребенка на руки, запросто это делает. Поэтому основная задача нашей программы помощи – это поддержка основного ухаживающего.

Суммируя, попытаемся ответить на вопрос, что делать и зачем. Первым делом надо помогать основному ухаживающему. Эта поддержка должна быть оказана теми людьми, которые знают, что они делают, что такое привязанность и как это потом отзовется во взрослом человеке. Менять структуру учреждений и проводить обучение навыкам родительства – очень важно. Пока на постсоветском пространстве мало таких программ.

Людмила Шипицына,
заведующая кафедрой специальной психологии
Санкт-Петербургского государственного университета,
ректор НОУ ВПО «Институт специальной педагогики
и психологии»

Семейное неблагополучие как причина детской девиантности

Я хотела бы остановиться на проблеме детской девиантности, а именно, детском воровстве. Эту проблему считают «стыдной» и не редко поднимают. Специальный обучающих курсов по этой теме до последнего времени не было, поэтому мы подготовили курс «Психология детского воровства». Мы стремимся понять причины детского воровства, каковы его основы в семье.

Начну с причин семейного неблагополучия. Это, естественно, финансово-экономические факторы, которые снижают воспитательный потенциал семьи. Это психолого-педагогические причины, связанные с различными внутрисемейными проблемами и воспитанием детей. Это причины биологического характера, когда в семье рождаются дети с ограниченными возможностями здоровья и т.д. Остановимся на психолого-педагогических причинах и перейдем от них к причинам детского воровства.

Психолого-педагогические причины нарушения благополучия семьи можно разделить на три большие группы: нарушение родительской привязанности; нарушение внутрисемейных отношений; снижение родительской ответственности.

У нас много законодательных актов, в которых прописаны права семьи, а вот ответственность родителей указывается нечасто. Очень редко люди несут наказание за самоустранение от воспитания, за просчеты в воспитании и т.д.

Принято думать, что неблагополучная семья – это либо неполная семья, либо семья, в которой родители злоупотребляют алкоголем, наркотиками и т.д. Но статистические данные говорят о том, что это не так. Например, среди осужденных несовершеннолетних только 5,3% – дети, которые воспитываются в интернатных учреждениях, 38,9% воспитываются в неполных семьях, а 55,9% – вдумайтесь! – в полных семьях. То есть нельзя сказать, что если ребенок воспитывается в неполной семье, то он с высокой вероятностью вырастет нарушителем общественного порядка.

Если ворует ребенок из маргинальной семьи, это более или менее понятно. Родители в таких семьях почти не занимаются воспитанием детей, редко прислушиваются к советам психологов и чаще всего не обращают внимания на негативные явления, связанные с мелкими кражами. Неблагополучный или маргинальный слой увеличился, за счет чего, естественно, увеличилась и детская преступность по стране.

Случаи детского воровства часто наблюдаются в семьях, где родители – бизнесмены. Если в подобных семьях дети воруют (естественно, речь не идет о kleptomании – серьезном психическом отклонении), то коррекционные меры, которые в данном случае необходимо принять, неизбежно вступают в конфликт с образом жизни родителей, который они не хотят и не могут изменить, потому что он обеспечивает им высокий уровень доходов. Конечно, они не учат детей воровать, но сами жизненные принципы, взятые на вооружение в этой среде, идут вразрез с наложением на воровство строгого табу. В богатых семьях сегодня все чаще отмечаются нарушения морали, нравственности, искажение понятий любви, совести и порядочности. Здесь

родители тоже не хотят заниматься воспитанием детей, перепоручая его наемным работникам, а часто и не знают, как это делать.

С такими семьями достаточно трудно работать. Десять лет назад мы открыли школу для детей состоятельных родителей. К нам приводят детей, не успевающих по всем предметам, с полным отсутствием мотивации, бывает у них и проблема воровства. Мы работаем с семьями, развиваем мотивацию к учебе. И буквально через полгода эти дети не хотят ехать с родителями на Канарские острова, а хотят в поход в Карелию. Они начинают воспитываться как нормальные дети, а не как дети, которым все дозволено.

Мы выясняли, какие взаимоотношения в семьях у девиантных подростков. Из 200 с лишним осужденных подростков только 11% назвали взаимоотношения в семье нормальными. Про скандалы и ссоры между родителями сказали 13%, про ссоры подростков с родителями – 35%, про ссоры с другими членами семьи – 8%, про жестокое отношение со стороны родителей – 22%, про отсутствие взаимоотношений – 11%. 35% отметили, что родители злоупотребляют алкоголем,

3% – что родители принимают наркотики, 11% – что им свойственно аморальное поведение, 22% – что допускают грубость и жестокость, 6% – что проявляют безразличие.

Анализ личных дел подростков показал, что в основном они осуждены за кражи (88%). До 11 лет совершают правонарушения только 11%, и в основном это мелкие кражи. Самый неблагоприятный с точки зрения риска приобщения к воровству период – с 11 до 14 лет.

В научной литературе воровство рассматривается в трех аспектах: социальном, когда ребенку необходимо социализироваться в окружающем мире; медико-биологическом (речь идет о kleptomании, но у детей она встречается редко, как правило, при органическом поражении мозга) и психологическом, в рамках которого можно проводить диагностику, относить детей к группе риска по воровству и вести психокоррекционную работу уже в дошкольном и младшем школьном возрасте.

посмотрим неразвитость морально-нравственных представлений и воли, получается, что при нормальном развитии и при умственной отсталости показатель выше, чем при ЗПР.

[Результаты контент-анализа высказываний детей младшего школьного возраста с разным уровнем психического развития по определению понятия воровства.](#)

Методика «семантический дифференциал» показала, что дети с нормальным развитием и с ЗПР считают, что воровство – это плохо, нечестно, украсть трудно, надо затратить много сил. По усредненным показателям различий нет. Но оказывается, эта методика имеет очень тонкую градацию, если применять ее индивидуально. Возьмем результаты тестирования одного ребенка. Воровство для него не является плохим, это не предосудительный поступок – низкая оценка. Но это серьезное действие – по силе показатели высокие. Как можно воровать? Только очень осторожно. Об этой осторожности говорит низкая активность. Если использовать в работе с этим ребенком еще и другие психологические методики, то выявляется неудовлетворенность, тревога, беспокойство в семье. Психолог на основании этого может говорить с родителями о том, что ребенок уже составляет группу риска, на него надо обратить внимание, чтобы впоследствии он не совершил поступки, которые влекут уголовную ответственность.

[Результаты обследования Юры Я. \(8 лет, ЗПР\) методом «Семантический дифференциал».](#)

Оценка по цветовым тестам Люшера также показывает, как дети относятся к воровству. Они отмечают понятия «кража» и «вор» обычно черным или серым цветом – это для них плохо. То есть в младшем школьном возрасте дети с задержкой психического развития и дети с нормальным развитием, дети из детских домов и из семей понимают, что воровать плохо. Но это еще не значит, что нет причины воровать.

Итак, для того чтобы проводить раннюю профилактику нарушений поведения, в частности, склонности к воровству, психологам нужно детализированно работать с детьми уже в старшем дошкольном и младшем школьном возрасте, применяя комплекс различных методик. Своевременная профилактика позволяет целенаправленно воздействовать на семью.

Мы проводили исследование, в ходе которого пытались выявить уровень сформированности понятия «воровство» у детей (беседовали о рассказе Л.Н. Толстого «Косточка» и использовали методику «семантический дифференциал»), отношение детей к воровству (с помощью разных методик обсуждали понятия «вор», «кража», «честность», «подарки», «плохо», «хорошо»), поведение ребенка в соответствующей ситуации (в рамках проективной методики «Приключение Пети» давали разные ситуации детского воровства и предлагали детям оценить данный поступок).

Исследования проводились на детях с нормальным развитием и на детях, имеющих те или иные отклонения (в частности, задержку психического развития, умственную отсталость), на детях, воспитывающихся в семьях, и живущих в детских домах. Контент-анализ высказываний детей позволил выявить три группы наиболее распространенных причин воровства.

Первая группа причин – импульсивность. Если речь идет о норме, то это сильное желание владеть понравившейся вещью. А при умственной отсталости включаются еще и биологические факторы. Импульсивное желание владеть понравившейся игрушкой или другим предметом проявляют и дети-невротики, дети, пережившие психические травмы (развод родителей, переезд, поступление в школу и др.).

Вторая группа причин – психологическая неудовлетворенность ребенка. Здесь могут сыграть роль нарушение привязанностей и трудности в общении, недостаток внимания родителей. То есть актом воровства дети добиваются внимания родителей, воссоединения с ними.

Наконец, третья группа причин – это неразвитость нравственных представлений и воли, то есть желание самоутвердиться, получить острые ощущения, не чувствовать своей неполноценности, показать свою хитрость, ловкость, смелость.

Приведу несколько примеров использования разных методик во всех трех аспектах. Контент-анализ высказываний детей по определению понятия «воровство» показывает, что импульсивность выше при наличии биологического фактора: 16% – норма, 26% – при ЗПР, 21% – при умственной отсталости. Неудовлетворенность ниже при умственной отсталости. А если мы

Ирина Алексеева,
генеральный директор Санкт-Петербургского
фонда кризисной психологической помощи детям и
подросткам «Новые шаги», эксперт Национального
фонда защиты детей от жестокого обращения

Некоторые аспекты психологической помощи семьям, в которых дети подвергаются насилию или пренебрежению нуждами

Помощь родителям, которые используют физические наказания в отношении детей, – это одна из самых трудных проблем психологической практики. Многие специалисты, выявляя регулярные физические наказания в отношении детей, не рискуют разговаривать об этом с родителями, боясь ухудшить положение ребенка, нарушить контакт, который формируется между ребенком и психологом. Однако трудно себе представить хорошую психологическую работу, при которой родители продолжают бить ребенка, использовать телесные наказания. Поэтому мы поделимся нашим опытом работы с такими родителями, полученным на разных целевых группах: родители с хорошим социальным статусом, с хорошим образованием и хорошими условиями жизни; и родители, которые считаются неблагополучными. Понятно, что психологическая работа в разных группах касалась разных аспектов. Подробнее расскажу об одном из самых существенных аспектов – помощь родителям в преодолении практики физического насилия в отношении собственных детей.

К физическому насилию в основном относят случаи нанесения детям физических травм, телесных повреждений, физических наказаний, намеренного лишения ребенка пищи, употребления ребенком алкоголя с согласия родителей и синдром тряски младенца.

Еще один, редко встречающийся в России аспект физического наказания, – это синдром Мюнхгаузена, когда мать формирует такую информацию для врачей, из-за которой ребенка подвергают необоснованным больничным воздействиям.

Некоторые формы физического насилия могут поставить нас в тупик. Ребенок получил двойку, его выпороли ремнем. Вряд ли такого родителя вызовут в школу. Вместе с тем опыт показывает, что серьезные физические травмы, нанесенные при наказании ребенка, – это результат развития цепочки. Во многих случаях ожогов и переломов все начиналось с простых физических воздействий.

«Физическое наказание – любое предпринятое с целью наказания ребенка действие, которое, будучи совершенным в отношении взрослого человека, рассматривалось бы как противоправное нападение» – одно из определений, предложенных Советом Европы.

В психологические службы редко обращаются с проблемой «я бью ребенка». Чаще с другими трудностями – плохое поведение ребенка, неуспеваемость в школе и т.д.

Какие сложности испытывают специалисты? Прежде всего, отсутствие четких критериев насилия. Очень трудно определить, в каких случаях необходимо вмешиваться. На тренингах для специалистов мы всегда предлагаем им такое упражнение. Спрашиваем: когда вы наказали собственного ребенка?

И 90% специалистов, которые работают с детьми и знают, что физически наказывать детей нельзя, рассказывают об опыте наказания собственных детей. В нашей практике было огромное количество случаев, когда родители сообщали, что ребенок плохо успевает по математике, а учительница твердит: «Вот вы его не бьете, а ему же давно пора дать по физиономии». Были случаи, когда обращение в правоохранительные органы в связи с регулярным нанесением ребенку серьезных травм заканчивалось тем, что в милиции говорили: «Нечего перетряхивать грязное белье, это семейное дело». Для специалистов это создает некоторые трудности. Если бить нельзя по закону, все очень просто: я вижу у ребенка синяк, я обязан сообщить об этом в соответствующие инстанции. А иначе очень трудно вмешиваться. Поэтому дети годами ходили с синяками на лице, которые видели и врачи, и учителя, но эти случаи не доходили до специалистов. Многие из них сегодня говорят о том, что, видя признаки насилия в отношении детей, чувствуют неуверенность, боятся, что целенаправленное вмешательство ухудшит ситуацию и положение ребенка.

И эти страхи, к сожалению, обоснованы. Специалист поговорил с родителем, а потом ребенок приходит домой, и его бьют. В некоторых случаях ребенок подвергается еще большему, чем до такого разговора, насилию – если не физическому, то, по крайней мере, эмоциональному. У нас был случай, когда был суд осудил родителей за избиение ребенка, – так с ним в течение нескольких лет никто в семье не разговаривал!

Подавляющее большинство родителей, которые используют физические наказания для воспитания детей, – не монстры, это нормальные люди. Тут можно выделить несколько особенностей. Первая из них – неспособность справиться с ситуацией. Известно, что детей раннего возраста бьют чаще всего мамы, подростков – папы. Часто жестокие физические наказания родители применяют тогда, когда считают, что если не принять экстренных мер, то с ребенком случится что-либо ужасное: например, ребенок перестал учиться, попал в «дурную компанию», попробовал алкоголь или наркотики, взял что-либо без спроса. Маленький ребенок потерялся, мать испытывает выраженный страх, ребенка нашли, и она избивает его, просто чтобы получить разрядку. Вторая особенность родителей, применяющих физическое насилие, – повышенная установка на нормативность. Для человека важно, как оценивают ребенка в обществе, при этом совершенно не учитывается, что чувствует он сам. Другие особенности – преувеличение пользы физических наказаний («он только так что-нибудь понимает», «его побьешь – он как шелковый»); отсутствие критики собственных действий («бил и бить буду»); некритичное отношение к своим детским переживаниям по поводу наказаний; искаженное восприятие ребенка родителями (они могут думать, что ребенок намеренно раздражает их, злит или делает что-то не так, находят подтверждение плохого отношения к себе в том, что ребенок плохо себя ведет, разочаровываются, когда ребенок не удовлетворяет их собственные потребности в любви, тепле, общении); неоправданные и нереалистичные ожидания родителей от ребенка, недовольство его физическими или интеллектуальными возможностями, способностями к учебе и т.п. Главная причина, наверное, – это собственный опыт родителей. Большинство родителей, которые используют физическое наказание, – это родители, которых били в детстве.

Основные пути решения проблемы – это установление с родителями доверительных отношений, контакт, осознание родителями последствий, к которым приводит физическое насилие, рефлексия собственного детского опыта и взрослых страхов. Спрашиваем, за что избили ребенка. Получил двойку по математике, выгонят из школы, попадет в дурную компанию, будет употреблять наркотики, умрет. А ребенку 8 лет. Это свернутые страхи родителей. Расширение репертуара родительских реакций – это содержание психологической работы, которая стандартно проводится для решения проблемы физического наказания. Человеку нужно помочь изменить представление о себе как о родителе на когнитивном и эмоциональном уровне. Чем лучше родитель, чем больше он уверен в себе, тем меньше необходимость оказывать на ребенка физическое воздействие.

Мы используем такой подход и в индивидуальной, и в групповой терапии с разными родителями, с разными семьями. Одна из проблем, с которыми мы столкнулись, – как мотивировать родителя на взаимодействие. Например, мы работаем с агрессивными детьми. Причем отбираем детей, которые дерутся так, что их трудно удерживать в школе, и у родителей есть мотив для изменения поведения ребенка. Мы заключаем с ними договор, согласно которому бесплатно работаем с этими детьми при условии, что родители ходят в группу. Это взаимодействие родителей и детей дает очень хорошие результаты. Часто мы присоединяем еще индивидуальные семейные консультации, индивидуальные консультации родителей.

У нас есть четырехлетний опыт работы с родителями из неблагополучных семей. Там мотивирующим фактором на взаимодействие была социальная помощь. Неблагополучные родители на консультации почти не ходят. После одной-двух консультаций они склонны уходить от контакта, они вообще плохо удерживают терапевтический контакт. Это одна из самых больших проблем в оказании помощи таким родителям. Мы справились с ней с помощью социальных служб. Социальные работники ходили в наши группы, после занятий решали социальные проблемы. Первые два года родители получали гуманитарную помощь, и таким образом мы смогли удержать

их в группах. За четыре года мы получили очень хорошие результаты, родители хотели продолжать, мы никак не могли с ними расстаться. Когда мы только начинали, у нас из 14 человек, постоянно ходивших в группу, работали только две мамы. А потом почти все стали работать – кто на полставки, кто на четверть ставки, не пошла работать только одна мама, потому что она инвалид. Они перестали бить детей и, надеюсь, стали лучше к ним относиться. Дети стали учиться и научились решать свои проблемы.

Третья группа, с которой мы работали, – благополучные, заботливые родители из Москвы, воспитывающие детей-инвалидов. Мы с ними контактировали в течение трех лет. На тему физического насилия в данном случае мы вышли совершенно случайно. Выяснилось, что практически все эти дети биты родителями, которые почти без критики относились к тому, что регулярно наказывали детей. Понятно, что у этих родителей были проблемы, связанные с чувством вины, с повышенной привязанностью. Но так или иначе наш опыт показал, что эти родители – тоже группа риска по телесным наказаниям.

Александра Марова,

президент Новосибирской городской общественной организации «СибМама»

Технология профилактики отказов от новорожденных: эффективные модели и возможности внедрения

Профилактика отказов от новорожденных является одним из направлений работы по выявлению и реабилитации семей группы риска по социальному сиротству. Как показывают статистические данные, отказы от новорожденных составляют существенную часть в общей статистике социального сиротства. Так, в России ежегодно матери оставляют в роддомах около 10 тыс. детей.

Президент Медведев в своем докладе на заседании президиума Совета при Президенте РФ по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике 9 октября

2007 года отметил: «Нужна активная социальная политика в сфере социального сиротства, направленная на сохранение семей и сокращение случаев лишения родительских прав. Вопросы профилактики семейного неблагополучия, социального сиротства должны быть в обязательном порядке отражены в региональных демографических программах». Тем самым он четко обозначил приоритет сохранения кровной семьи для ребенка, что определяет стратегию работы с данной целевой группой.

Отметим, что актуальность деятельности по профилактике отказов от новорожденных не ограничивается тезисом о необходимости реализации конституционных прав ребенка на семью, но и связана с тем, что в рамках развития деятельности по профилактике отказов от новорожденных могут быть решены задачи демографической и социально-экономической политики, и в том числе задачи, связанные с экономией бюджетных средств (1 койко-место в доме ребенка обходится государству в 511 тыс. рублей в год).

Несмотря на то, что в ряде регионов ведется активная работа по разработке и внедрению услуги по профилактике отказов от новорожденных, говорить об институализации данной услуги на территории Российской Федерации нельзя.

В тех регионах, где данная услуга не внедряется, реабилитационная работа с целевой группой (женщинами, выражающими намерение отказа) практически не ведется, а усилия государственных служб и органов сводятся к устройству отказных новорожденных в замещающие семьи. Тем самым попытки сохранения кровной семьи для ребенка практически не предпринимаются.

Почему очень мало регионов внедряют услугу по предотвращению ранних отказов? В первую очередь потому, что не решены проблемы межведомственного взаимодействия органов здравоохранения, социальной защиты, опеки и попечительства. Здравоохранение, например, не видит своей роли в данной услуге, считая своей функцией обеспечение медицинских услуг для клиентов и не относя к таковой социальную защиту. Вторая причина – отсутствие в управленческих структурах представления об эффективных механизмах работы в области профилактики отказов от детей.

лением социальной поддержки населения мэрии города Новосибирска и др.), органами опеки и попечительства, некоммерческими организациями (например, «Каритас», «Голубка», на базе которых располагаются приюты для матерей).

Технология демонстрирует хороший результат: за полтора года – с 16 января 2008 года по 1 июля 2009 года – к нам поступило 100 сигналов, мы открыли 36 случаев, 36 женщин изменили свое решение. В семье сохранено 36 детей.

Экономический эффект от внедрения услуги, с учетом расходов на ее реализацию, составил 1 млн 512 тыс. рублей в месяц (18 млн 144 тыс. в год). Долгосрочный экономический эффект значительно выше, поскольку должен учитывать стоимость содержания детей-сирот в учреждениях и расходы на их государственную поддержку и реабилитацию после выхода из интернатных учреждений.

Услуга по профилактике отказов от новорожденных доказала свою эффективность и может быть внедрена в рамках нескольких моделей. На базе учреждений социальной защиты могут быть созданы службы, оказывающие услугу по профилактике отказов от новорожденных. На базе городского учреждения или общественной организации возможно создание единой городской службы, которая оказывает услугу в масштабах всего города.

Внедрение услуги включает несколько основных этапов: разработка модели, учитывающей особенности территории и позволяющей построить четкий алгоритм межведомственного взаимодействия в рамках реализации технологии профилактики отказов; обучение различных групп специалистов, задействованных в оказании услуги (штата службы, специалистов родовспомогательных учреждений); организация супервизии работы специалистов и управленческого мониторинга реализации услуги.

Тем не менее, исследования показывают, что в значительной части случаев сохранить ребенка в родной семье возможно. Новосибирск представляет следующую схему.

Профилактика ранних отказов строится как технология работы с семьей группы риска по технологии работы со случаем. Технология носит межведомственный характер и предполагает активное взаимодействие учреждений и структур социальной защиты, здравоохранения и органов опеки и попечительства. Технология включает три этапа.

На первом этапе выявляются женщины, намеренные отказаться от ребенка. Второй этап – этап оперативного реагирования. Получив соответствующий сигнал от медработников, специалисты обязаны своевременно отреагировать и выехать в родильный дом для беседы с мамой. Если в результате мотивация мамы изменилась, если она приняла решение принять помощь, тогда начинается третий этап – междисциплинарное сопровождение клиентки.

Технология работы по профилактике ранних отказов

Если мама намеревалась отказаться от ребенка из-за финансовых трудностей, проблем с жильем, с документами, из-за психологических проблем, из-за того, что родственники не принимают ребенка, с этими проблемами можно работать. Междисциплинарное сопровождение клиентки предполагает создание рабочего плана по устранению трудной жизненной ситуации.

В рамках отработанной модели услуга по профилактике отказов от новорожденных была построена на базе НГОО «СибМама», в которой работает штат специалистов, непосредственно осуществляющих данную услугу. Модель услуги основана на тесном взаимодействии службы профилактики отказов со структурами и учреждениями здравоохранения (родовспомогательными учреждениями, управлением здравоохранения и др.), социальной защиты (учреждениями социального обслуживания, управ-

Лариса Самарина,
директор АНО «Новгородский детский центр», эксперт
Национального фонда защиты детей от жестокого
обращения

Опыт и результаты применения программы «Зрелое родительство» для матерей, воспитывающих детей раннего возраста

Начиная работать по этой программе, мы обучали серьезных, интересных людей, хороших профессионалов. Требования к кандидатам очень высоки. Мы предлагаем им работу на 24 часа в сутки и сроком на всю жизнь, им надо иметь знания в области медицины, питания, психологии, развития детей, ведения домашнего хозяйства, обладать навыками управления стрессом и разрешения конфликтов, решения проблем, коммуникации, ведения бюджета, они должны быть энергичными и терпеливыми. Но при этом специального образования не требуется.

На конференции очень много было сказано о том, что хорошо бы, чтобы родители много знали, понимали своих детей и свой собственный эмоциональный мир, чтобы они обладали какими-то родительскими стратегиями по отношению к детям.

Допустим, есть проблема воровства. Если я в этой области некомпетентный родитель, что я буду делать? Все мы замечательные родители, мы собой гордимся, но если у нас что-то не получается, то общество нас порицает, и нас норовят учить или, более того, наказывать.

Достаточно много слов говорится о помощи, но трудно сказать, какая именно помощь значима и действенна. Пара «родитель – ребенок» – очень сложное явление. Все, что происходит с родителем, отражается на ребенке и наоборот. Нам нужно понять, что поможет и при этом не отразится на каждом из них, на их отношениях и взаимодействии. Когда ребенок пробует границы, утаскивая регулярно у мамы из кошелька деньги, что мама испытывает по отношению к этому ребенку? Как она будет реагировать? Как она будет справляться со своими

чувствами? Что чувствует ребенок, когда мама его за это побила? Как это отразится на их отношениях?

Они будут продолжать любить друг друга, у них получится какое-то взаимодействие или не получится? Это сложные вопросы.

Насилие над детьми на самом деле является результатом сбоев родительской заботы. И чем хуже жизненная ситуация семьи, чем больше выражены такие факторы, как стресс, нищета, одиночество и отсутствие поддержки, тем труднее семье справляться с детьми, которые постоянно предлагают родителям какие-то испытания. Эффективнее заниматься профилактикой в сбое родительской заботы, нежели помогать, когда сбой уже произошел. Наверное, лучше помочь маме, когда она только начинает испытывать сильное чувство гнева и не может справиться с ним, но еще не подняла руку на ребенка, еще не схватила его за плечи и не начала трясти.

Какие способы помощи эффективны, а что не приносит результата? Доказано, что позитивное подкрепление, буклеты о родительстве не имеют никакого эффекта. Демонстрация хороших примеров родительства приводит к отрицательному эффекту – большинство матерей видит в этом лишь элемент контроля. К улучшению взаимодействия приводит использование ролевых игр с матерями, просмотр видеозаписи общения мамы с ребенком и возможность самостоятельно его оценить, помощь матери в регистрации ее чувств и ответов ребенка, когда это делается в безопасном окружении.

Какие услуги ценят родители? Открытую, честную, своевременную и информативную коммуникацию. Время, проведенное с кем-то, кто слушает, дает обратную связь, информацию, утешение и совет. Практичные и доступные услуги, сформированные в соответствии с конкретными нуждами. Подход, который подкрепляет, а не разрушает родительские способности. Все эти условия легли в основу программы «Зрелое родительство».

Цель программы – влиять на качество отношений родителя с ребенком (улучшить отношения между родителями и детьми). Ее задачи – улучшить эмоциональное состояние родителей (потому что в депрессивном состоянии родитель не мо-

жет качественно заботиться о ребенке) и обучить родителей позитивно справляться с родительскими функциями (избегая различных форм насилия).

«Зрелое родительство» – это групповая программа. Уже есть разные ее модификации – для мам с детишками постарше, с детишками помладше, программы для бабушек, для пап. Программа предназначена для семьи, в которой воспитывается по крайней мере один ребенок в возрасте до 5 лет, – чем раньше мы начинаем, тем качественнее будет результат. Кроме того, отношения в семье соответствуют хотя бы одному из следующих признаков: у мамы есть стойкие проблемы в отношениях с ребенком; мать имеет проблемы с психическим здоровьем (послеродовая депрессия, невроз и др.); в семье зафиксировано насилие над ребенком.

Каковы акценты этой программы? Добровольность участия. Это особая тема для разговора. Мы знаем, что в других странах, когда наблюдается насилие в семье, подключается социальная защита ребенка, и так или иначе мама должна участвовать в каких-то программах, если она хочет сохранить ребенка в семье. Мама обязательно участвует в чем-то, но она может выбирать программу. Принцип добровольности важен, иначе у нас не будет качественной работы. Второе – обязательства родителей активно участвовать в программе. Третье – наделение родителей полномочиями: уходит роль ведущего, сами родители становятся специалистами, профессионалами в деле воспитания детей, имеющими большой опыт. И четвертое – объективное измерение результатов, изменений в родительско-детских отношениях.

Занятия проводятся раз в неделю в течение 14 недель – это интенсивный отрезок. Потом семья продолжает находиться под наблюдением специалиста. Содержание занятий: личностная группа для родителей (в то время как дети находятся под присмотром в другом помещении); ряд совместных мероприятий для того, чтобы родители могли насладиться общением со своим ребенком, получить удовольствие от этого общения, получить опыт от того, что можно наслаждаться взаимодействием со своим ребенком, попробовать на практике какие-то приемы, о которых говорили в группе; анализ видеозаписи,

как индивидуальный, так и групповой; домашние задания, выполняя которые родитель может дома попробовать сказать ребенку какие-то особенные слова, реагировать в течение недели каким-то определенным образом и увидеть, что это имеет положительный результат.

В итоге мы фиксируем улучшения в родительско-детских отношениях, которые имеют продолжительный эффект. И он заключается не только в том, что мама перестала шлепать своего малыша. Когда ей трудно с ребенком, когда поведение двухлетка становится невыносимым, у нее есть силы и возможности остановиться, задуматься: что я могу с этим сделать? Когда уходит импульсивность реакций, улучшается поведение детей и улучшается их развитие. Когда мама начинает целенаправленно обращаться к ребенку, дети очень быстро учатся сотрудничать и вступать в кооперацию со своими родителями, они мгновенно усваивают методы, позволяющие договариваться. Допустим, время обеда, мама с ребенком пришли с прогулки, и ребенок говорит: «Можно я суп не буду есть, можно я возьму конфету?» Мама говорит: «Нет, я конфету тебе дам тогда, когда ты съешь суп». – «А можно одну?» – «Нет, одной тоже нельзя, только после того, как ты съешь суп». – «Ну хорошо, ты мне ее дай, я ее буду держать, съем суп, а потом возьму». Два года ребенку, а какой уровень сотрудничества, да? Самочувствие матерей улучшается, они становятся увереннее, спокойнее.

Вопрос из зала: Вот 14 недель прошло, что дальше?

Л. Самарина: Дальше родители выбирают, либо они в нашем центре могут посещать обычные развивающие занятия с ребенком, либо они в детский сад пойдут. Но через шесть месяцев мы к семье возвращаемся и спрашиваем, как идут дела? Мониторинг обязательно ведется.

Круглый стол «Слышать ребенка: как сделать детские телефоны доверия более доступными?»

На круглом столе обсуждались такие вопросы, как роль телефонов доверия в профилактике жестокого обращения и взаимодействие с другими субъектами профилактики, повышение качества рекламирования услуг по телефонному консультированию, ресурсная поддержка служб телефонов доверия, перспективы развития интернет-консультирования и т.д. [Предложения участников круглого стола отражены в резолюции конференции в разделе «Обеспечение доступности экстренной психологической помощи детям и подросткам».](#)

Ольга Зудина,
педагог-психолог ГОУ ЦПМСС «Юго-Запад»

Телефонов доверия уже много, они развиваются, но все равно каждый работает по-своему, без единых принципов работы в рекламировании телефона и в технологиях оказания помощи. Расскажу, как работает наш телефон доверия «Гаврош».

Наша целевая аудитория – дети, школьники. Когда мы только начинали работать (это было больше пяти лет назад), просто приносили в школы рекламные листовки, просили классных руководителей раздать на классных часах или на родительских собраниях. Для нас это самая удобная форма – не плакат, а именно листовка, потому что каждый ребенок, каждый родитель получает в руки рекламку, и она у него остается. Ну и – не будем кривить душой – это не самый дорогой способ рекламирования, а для нас финансовый вопрос часто стоит остро. В процессе работы мы поняли, что это недостаточно эффективный метод.

Теперь в школу приходит подготовленная команда специалистов, которые сами проводят рекламную кампанию. Мы заранее предупреждаем администрацию, кто и что именно будет делать, чтобы потом не было вопросов. Состав команды может быть разный: это могут быть телефонные консультанты, но тут есть, конечно, риск, что ребенок впоследствии узнает голос, поэтому желательно, чтобы в этой команде были психологи, социальные педагоги. Члены команды чаще всего работают в паре, заходят в класс в начале или в конце урока, один человек раздает рекламу, другой делает сообщение на 5–10 минут. Это важно – не просто раздать листовки и уйти, но и установить первый контакт, объяснить, что такое телефон доверия, зачем на него звонить, в каких ситуациях можно обращаться.

Мы столкнулись с проблемой табуированных тем. Когда мы начинали работать, мы раздавали рекламу, в которой касались тем суицида, насилия, жестокого обращения. Директора школ, увидев листовку, говорили: «Ой, знаете, мы не можем. А вдруг у нас все начнут вешаться, стреляться и т.д.?» Этот вопрос и сейчас стоит остро, поэтому нужно взаимодействовать со школами, с больницами и т.п., проводить семинары, чтобы объяснять, для чего мы работаем, что это не приведет к повышению уровня суицидов, что, наоборот, с большой вероятностью мы сможем купировать какие-то ситуации – элементарное психологическое просвещение.

Сейчас у нас разработаны новые варианты листовок, касающиеся некоторых табуированных тем. Мы будем пытаться это делать снова и снова. А пока хотя бы во время выступления в классе, когда мы непосредственно общаемся с детьми, мы ориентируемся на то, как они слушают, какие вопросы задают, и пытаемся дать им намек или прямое послание о том, что на телефон доверия можно обращаться не только потому, что ты поссорился с кем-то или влюбился. Что можно позвонить, если тебе очень тяжело, если дома бывает так плохо, что ты не знаешь, что делать... Такие выступления мы делаем и на родительских собраниях – либо идем в каждый класс и раздаем рекламу каждому родителю, либо приходим на общешкольное собрание. Нам важно донести до родителей, что

покончить с собой, какие виды суицида вы бы использовали (нужное подчеркнуть)?» Это не единственный случай...

Что мы делали? Мы провели семинары для журналистов. В законе о СМИ есть статья, запрещающая пропаганду насилия и жестокости. Речь идет не только об информации о суицидах, но и о жестокости по отношению к детям, потому что СМИ навязывают определенную ролевую модель поведения вместо того, чтобы приводить позитивные примеры. Если брать проблему насилия, надо говорить о рекламе ценности жизни, здоровья, а в случае сексуального насилия – об интимности как некоем собственном пространстве ребенка. И в первую очередь об этом надо говорить с журналистами.

Вот нам рассказывали про табуированные темы. А вы знаете, с чем у нас ассоциируют телефон доверия? «Телефон доверия – это ФСБ, наркоконтроль и вы, – отвечают дети в школах. – А вы на кого работаете?» Есть очень сильные опасения, что мы – сотрудники спецслужб, поверьте. Это нелепо, но так и есть.

О. Зудина: Еще очень важна поддержка управленческих структур. Элементарная телефонограмма в школу: пожалуйста, впустите команду специалистов, которая принесет рекламу телефона доверия «Гаврош», – очень бы нам помогла.

Зоя Луковцева, руководитель Школы антикризисного реагирования при Институте психологии и педагогики: Может быть, имеет смысл ставить вопрос о единой концепции социальной рекламы? Вот «Гаврош» может прийти в школу и сказать: мы оказываем помощь при возможном суициде, при жестоком обращении, при насилии, при инцесте. А Российская ассоциация телефонов экстренной помощи нам говорит: не надо этого делать, как бы не получилось пропаганды, как бы в неокрепших умах не возникли эти темы. И если у нас не будет единой концепции того, как подавать социальные установки в социальной рекламе, в листовках, в раздаточных материалах, на сайтах, нас никакое финансирование не спасет.

Марина Егорова, президент Национального фонда защиты детей от жестокого обращения: В свое время для рекламной просветительской кампании о том, что такое жестокое обращение родителей с детьми, мы использовали плакат ЦПМСС

это просто дополнительный канал помощи, ведь родители не всегда находятся рядом с ребенком, когда он нуждается в поддержке.

Вопросы и комментарии к докладу

Андрей Камин, психотерапевт, некоммерческое партнерство «Нижегородский ресурсный центр «Детство без насилия и жестокости»: В прошлом году мы проводили у себя в регионе проект с красивым названием «Богатая Лиза». Про «Бедную Лизу» слышали все.

А вы знаете, что это российский вариант синдрома молодого Вертера? Выход книжки Карамзина привел в XVIII веке к серии суицидов среди девушек, они топились в прудах... Поэтому когда я услышал про рекламу суицида, прямо дернулся.

О. Зудина: Не суицида, а проблемы.

А. Камин: Простите, это реклама суицида. Когда мы говорим о проблемах, мы рекламируем проблемы. Я говорил со специалистом по социальной рекламе, он говорит: «Ну, какие я вижу бренды в социальной рекламе? ВИЧ, гепатит. Ну, слава богу, донорство начали рекламировать как некую позитивную модель». Но до сих пор социальная реклама у нас – это, извините, либо агитпроп, либо санпросветработа, это не реклама. Мы не рекламируем позитивные модели поведения, мы вместо этого говорим о проблемах. Доказано уже, что циркуляция подобных вещей в СМИ приводит к увеличению суицидов. В Нижегородской области, в городе Кстово был серийный суицид – настоящая эпидемия, хотя так ее, конечно, не называли. И почему-то никто не писал, что в этом городе были закрыты все службы, которые оказывают помощь детям, проводят психологические и психотерапевтические консультации в семье. Уберите из города пожарную команду – у вас будет эпидемия поджогов... Наш департамент образования (мною горячо любимый, потому что я вижу, что люди действительно пытаются что-то сделать) разослал рекомендацию школьным педагогам провести профилактическую работу по суицидам. Знаете, что сделали в одном из районов Нижегородской области? Школьникам разослали тест – они же тестировать учатся, что умеют, то и делают, – в котором был вопрос: «Если бы вы хотели

«ОЗОН». Мы его привезли в Иркутск, а потом тиражировали на календарях, которые раздавали директорам школ, на специальных плакатах, которые висели в школах. И был действительно большой всплеск обращений, потому что наши родители не знают, что такое жестокое обращение, что такое психологическое насилие, и дети тоже не знают. Нужно давать какие-то опорные точки, чтобы родители, дети, учителя могли осознать, что они имеют дело с насилием. В таких плакатах мы очень нуждаемся.

Анна Холопова,
заведующая отделом экстренной психологической помощи ГОУ ЦПМСС «Юго-Восток», педагог-психолог, начальник СЭПП

Я хотела поговорить о структуре психологических последствий жестокого обращения с детьми именно в аспекте идентификации. Как может специалист, не имеющий психологического образования – педагог, социальный работник, юрист, волонтер на телефоне доверия или кто-то еще, – идентифицировать соответствующие случаи. Напомню, что на некоторых телефонных линиях работают люди, которые еще только получают соответствующее образование или вовсе не имеют специальной профессиональной подготовки.

Есть три группы признаков жестокого обращения с детьми и подростками, на которые специалист должен обращать внимание. Последствия жестокого обращения и признаки жестокого обращения очень часто описываются с помощью разрозненных маркеров. Это может быть снижение успеваемости, наличие физических повреждений, появление каких-то поведенческих особенностей у ребенка. Это первая группа признаков, а есть еще две, которые очень важны, но о них часто забывают.

Нарушение психического развития ребенка может обнаружить педагог, школьный психолог, родитель – любой, кто замечает, что ребенок в своем развитии начал двигаться не совсем по возрастным нормативам. Любое жестокое обращение, любое насилие накладывается на процесс психического

развития ребенка и искажает его. Наверное, и школьному психологу, и педагогу имеет смысл обратить внимание на то, насколько по возрасту развивается ребенок, даже если других признаков наличия жестокого обращения в данном случае не прослеживается.

Еще очень важны так называемые возрастные симптомы – как ребенок реагирует на психологическое, эмоциональное, физическое, сексуальное насилие, на пренебрежение и т.д. Возрастные симптомы специфичны для каждого возраста. Если мы посмотрим на подростка, мы увидим в числе возрастных симптомов то, что сбивает в подростковом возрасте и не сбивает ни в каком другом. Вряд ли мама 5–6-летнего ребенка будет жаловаться, что ребенок связался с дурной компанией, у него какие-то особые установки, он стал странно одеваться, у него какая-то странная субкультурная принадлежность обнаружилась. А мама подростка с таким набором проблем вполне может обратиться к специалисту. Если речь идет о ребенке раннего возраста, то возрастные симптомы – это вегетативные нарушения, нарушения саморегуляции на физическом уровне. Если это дошкольник, младший школьник – психомоторные нарушения: тики, привычные патологические действия, заикание.

При профессиональной подготовке и переподготовке специалистов было бы очень важно и для специалистов на телефонах доверия, и для специалистов смежных служб, обучая их выявлению соответствующих случаев, рассказывать обо всех трех группах признаков. Замкнутость, тревожность, агрессивность и синяки могут свидетельствовать о том, что есть глубокие психологические нарушения, нарушения психического развития, для идентификации которых нужны знания в сфере возрастной психологии, социальной психологии субкультур, микро- и макросоциального функционирования ребенка, клинической психологии, психологии нормального развития. Наши специалисты должны уметь смотреть на ситуацию более широким взглядом, оценивая ребенка в том числе и в аспекте его психического развития и здоровья.

Телефонные консультанты должны очень хорошо знать такие вещи, чтобы понимать, о чем спрашивать звонящего. Ведь

человек», это переход к системе «психолог – человек», это «я сейчас помогу тебе решить твои проблемы». Люди, и особенно дети, не чувствуют себя понятыми, когда умные психологи начинают их препарировать. Да, и сюда добавляется педагогическая тема: обратись к психологу – пусть тебе там скажут, позвони на телефон доверия – пусть тебя там научат, поправят и изменят.

А. Камин: Есть понятие экстренной психологической помощи, это одно. А есть понятие дистанционного консультирования, которое имеет свои особенности. Телефонное консультирование довольно сильно отличается от очного приема, которому начали учить в психологических вузах (а раньше не было и этого). Еще нужно четко понимать, что есть границы компетенции консультантов, то есть к нам очень часто обращаются по вопросам, которые требуют социальной, а не психологической помощи. Часто человеку нужен юрист, и психолог тут не поможет... Поэтому возникла идея разработать стандарт именно телефонной помощи.

М. Егорова: Еще время не пришло для такого стандарта. Почему на западных телефонах доверия работают одни волонтеры? Там вообще нет оплачиваемых психологов, это непрофессиональные службы. Потому что невозможно померить результат деятельности. Как вы поймете, выполнен стандарт или нет? Поэтому на телефонах доверия за это деньги не платят, нельзя платить деньги за деятельность, результат которой ты не можешь померить. Мы не можем обходиться только силами волонтеров, потому что у нас население так мало получает, что на добровольных началах вообще туда никого не зазовешь. Поэтому у нас это оплачиваемые службы. И то люди зарабатывают совсем небольшие деньги и приходят сюда в последнюю очередь или на подработку. Если сейчас написать стандарт по телефонному консультированию, это просто убьет работу.

А. Камин: Как сделать так, чтобы не убить? Существует понятие саморегулируемых организаций. Они существуют в сфере консультирования, оценки недвижимости, еще где-то. В нашей сфере есть организации, которые занимаются телефонным консультированием, но они не настолько авторитетны, чтобы добиться издания соответствующего распоряжения, ко-

это может быть не ребенок и не родитель, а кто-то, косвенно включенный в ситуацию: воспитатель, педагог, администратор учебного заведения...

Вопросы и комментарии к докладу

3. Луковцева: Все, кто прямо или косвенно задействован в системе высшего образования, уже, несомненно, слышали слова «Болонская система». Мы сейчас будем пересматривать подготовку всех специалистов, перестраиваться с системы специалитета на систему бакалавриата и магистратуры. Это ждет абсолютно все вузы. Готовится ФГОС, Федеральный госстандарт, по которому будет все это происходить, и уже с 2010–2011 года ни одного вуза, который будет набирать по старым программам, у нас в России не останется. Там будет совсем другая подготовка специалистов. Их будут готовить не по знаниям, умениям, навыкам – педагоги хорошо знают, что такое ЗУНы. Про них мы можем сейчас забыть, потому что вуз просто не будет лицензирован и аккредитован, если будет работать по ЗУНам. Работать мы будем по компетенциям.

И все специалисты, задействованные в оказании помощи, в том числе на телефонах доверия, будут готовиться в рамках компетентностного подхода. Нужно включить в новую систему образования те компетенции, которые необходимы людям помогающих профессий.

Марина Бетрединова, куратор проекта «Детские телефоны доверия» Национального фонда защиты детей от жестокого обращения: Когда говорят об образовании и подготовке телефонных консультантов, я все чаще слышу, что телефонным консультированием должны заниматься профессиональные психологи. И это меня очень сильно пугает. Неожиданно для себя я выяснила, что лишь немногие профессиональные психологи практически представляют себе, что такое активное слушание. Люди владеют гештальтом, гипнозом, чем угодно, но не владеют методом телефонного консультирования... По сути дела, телефонное консультирование начинает превращаться в решение психологических проблем позвонивших детей. На мой взгляд, это профанация телефонного консультирования как такового. Это профанация системы «человек –

торое отдало бы вопросы регулирования профессиональным сообществам телефонных консультантов. Чтобы стандарты предъявляли эти профессиональные сообщества, чтобы они могли обращаться к органам власти на местах: вот, существует принятый на уровне России стандарт, стандарт саморегулируемой организации.

М. Егорова: Ну, значит еще не время, о чем я и говорила. Это дискуссии о будущем. Конечно, нужны подготовленные специалисты, у тех, кто работает на телефоне доверия, должна быть возможность выхода со сложным случаем на консилиум.

М. Бетрединова: Я услышала слово «стандарты» и испугалась. Мне тоже кажется – слава богу, что их нет. В последнее время я много езжу по стране, от Москвы до Чукотки, и вижу самые разные службы.

Вот есть замечательная барнаульская служба, в которой наряду с психологами работают волонтеры, и здорово работают. Есть служба на Чукотке, где работают двое мужчин, один танцор, другой военный, и классно работают. Есть чисто профессиональные службы, есть чисто волонтерские службы. И для меня очень важно, чтобы, если стандарты будут создаваться, они не убили эту «разность» служб.

Еще добавлю, что телефон доверия бывает четырех типов: «человек – человек», «педагог – ученик», «врач – пациент» и «психолог – клиент». И это разные, наверное, стандарты.

М. Егорова: А можно предложить другой вариант. Не стандарт, а регламент. Это более свободное понятие, и регламент позволит нам в профессиональном плане зафиксировать какие-то вещи.

Галина Будневич,
*педагог-психолог, методист ГОУ ЦПМСС
«Живые потоки»*

У нас телефон доверия включен в окружное антикризисное отделение, или отделение экстренной психологической помощи, которое существует на базе Центра психолого-медико-социального сопровождения в течение шести лет.

Мы стремимся донести до ребенка, что есть телефон доверия, на который он всегда может позвонить. Не знаю, может быть, мне повезло. Последние три года, в течение которых я работаю в Западном округе Москвы, у нас очень понимающее руководство – я имею в виду окружное управление образования. Нет проблем с доступом в школы, мы приходим, разносим листовки, выступаем, и нас везде ждут. В последние три года нас уже не боятся, потому что было такое распоряжение сверху. Примерно два года назад мы отказались от специальных рекламных акций, когда мы идем в школу и рассказываем только про телефон. В нашем центре восемь отделений, мы оказываем помощь всем детям от трех до 18 лет. У нас есть разные возможности выходить на образовательные учреждения, на учреждения дополнительного образования. Это тренинги, родительские собрания, взаимодействие с управами, с префектурой, с муниципалитетами. СМИ тоже нас приглашают.

Я прихожу на тренинг и детям, которые в нем участвуют, раздаю так называемую «ручную» рекламу. В прошлом году было у меня 700 человек, значит, 700 человек получили от меня рекламу. А специально приходиться и 5–7 минут рассказывать я не согласна. За 5–7 минут вообще сложно что-то рассказать. У нас 200 школ, около 190 детских садов, плюс интернаты, дома детского творчества и т.д. Каждый год в округе проводятся совещание социальных педагогов и совещание психологов. Это примерно по 200 человек, и мы каждому даем рекламу и делаем сообщение каждый раз. Кто лучше слышит ребенка? Я подростковый психолог, последние 15 лет занимаюсь подростками, и мне подросток по телефону говорит: «Вам хорошо, у вас, наверное, образование есть, вы, наверное, институт закончили, вы все про нас знаете. А мне бы с тем поговорить, кто ничего этого не знает и близок мне по возрасту». Мы все поняли и решили, что надо открывать волонтерскую линию. Это было в 2008 году. Опять-таки спасибо нашему руководству, управлению образования, через две недели у нас была линия, поставили стол, телефон – набирайте волонтеров.

Как набирать волонтеров? Хотели привлечь старшеклассников, не вышло. Пока у нас работают студенты первых курсов. Супервизором являюсь я сама и их обучаю. Обучаем две

Приложения

недели до начала работы и в процессе. Сейчас опять набираем студентов, в этом году группа 15 человек, тоже первокурсники, «Ювенальная психология», МГППУ.

Еще три года назад мы начали распространять рекламу с предложением обращаться к нам письменно, через наш сайт. Подростки не все умеют говорить, излагать свои мысли. Некоторым легче на клавиатуре набить текст. Пишут, но пишут мало – и удивляются, что у нас нет ICQ. Было бы – я бы сразу отвечала, а так день-два приходится ответа ждать... Но и ICQ – тоже для них сложно, потому что они на третьей фразе спотыкаются. Я по телефону говорю: «Напиши девочке письмо, признайся в любви», а мальчик мне отвечает: «Что, рукой?» – «Ручкой!» – «Что, на бумаге?» – «Конечно, на бумаге!» – «Я не умею»...

Вопросы и комментарии к докладу

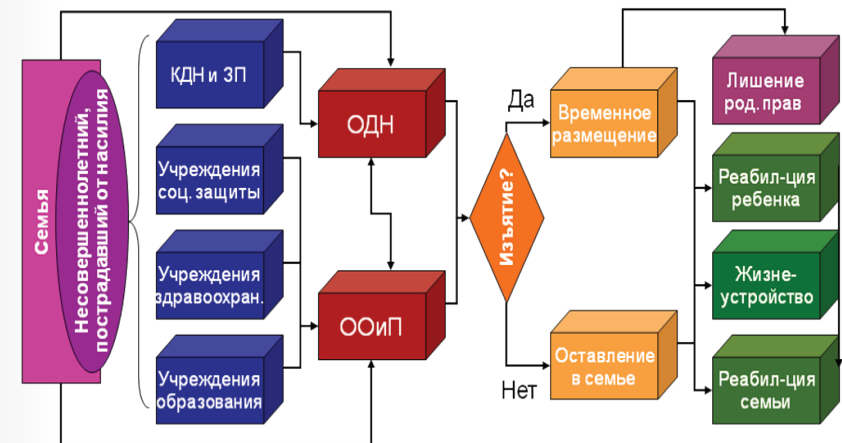
М. Бетрединова: В продолжение темы интернет-консультирования хочу сказать, что надо думать и про Чукотку тоже, например. Одно дело Москва, где все это легкодоступно, а на Чукотке, может, один компьютер, и неизвестно где стоит, и к электронной почте не всегда есть доступ. Возможно, стоит предусмотреть, чтобы у службы телефона доверия был доступ в Интернет.

М. Егорова: По поводу интернет-консультирования есть разные мнения. Вообще-то, многие телефонные службы в разных странах отказались от Интернета, поскольку неизвестно, как слово наше отзовется. Общаясь с человеком по телефону, мы получаем о нем очень много информации. Опытные телефонные консультанты извлекают полезную информацию даже из одной фразы. Они ее слышат, понимают собеседника и своим шестым чувством улавливают, как правильно с человеком разговаривать. В Интернете этого нет, там не видно личности. Непонятно, как будет воспринято то, что ты написал. Ответственность повышается в разы. Многие службы боятся навредить и отказываются от этого. Поэтому есть такое мнение, что рановато нам, не наладив телефонное консультирование, браться за Интернет. Вот возникнет поколение опытных телефонных консультантов, и после этого уже можно будет дискутировать об Интернете.

Рисунок 1. Взаимосвязь семейных кризисов и положения ребенка.

Рисунок 2. Выявление и помощь детям, пострадавшим от насилия

КДНиЗП – комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав
 ОДН – отделы по делам несовершеннолетних
 ООиП – органы опеки и попечительства

Рисунок 3.

Результаты контент-анализа высказываний детей младшего школьного возраста с разным уровнем психического развития по определению понятия воровства

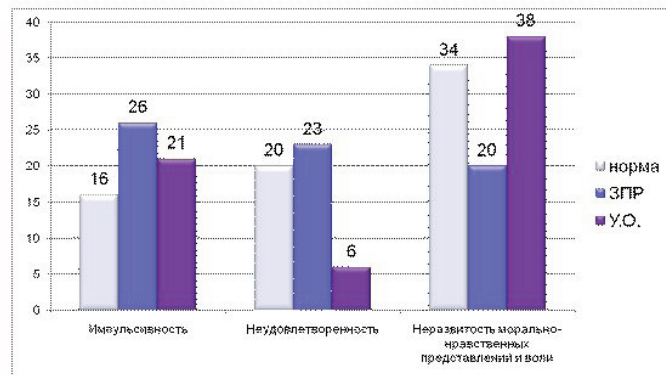

Рисунок 4.

Результаты метода «Семантический дифференциал» Юры Я. (8 лет, ЗПР) по отношению к понятию «воровство»

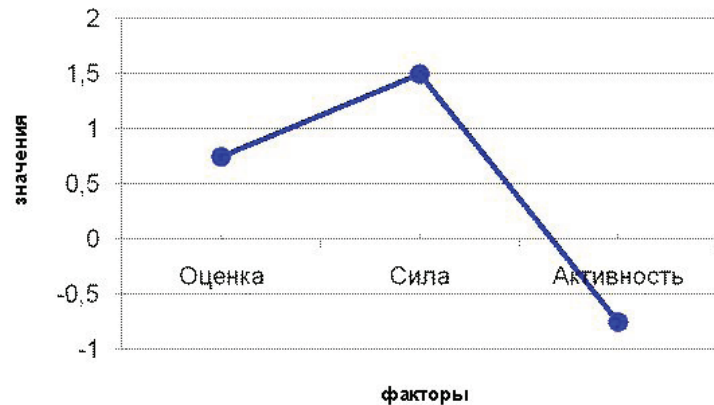

Рисунок 5.

Технология работы по профилактике ранних отказов

реализуемого на средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 14 апреля 2008 года №192-рп.

При подготовке Всероссийской конференции был изучен и обобщен опыт субъектов Российской Федерации по организации раннего выявления нарушений прав ребенка, профилактической работы, внедрению современных эффективных услуг для семьи и детей. Совместно с органами исполнительной власти субъектов РФ проведены две межрегиональные конференции: в г. Томске (31 марта – 1 апреля 2009 г.) и в г. Петрозаводске (27 – 29 мая 2009 г.).

Во Всероссийской конференции приняли участие представители органов исполнительной и законодательной власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, ведущие ученые и эксперты в области социальной защиты детства, специалисты учреждений социального обслуживания, здравоохранения, образовательных организаций, бизнес-структур, некоммерческих организаций.

Участники Всероссийской конференции ознакомились с ходом реализации в субъектах Российской Федерации государственной политики в сфере защиты детства, передовым российским опытом в области профилактики жестокого обращения, насилия над детьми и последующей реабилитации детей, выявлению семейного неблагополучия и организации помощи, предупреждению социального сиротства.

По итогам обсуждения на пленарных и секционных заседаниях приняты настоящие рекомендации по совершенствованию нормативно-правовой базы и механизмов организации деятельности по защите прав детей.

1. Нормативно-правовое регулирование, межведомственное взаимодействие и организация деятельности в сфере профилактики жестокого обращения и последующей реабилитации детей

Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения

при поддержке

АДМИНИСТРАЦИИ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Всероссийская научно-практическая конференция

«РОССИЙСКАЯ СИСТЕМА ЗАЩИТЫ ДЕТСТВА: КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ОПЫТ, ПЕРСПЕКТИВЫ»

РЕЗОЛЮЦИЯ

Формирование полноценной системы защиты детства является одним из ключевых приоритетов социальной и демографической политики Российской Федерации.

Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым на совещании по вопросам борьбы с преступлениями против детей 16 марта 2009 г. поставлены задачи принятия системных мер в области совершенствования законодательства в сфере защиты детства; своевременного выявления семейного неблагополучия и усиления профилактики; реабилитации детей, пострадавших от жестокого обращения и насилия; соблюдения прав и законных интересов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, обеспечения безопасности детей.

Принятие решения об учреждении должности Уполномоченного по правам ребенка при Президенте Российской Федерации свидетельствует о признании особой важности защиты детства как сферы социальной жизни.

В Москве 15–16 сентября 2009 года состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Российская система защиты детства: ключевые проблемы, опыт, перспективы». Всероссийская конференция организована Национальным фондом защиты детей от жестокого обращения при поддержке Администрации Президента Российской Федерации в рамках социально значимого проекта «Слышать ребенка»,

От жестокого обращения и пренебрежения основными потребностями страдают дети, живущие в неблагополучных семьях. Родители, другие законные представители таких детей как сами допускают различные формы насилия и пренебрежения по отношению к своим детям, так и не обеспечивают должного контроля за ними, из-за чего дети становятся жертвами преступлений или сами совершают правонарушения. Развитие кризисной ситуации в таких семьях приводит к безнадзорности детей, росту числа лишений родительских прав, социальному сиротству.

В связи с этим приоритетное внимание должно уделяться раннему выявлению семейного неблагополучия на начальной стадии кризиса, организации по выявленным случаям скоординированной профилактической работы, оказанию семье комплексной помощи с целью восстановления ее способности обеспечивать соблюдение основных прав и законных интересов ребенка.

В субъектах Российской Федерации накоплен опыт нормативно-правового регулирования и организации деятельности по раннему выявлению нарушений прав ребенка и оказанию помощи на межведомственной основе. Вместе с тем, федеральное законодательство, определяющее полномочия, порядок деятельности и координации государственных органов, ответственных за защиту прав и законных интересов ребенка, имеет в данной области правового регулирования ряд пробелов, противоречивых норм, в ряде случаев – недостаточную определенность терминологии, что негативно сказывается на реализации системного подхода к защите прав детей, затрудняет объективный статистический анализ ситуации, препятствует внедрению апробированных эффективных технологий.

В частности:

- Отсутствует согласованный между различными правовыми актами унифицированный подход к определению категорий детей и семей, в отношении которых государство осуществляет меры по защите прав детей («дети в трудной жизненной ситуации», «дети (семьи) в социально опасном положении», «дети, нуждающиеся в помощи государства», «дети, оставшиеся без попечения родителей»).

- Для целей государственного статистического наблюдения не введены единые критерии фиксации случаев нарушения прав детей, жестокого обращения с детьми.
- В отличие от детально урегулированного федеральным законодательством порядка деятельности органов опеки и попечительства по устройству детей, уже оставшихся без попечения родителей, порядок принятия данными органами мер по защите прав и законных интересов ребенка при ведении профилактической работы, в том числе во взаимодействии с другими органами и учреждениями, не определен.
- Федеральное законодательство не предусматривает единого порядка подготовки плана по защите прав ребенка, не устанавливает общих требований к содержанию такого плана, что создает поле для межведомственной разобщенности.
- Не определена ответственность должностных лиц организаций и иных граждан за неисполнение установленных семейным законодательством обязанностей по предоставлению информации об угрозе жизни или здоровью ребенка, о нарушении его прав и законных интересов.

Участники конференции рекомендуют:

- Разработать и утвердить Концепцию развития нормативно-методического обеспечения деятельности в сфере защиты прав детей.
- Усовершенствовать правовую базу деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, в целях повышения эффективности работы данных органов.
- Законодательно закрепить унифицированный понятийный аппарат в сфере защиты прав детей, в том числе понятия «ребенок, нуждающийся в государственной защите», «жестокое обращение с ребенком», «прямая угроза жизни и здоровью ребенка», «ненадлежащее выполнение родительских обязанностей».
- Внести в Семейный кодекс РФ правовые нормы, определяющие статус детей, нуждающихся в государственной

защите и порядок принятия органами опеки и попечительства мер по защите их прав и законных интересов, уточнить правовые основания для отобрания ребенка из семьи.

- Внести в федеральное законодательство правовые нормы, устанавливающие единый порядок подготовки плана по защите прав ребенка, требования к содержанию такого плана как составную часть мер по защите прав детей.
- Предусмотреть ответственность должностных лиц организаций и иных граждан за неисполнение установленных семейным законодательством обязанностей по предоставлению информации об угрозе жизни или здоровью ребенка, о нарушении его прав и законных интересов.
- Провести унификацию статистической и иной отчетности по положению семей и детей.
- Наделить органы исполнительной власти субъектов РФ полномочиями по ведению региональных банков данных детей, нуждающихся в защите государства, и их семей. Установить регламент (порядок формирования и ведения) единых региональных и муниципальных межведомственных автоматизированных баз данных о детях, нуждающихся в защите государства.

2. Раннее выявление семейного неблагополучия и организации помощи семьям группы риска, развитие реабилитационных услуг для детей, пострадавших от жестокого обращения и пренебрежения и их семей

В субъектах Российской Федерации в последние годы накоплен значительный опыт внедрения эффективных технологий выявления и форм помощи детям и семьям групп риска на базе учреждений социального обслуживания, образовательных организаций, учреждений здравоохранения, культуры, по делам молодежи, некоммерческих организаций.

С целью распространения лучших практик, обеспечения потребностей семей и детей в необходимом количестве и качестве профилактической помощи, необходимо принятие мер

по развитию рынка услуг для семьи и детей, расширение круга поставщиков услуг через их стандартизацию, внедрение конкурсных механизмов финансирования, развитие кадрового потенциала для обеспечения необходимой квалификации служб и специалистов, работающих с семьей и детьми.

Участники конференции рекомендуют:

- Разработать в рамках системы национальных стандартов социального обслуживания национальные стандарты деятельности по реабилитации семьи и ребенка.
- Разработать и утвердить методические рекомендации по разработке региональных программ в сфере защиты детства, стандартов бюджетных услуг и административных регламентов в данной области. Рекомендовать субъектам РФ разработать минимальные стандарты качества бюджетных услуг по комплексной профилактике семей группы риска по социальному сиротству, опеке и попечительству, сопровождению замещающих семей.
- Ввести в перечень услуг, оказываемых учреждениями социального обслуживания семьи и детей, услуги по раннему выявлению и помощи семьям на ранних стадиях кризиса, а также по профилактике ранних отказов от детей.
- Нормативно закрепить социально-психологические услуги, оказываемые на базе медицинских учреждений (детских больниц, родильных домов, домов ребенка), на базе образовательных организаций.
- Нормативно закрепить социальный патронат как форму профилактической работы с семьей на ранней стадии трудной жизненной ситуации.
- Принять меры по развитию системы сопровождения выпускников интернатных учреждений, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.
- Рассмотреть вопрос об утверждении критериев и показателей оценки деятельности учреждений, работающих с семьей и детьми, критерии аттестации руководителей и специалистов, характеризующие участие и результаты деятельности в области защиты прав детей.

- Провести обучающие программы для широкого круга специалистов, работающих с детьми, посвященные выявлению жестокого обращения с детьми.
- Принять меры по организации системы постоянного методического (супервизорского) сопровождения специалистов системы профилактики.
- Расширить профили подготовки бакалавров социальной работы, разработать соответствующие программы подготовки специалистов и квалификационные характеристики.

3. Совершенствование уголовного и уголовно-процессуального законодательства по защите прав детей

Анализ уголовного и уголовно-процессуального законодательства по защите прав детей свидетельствует о том, что не в полной мере урегулированы вопросы профилактики преступлений против детей, жестких и значительных уголовных санкций, реабилитационной работы с потерпевшими детьми, компенсации причиненного вреда, а также последующего контроля за лицами, осужденными за преступления против детей и освобожденными из мест лишения свободы.

Участники конференции рекомендуют в целях обеспечения максимальной законодательной защиты несовершеннолетних от насилия, провести комплексный анализ национальной правовой системы в этой сфере, внести существенные изменения в ряд статей УК РФ, направленные на:

- законодательное закрепление понятия «детская порнография», «порнографические материалы или предметы с изображением несовершеннолетних»;
- усиление уголовной ответственности за все преступления, объектами которых выступают жизнь, здоровье, свобода, психическое состояние несовершеннолетних;
- усиление ответственности для лиц, судимых за ранее совершенные аналогичные преступления;

- изменение порядка участия несовершеннолетних потерпевших в уголовных процессах в части закрепления в качестве обязательных процессуальных фигур психолога и педагога с наделением их конкретными процессуальными правами и обязанностями;
- обеспечение действенных механизмов постоянного надзора за лицами, совершившими преступления сексуального характера против несовершеннолетних и освобожденными из мест лишения свободы.
- установить, что родители, опекуны, попечители или лица, на которых законом возложена обязанность по воспитанию несовершеннолетних, работники образовательных, воспитательных, лечебных учреждений, обязанные осуществлять надзор за несовершеннолетними, являются специальными субъектами преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних, с соответствующим повышением уголовной ответственности.

4. Обеспечение доступности экстренной психологической помощи детям и подросткам

Как показывает опыт субъектов Российской Федерации, функции раннего выявления нарушений прав ребенка могут выполнять службы экстренной психологической помощи детям и подросткам по телефону (телефоны доверия). Эти службы включаются в систему защиты детства, поскольку обращения детей сигнализируют как об их психологическом и социальном неблагополучии, так и о прямых нарушениях их прав. Телефоны доверия также становятся службами, в которые население обращается с целью сообщить о фактах жестокого обращения с детьми. Вместе с тем, в Российской Федерации не выстроена система контроля качества и повышения квалификации специалистов служб экстренной психологической помощи детям и подросткам по телефону.

В целях обеспечения доступности служб экстренной психологической помощи детям и подросткам по телефону для обращений детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, и взрослых по поводу случаев насилия и жестокого обращения с детьми необходимо, опираясь на рекомендации Коми-

Интервью

тата по правам ребенка ООН, выделить единый бесплатный трехзначный номер для службы детского Телефона доверия

Участники конференции рекомендуют:

- Принять меры по развитию сети служб экстренной психологической помощи по телефону (телефонов доверия) для детей и подростков во всех регионах Российской Федерации.
- Решить вопрос о выделении общероссийского короткого бесплатного телефонного номера для служб экстренной психологической помощи по телефону для детей и подростков.
- Принять меры по развитию многоуровневой системы повышения квалификации и профессиональной поддержки, методического (супервизорского) сопровождения специалистов, оказывающих экстренную психологическую помощь детям и подросткам по телефону.

Участники конференции выражают уверенность в том, что реализация предложенных рекомендаций послужит совершенствованию системы защиты детства в России.

Марина Гордеева,
председатель правления Фонда поддержки детей,
находящихся в трудной жизненной ситуации:

«Переосмысление системы, которая постоянно воспроизводит сама себя...»

- Марина Владимировна, возглавляемый вами фонд создан не так давно. Какие задачи поставлены перед вами?

Указ Президента РФ о создании Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, вышел в конце марта 2008 года, но полноценно мы начали работать с 1 октября прошлого года. Наш фонд не имеет аналогов. Его задача – продвигать реализацию в субъектах Федерации тех приоритетных направлений, которые определены правительством как наиболее значимые и требующие безотлагательного решения.

- Что имеется в виду?

Экономические успехи в предшествующие кризису годы привели к положительным сдвигам во многих областях, в том числе и в социальной сфере. Но остались участки, которые, к сожалению, не претерпели серьезных изменений. Поэтому мы определили три приоритетных направления деятельности Фонда. Первое направление касается профилактики семейного неблагополучия и социального сиротства, ведь количество детей-сирот не уменьшается. И здесь нужно выделить две задачи: сокращение притока социальных сирот и более успешная социализация сирот – деинституционализация, семейное устройство, развитие форм, альтернативных интернатному воспитанию. Все это требует системных изменений, а не только чьей-то доброй воли или понимания. Необходимо переосмыслить и изменить нынешнюю систему. Раннее выявление семейного неблагополучия, профилактика социального сиротства – это ключевые вещи. Некоторые положительные

сдвиги в этом направлении уже произошли, но до радикального перелома еще далеко.

Второе приоритетное направление деятельности Фонда – поддержка семей с детьми-инвалидами. А вот здесь нет никакой системы. Долгое время инвалидность была закрытой темой. Необходимо выстроить государственную систему поддержки, помощи, взаимодействия с семьей, воспитывающей ребенка-инвалида. Родителям таких детей должна быть понятна схема действий от самого рождения ребенка до его обучения и трудоустройства.

То же самое относится и к третьему направлению – социальная реабилитация детей, находящихся в конфликте с законом. Необходима четкая система вовлечения подростков, преступивших закон, в нормальное общество. Иначе их подхватит преступное сообщество.

В рамках вышеназванных трех приоритетных направлений работы Фонда проводятся конкурсы программ среди органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также конкурсы проектов, в ходе которых выявляются лучшие практики работы с этими категориями детей и семей. Многие проекты возникают не в государственной системе, а в некоммерческих и общественных организациях. Наша задача – поддерживать такие начинания.

- Вы им помогаете материально?

Для этого Фонд и существует. Наша задача – сформулировать проблему, провести конкурсный отбор и софинансировать победителей. На реализацию точечных проектов в рамках первого конкурса мы выделяли до 2 млн рублей сроком на 18 месяцев, сейчас сумма и сроки изменились: до 1 млн рублей на год на один проект. На комплексные программы предусмотрено до 50 млн рублей в год. На реализацию программ по одной из тем претенденты могут рассчитывать на получение до 10 млн рублей ежегодно. Но наше обязательное требование: 70% средств обеспечивает субъект Федерации, оставшиеся 30% – Фонд. По условиям нового конкурса, для дотационных регионов объем средств, выделяемых со стороны Фонда на реализацию программ, будет увеличен до 50%.

- О каких тематических программах идет речь?

В рамках каждого приоритетного направления разработаны свои программы. Например, по профилактике социального сиротства, кроме комплексной программы, существуют четыре тематических: профилактика отказов в родильных домах, подготовка замещающих семей, профилактика лишения родительских прав, профилактика жестокого обращения с детьми.

Профилактика жестокого обращения с детьми – это новая программа, сформированная по поручению администрации президента по итогам заседания Совета Безопасности. Есть и поручение премьер-министра о проведении в следующем году общенациональной информационной кампании против жестокого обращения с детьми.

- Какова суть программы профилактики жестокого обращения с детьми?

Первое направление – раннее выявление групп риска, предупреждение жестокого обращения. Второе – организация реабилитации жертв жестокого обращения. Третье направление – подготовка кадров для этой программы. Четвертое – формирование общественного мнения по этому вопросу.

- А много желающих получить ваши гранты?

Со стороны организаций интерес очень большой. На предыдущий конкурс было подано около 2 тыс. заявок. Из них подавляющее большинство – из регионов. Участвовали 76 субъектов РФ, 193 проекта прошли конкурс и получили наше финансирование.

- Получается около десяти организаций на место.

Нет, у нас не было денежного лимитирования, дефицита средств. Был, судя по всему, дефицит качества программ и финансового обоснования. Мало кто из победителей получил софинансирование по максимуму. Во-первых, у региональных организаций не хватает опыта участия в грантовых конкурсах. Во-вторых, не изжилося и понятие «Проси больше, получишь меньше».

- Все ваши приоритетные направления касаются раннего предупреждения...

Не просто касаются, мы считаем, что только такой подход дает перспективу изменения ситуации в благоприятную сторону. Здесь нужна последовательность и планомерность. И изменение отношения к детям в трудной жизненной ситуации. Это обязательное условие для всех трех целевых групп, с которыми работает Фонд. Пока общество не готово к такому повороту. Например, в школах не хотят, чтобы дети учились вместе с сиротами, инвалидами и малолетними правонарушителями. Поэтому и с населением надо работать, менять отношение в обществе к таким детям.

- Сколько времени понадобится на перелом ситуации?

Все проблемы надо решать в комплексе, ни одна из мер не способна решить общую задачу. Например, изменить интернатную систему можно за 3–5 лет. Ее модернизацию надо проводить планомерно, последовательно и достаточно быстро. Но быстро – не значит формально. Никто не говорит, что надо закрыть все детские дома. Детский дом – это средство. Если в них не будут воспитанников, они сами закроются.

Статус «сироты» возникает в основном в суде. Конечно, есть случаи смерти родителей, но их не так много. Это не означает, что нужно совсем отказаться от такой меры, как лишение родительских прав. Те, кого их лишают, чаще всего уже человеческий облик потеряли. Вопрос в том, что деградация не сразу происходит. Поэтому так важны раннее обнаружение семейного неблагополучия и его профилактика.

Людмила Эфтимович,
начальник департамента по вопросам семьи и детей
администрации Томской области

«Наша задача – мягко реформировать систему»

- Людмила Евгеньевна, как вам удалось добиться создания в администрации области специального департамента, занимающегося проблемами семьи и детей?

Наш департамент был создан в 2007 году. Проблемами детства я занимаюсь давно, с конца 1991 года. Потом я возглавила

областное управление по социальной защите населения, но по предложению губернатора Томской области Виктора Кресса продолжала заниматься проблемами детей, хотя, конечно, не в том объеме, как раньше. Для социально-реабилитационных центров я тогда ввела новый показатель: если из такого центра ребенок попадает в детский дом – это никуда не годится, он должен быть возвращен или в кровную семью, или в замещающую.

Я понимала, что у нас в этой системе что-то не так. Стали искать источники детского неблагополучия в целом. Из этого поиска постепенно выросло понимание: если семья неблагополучная, то, как правило, и ребенок неблагополучен. Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения, который стал работать в области с 2000 года, поддержал нашу работу. Сосредоточились на этом направлении. Изучали зарубежный опыт, готовили и переучивали специалистов.

- А когда возникла идея создания департамента?

Идея создания отдельной структуры, которая занималась бы вопросами семьи и детей, родилась, еще когда наша команда работала в управлении по соцзащите. Мы поняли, что нужно собрать в новую структуру все социальные учреждения, в том числе реабилитационные центры и детские дома. Детский дом – по сути это ведь не образовательное учреждение, а учреждение социального воспитания, поэтому логично, когда оно находится в социальной среде. Когда же детский дом числится в системе образования, то возникает масса ведомственных ограничений, которые не дают ему реформироваться и более качественно выполнять свои функции.

В результате мы пришли к идее создания отдельного департамента. Его цели – формирование региональной семейной политики и, в частности, системная профилактика социального сиротства. Проблема неблагополучных семей и детей касается всего общества, поэтому косвенно мы работаем и на благо обычной семьи. Наша задача – сокращать места в стационарных учреждениях, и освобождаемые средства (а ребенок бюджету очень дорого обходится) перераспределять на предоставление услуг семьям. Так социальными услугами мы помогаем большему количеству нуждающихся семей.

А сейчас работаем с семьями на ранней стадии, и значительно сократилось число изъятий детей из семей. Стационарные места в приютах сокращаем за ненадобностью».

Некоторые большие чиновники понимают необходимость ранней профилактики только после того, как покажешь им цифры. Содержание одного ребенка в государственном учреждении стоит около 300 тыс. рублей в год, в доме ребенка – более 400 тыс., в приюте – 250 тыс., в замещающей семье – порядка 125 тыс., а профилактика – всего 7–8 тыс. рублей в год. И когда рассказываю, сколько детских домов мы могли бы создать, но не создали, потому что дети остались в семьях, тогда на нашу работу по-другому уже смотрят. Надеемся, что произойдет какой-то переворот в головах чиновников, ответственных за эту проблему, и коллег, которые работают по старинке.

- Судя по вашим словам, в Томской области он фактически уже происходит.

Да, хотя проблем, конечно, хватает. Например, со специалистами. Людей надо подбирать по призванию и учить их. У нас до конца этого года свыше 400 человек пройдут обучение на курсах повышения квалификации, тренингах, семинарах.

Мы учим бесплатно на деньги из нашего бюджета и Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Считаем необходимым, чтобы все специалисты прошли через систему обучающих семинаров. Кроме того, у нас идет работа над подготовкой серии методических пособий, чтобы у практического работника всегда была под рукой нужная информация. И чтобы он знал, к кому может в случае необходимости обратиться за профессиональной поддержкой и консультацией. Это так называемая система супервизии. Но как только в области появляются подготовленные специалисты, их тут же переманивают на другую работу, в более престижные и оплачиваемые службы.

- А что будет с детскими домами в Томской области?

Детские дома мы пытаемся переделать в универсальные учреждения. Они, конечно, останутся, но в новом качестве: будут работать на профилактику и оказывать услуги семье. Наша задача – мягко реформировать эту систему.

Проанализировав ситуацию, мы решили, что надо плотнее работать с кровными семьями. Но как работать, если родителей порой и трезвыми-то заставить нельзя? Поэтому необходимо выявлять семейное неблагополучие на ранней стадии. А для этого нужны критерии оценки, профессиональные подходы, а значит, специально обученные люди. В таком случае и результат будет получен быстрее. Ведь раннее выявление и более продуктивно, и более экономично.

- Безусловно. Но для этого нужны новые регламентирующие документы...

В Томской области уже принят соответствующий нормативный документ о межведомственном взаимодействии, в котором говорится о раннем выявлении семейного и детского неблагополучия и этапах работы с такими семьями, в которую включены органы образования, соцзащиты, здравоохранения, опеки, управление внутренних дел, комиссии по делам несовершеннолетних...

Благодаря Фонду поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, при нашем департаменте мы создали учебно-методический центр. Уже разработали схему работы со случаем.

- Как работает этот алгоритм?

В схеме указаны обязательные сроки исполнения. Передать информацию в течение двух часов или двух дней – иногда это принципиально важно. Когда открываем случай, назначаем куратора. Он составляет программу реабилитации семьи. Настоятельно рекомендуем заключить контракт с семьей, в котором прописаны обязанности сторон, особенно ответственность семьи. Семья должна быть субъектом, а не объектом. Надо максимально возбудить активность семьи и ее ответственность за саму себя. Это главная наша задача. Когда это удастся, то и результат получается более быстрый, эффективный и стабильный.

- За два года работы департамента ситуация в области как-то изменилась?

Я не буду делать выводов, просто приведу пример. 1 сентября ездила в Асиновский район, зашла в приют. Директор мне говорит: «Знаете, еще в прошлом году были тяжелые случаи.

Рифкат Мухамедрахимов,
доктор психологических наук, профессор, заведующий
кафедрой социальной адаптации и психологической
коррекции личности факультета психологии
Санкт-Петербургского государственного университета

«Смотрим, но не видим»

- Рифкат Жаудатович, как вы определяете понятие «раннее выявление жестокого обращения с детьми»?

Для меня это обнаружение наиболее ранних проявлений нарушения родительского поведения, включающих как пренебрежение потребностями развития ребенка младенческого и раннего возрастов (например, когда ребенок хочет есть, спать или проявляет инициативу и желание взаимодействовать), так и более серьезные нарушения, связанные с жестоким обращением и насилием. Я сторонник того, чтобы следить за взаимодействием родителей и ребенка с первых месяцев его жизни. Профессионалы, имеющие возможность посещать семью, например, в случае опеки или попечительства, должны быть специально обучены, чтобы заметить не только проявления насилия и жестокого обращения, но и моменты, которые в будущем могут к ним привести. Это чаще всего проявляется в пренебрежении потребностями ребенка, когда он совсем маленький: например, родители долго не подходят к малышу, когда он плачет, плохо кормят его или не меняют пеленки, оставляют дома одного или с другими детьми, которые не могут за ним ухаживать.

- Некоторые специалисты говорят, что нет научных методов, на которые можно опираться в подобных случаях.

Во-первых, чтобы увидеть проявления раннего пренебрежения, не обязательно знать специальные методики, однако нужно овладеть навыками наблюдения за ребенком и родителями в естественном для них окружении и быть чувствительным к фактам пренебрежения. Во-вторых, такие методики есть. Например, существуют методы видеонаблюдения за игрой мамы и ребенка в специальной ситуации. Запись можно делать в службах ранней помощи либо в лекотеках – библиотеках игрушек для детей. Достаточно всего трех-пяти

минут, чтобы на основе этой видеозаписи понять особенности поведения как матери, так и ребенка. Есть специальные маркеры, которые позволяют понять, какой опыт проявляет ребенок во время этой игры. Мама может стараться быть хорошей, но ребенок не умеет притворяться. Он общается с мамой, исходя из своего опыта, и он знает, чего можно от нее ожидать. Что бы она ни делала в этой ситуации, ребенок будет вести себя в соответствии со своим опытом общения с ней, со своими знаниями о том, какая мама на самом деле, дома, в повседневной жизни. Например, мама подходит к ребенку, а он осторожничает или даже отходит от нее, не отвечает на вопросы или приглашения мамы либо подчиняется ее желаниям, но не проявляет инициативы, делает то, что надо не ему, а маме... Все эти реакции точно демонстрируют: в этой семье что-то не так. В таких случаях я бы рекомендовал обращать внимание на состояние кожного покрова ребенка. Если есть синяки или ссадины, то тогда совершенно точно: кроме пренебрежения его нуждами, налицо факт жестокого обращения.

- Но не всегда существует возможность снять на видео маму с ребенком. Она, например, может с полным правом отказать от подобных съемок. Есть ли какие-то более простые научные методы?

Конечно. Можно просто понаблюдать за детьми и взрослыми. Главное – знать, на что нужно обращать внимание. Самые важные моменты, по которым можно определить взаимоотношения взрослого и ребенка, связаны с кормлением, переодеванием, купанием. Надо смотреть, как взрослый берет ребенка – лицом к себе или спиной, оценить качество прикосновений. Например, в домах ребенка это очень жесткие движения. С моей точки зрения, это моменты жестокого обращения, реальное вторжение в физическое пространство ребенка с активными болезненными действиями. Даже если вас не пустят в комнату, где детей моют или умывают, можно определить их состояние по тому, как они себя чувствуют, когда их туда несут. Если ребенок сжался в ожидании процедуры, то можно понять, что с ним происходит. И уже не важно, где вы это наблюдаете, в доме ребенка или семье.

медсестры, врачи детских поликлиник, социальные работники, специалисты, посещающие группы проживания детей в домах ребенка. Соответственно, необходимо организовывать курсы повышения квалификации.

Я активно общаюсь с коллегами из-за рубежа и знаю, что в мире существуют модели программ раннего обнаружения фактов жестокого обращения и насилия над детьми и междисциплинарного сопровождения детей и семей, которые можно использовать. И не надо говорить о том, что у нас особое общество, особый менталитет – пренебрежение, жестокое обращение и насилие одинаково влияют на детей вне зависимости от того, в какой стране они живут и представителями какой национальности являются.

Например, в Новом Орлеане (США) с начала 1990-х годов работает программа выявления фактов жестокого обращения и насилия с последующей профессиональной работой как с детьми, так и с их родителями и другими членами семьи (Violence intervention program). В этой программе очень хорошо отработан алгоритм раннего обнаружения насилия, диагностики состояния детей и особенностей их взаимодействия с родителями с последующим сопровождением ребенка и семьи. Это очень хорошо организованная междисциплинарная работа, в которой принимают участие социальные работники, психологи, психиатры, полицейские, юристы. Когда программа создавалась, в Новом Орлеане была очень сложная криминогенная обстановка. Условия жизни детей и семей в российском обществе значительно тяжелее, пренебрежение потребностями ребенка и насилие часто встречается в наших семьях, так что разработанная американскими коллегами модель могла бы показать свою эффективность в России. То есть, существуют методики, позволяющие выявить пренебрежение к нуждам ребенка или жестокое обращение на раннем этапе, и существуют программы, моделирующие эффективную междисциплинарную работу профессионалов с такими случаями. Необходимо повышать чувствительность общества к этой теме, законодательно регулировать, финансировать и организовывать для детей и семей такие междисципли-

Но для того, чтобы это увидеть, чтобы быть чувствительным к изменяющемуся состоянию и поведению ребенка, необходимо пройти несколько этапов обучения. И сам процесс обучения должен включать супервизию – сопровождение обучаемого человека, верификацию результатов его наблюдения. То ли он видит? Не его ли это фантазии? То есть определить степень совпадения результатов наблюдения обучаемого и эксперта-супервизора.

С точки зрения раннего выявления нарушения родительского поведения и угрозы психическому и физическому благополучию ребенка можно выделить несколько ступеней обучения. Первая ступень – обучение скринингу, когда вы по результатам наблюдения за ребенком и родителем определяете, есть в этой семье пренебрежение к нуждам ребенка и риск проявления жестокого обращения или нет.

- Кто должен проводить это выявление?

Любой специалист, который по служебным обязанностям приходит в семью, должен обладать такими знаниями. Сюда входит оценка общей обстановки в доме, а также есть ли у ребенка свое пространство, свой уголок, переодет ребенок или нет, сыт или голоден... Очень простые вещи. И сейчас медсестры или врачи видят это, однако мало обращают на это внимания, не думают о том, что такие проявления являются свидетельством пренебрежения потребностями ребенка, могут сопровождаться или быть предвестниками жестокого обращения и насилия, просто эту информацию нигде не фиксируют и никуда не передают.

В случае выявления факторов риска за скринингом наступает этап психологического обследования: как мама разговаривает с ребенком, как ведет себя ребенок в присутствии матери, во взаимодействии или во время кратковременного (до трех минут) разлучения с ней. Процесс обучения достаточно долгий, но я бы приветствовал распространение этого опыта.

- Каким образом его можно распространять?

Прежде всего, необходимо определить целевую аудиторию, то есть тех, кто должен овладеть этими знаниями. Это

нарные программы. Чем раньше будет выявлено жестокое обращение или риск жестокого обращения с последующим включением ребенка и семьи в программу сопровождения, тем лучше это отразится на психическом здоровье и развитии личности ребенка.

Психологи, работающие в области раннего социально-эмоционального развития личности, точно знают, что в течение первого года жизни формируются такой опыт и такие социальные стратегии поведения ребенка, которые он потом использует в течение всей своей жизни. Это базовый социально-эмоциональный опыт, ядро развития личности. Эффективнее заниматься профилактикой нарушений развития, поскольку для того чтобы изменить уже сложившийся опыт и модели социального поведения ребенка, впоследствии нужно будет приложить значительно больше усилий.

- Сегодня в нашей стране тоже уже начали заниматься ранним предупреждением насилия...

То, что сейчас происходит в нашем обществе, – скорее, осознание актуальности темы, важности недопущения жестокого обращения и насилия над детьми в целом. Это понимание необходимости раннего выявления фактов жестокого обращения и насилия и профессионального сопровождения ребенка. По моему мнению, дополнительно к этому необходимо обратить особое внимание на раннее выявление и предупреждение жестокого обращения и насилия над детьми в первые месяцы и годы жизни. Это очень важная задача с точки зрения обеспечения ребенку возможности здорового психического развития в эмоционально и физически безопасном семейном окружении, формирования базы для оптимального личностного развития и последующего полноценного функционирования в обществе.

А вообще, пренебрежение потребностями ребенка, особенно эмоциональными, часто встречается в наших семьях. Как и насилие.

Сергей Борзов,

вице-президент Благотворительного фонда «Новое развитие», врач-психотерапевт, тренер Национального фонда защиты детей от жестокого обращения

«Бить нельзя, но иногда можно...»

- Сергей Петрович, как вы оцениваете ситуацию с ранним предупреждением жестокого обращения с детьми?

Ситуация получается парадоксальная, с двойным дном – за внешней очевидностью и отсутствием противоречий скрывается очень много трудностей. Казалось бы, все против жестокого обращения с детьми и все за раннее выявление таких случаев: чего тут говорить, чему учиться, надо список почетче и приказ по жесточе. Однако на наших семинарах выясняется, что около половины людей допускают для себя особые ситуации, в которых возможно применение физического воздействия на детей. То есть, в принципе бить нельзя, но в каких-то случаях мне можно. И многим невдомек, что так же думает и родитель-алкоголик. Разница в том, что у педагога такой случай – один на тысячу, а у родителя-алкоголика – каждый третий. А мораль одна – «в исключительных случаях можно». Налицо общая терпимость к жестокому обращению с детьми как форме наказания.

- Кого вы обучаете на тренингах, родителей или специалистов?

Специалистов, которые профессионально защищают детей. Прежде всего, мы устраиваем дискуссии: можно бить детей или нет? И даже эта аудитория делится пополам. Практически везде, начиная с Хабаровска и заканчивая Тамбовом, примерно половина отвечает: в некоторых случаях бить можно.

Как тренер Национального фонда я работаю не только у себя в Томске, но и в Хабаровске, Тамбове, Барнауле, Бурятии и других регионах. Реакция везде одинаковая. И когда спрашиваешь – значит, если ты не понимаешь, я могу ударить тебя? – люди испытывают шок: на себя они ситуацию не проециру-

ют. Они считают, что наказывают ребенка за то, что тот плохо себя ведет. И никак не связывают насилие с собственной беспомощностью, неумением донести до ребенка свои требования. 95% родителей бьют своих детей не от злобы, а от беспомощности.

Кроме того, много времени мы уделяем последствиям жестокого обращения. Почему это нельзя делать? Потому что ребенок поймет, что любимый человек может бить любимого человека, что нельзя быть слабым рядом с любимым человеком. Если это превращается в стратегию, то ребенок вырастет таким же, как его родители. Опасность в том, что насилие очень сильно действует на личность ребенка. Там, где регулярно применяются физические наказания, которые очень часто сопровождаются психологическим давлением, вырастает неуверенный в себе человек. И ему всю жизнь придется постоянно доказывать себе и окружающим, что он сильный. Как правило, способы доказательства выбираются тоже насильственные.

- Кстати, жестокое обращение предполагает только физическое воздействие или еще и моральное давление?

Это еще одна сложность. У нас пока под жестоким обращением понимают самый крайний его предел – практически нанесение увечий. Есть определение этого предела. А вот грань между неэффективным педагогическим приемом и собственно насилием размыта, туманна и очень зависит от позиции государства. Допустим, в скандинавских странах запрещено любое физическое наказание. И общество это принимает. В Соединенных Штатах нельзя оставлять ребенка одного в машине. А у нас нормативно нельзя только жестоко избивать, все остальное размыто.

С другой стороны, это плюс, потому что разрешено то, что не запрещено. И в тех регионах, где мы проводим тренинги и семинары, мы говорим, что есть возможность прописать в местном законе то, что мы понимаем под жестоким обращением. И предлагаем свое толкование. Жестокое обращение – это три формы насилия: физическое, сексуальное, психологическое (эмоциональное) плюс пренебрежение нуждами. Избили ребенка или не кормили сутки – вред очевиден в обоих случаях.

- Еще что вы практикуете на тренингах?

Особое внимание уделяем формированию профессиональной позиции. Когда только начинали работать, думали, что по раннему выявлению поработаем с аудиторией пару дней, и все будет в порядке. Оказалось, что это одна из самых сложных тем. На нее уходит полгода-год при систематической работе. Зато потом происходят фантастические вещи. Когда меняется отношение специалистов к жестокому обращению, меняется и их отношение к окружающим. У профессионалов вырабатывается особая внимательность, способствующая именно раннему выявлению детского неблагополучия. Как у разведчика: он вроде бы специально и не смотрит, но постоянно держит ситуацию под контролем, уделяя внимание, казалось бы, незначительным мелочам.

А в результате коренным образом меняется отношение к детям. Меняется отношение к наказанию и жестокому обращению, формируется профессиональная позиция – бить нельзя. Появляется понимание того, что ранее выявление – это не признак социального неблагополучия, а признак педагогических проблем и усталости.

Например, у воспитателей одного из детских садов в Комсомольске-на-Амуре после наших тренингов изменилось отношение к детям. Как рассказывали сами воспитатели, после этого изменилось и отношение родителей к воспитателям. Родители сразу же почувствовали, что к их детям относятся по-другому. Появился контакт между родителями и воспитателями, а вместе с ним – и возможность спокойно и доброжелательно обсуждать те или иные проблемы, которые стали решаться быстрее и эффективнее, в том числе и по раннему выявлению фактов неблагополучия. Директор детсада сказала, что работать после тренингов стало сложнее, но интереснее.

- Есть ли уже устойчивые признаки развития системы раннего выявления?

Безусловно. Если три-четыре года назад мы с коллегами обсуждали ситуацию в общем – мол, нужно быть гуманистами, то сейчас обсуждаем уже конкретные результаты. Если тогда ранее выявление жестокого обращения с детьми было фантастикой, то сегодня это реальность.

Такой подход будет развиваться вширь, потому что жестокое обращение приводит к социальной дезадаптации и семей, и детей. А социальная дезадаптация ведет к тому, что семьи рушатся. Государству это невыгодно, особенно в нынешних условиях. Так что это долговременная политика.

Требования профилактики приводят к борьбе с жестоким обращением. А поскольку власти страны говорят про качественные показатели, практика раннего предупреждения будет развиваться и вглубь.

- То есть государство поддерживает практику раннего предупреждения жестокого обращения с детьми?

Однозначно! Уже есть стратегические линии, поскольку и Путин, и Медведев говорили, что главное в этой работе – профилактика, сохранение для ребенка кровной семьи, прекращение жестокого обращения. Не зря уже назначили федерального уполномоченного по правам ребенка. Такие политические сигналы свидетельствуют о серьезности подхода к решению этой проблемы.

В регионах сейчас главная сложность заключается в пресловутой чиновничьей исполнительности: завтра сделаем! Но мы знаем, что невозможно из старой формы отлить новое содержание. Поэтому кое-где начинается профанация. На начальных этапах в каких-то регионах этого, к сожалению, не избежать. Но, с другой стороны, симуляция деятельности на местах позволит увидеть слабые места в формирующейся системе раннего выявления жестокого обращения с детьми.

Евгений Цымбал,
руководитель Центра психолого-медико-социального
сопровождения «ОЗОН»

«Время лечит – это очень опасная идея»

- Евгений Иосифович, что такое раннее предупреждение жестокого обращения с детьми?

Традиционно под ранним вмешательством подразумевают психологическую, медицинскую, педагогическую коррекцию

детей первых лет жизни, по возможности первого года жизни. Чем меньше ребенок, тем эффективнее можно устранить существующие нарушения за счет естественной пластичности головного мозга и всего организма. Поэтому под ранним вмешательством применительно к случаям жестокого обращения с детьми я понимаю оказание психологической помощи детям, которые пострадали от тех или иных форм насилия. Это позволит в дальнейшем предотвратить возможность развития у них поведенческих нарушений, которые, когда эти дети станут взрослыми и у них будут собственные семьи, они могут воспроизводить. Это первое направление раннего вмешательства.

Вторым направлением является усугубление конфликта при расторжении брака. Развод так или иначе связан с конфликтными отношениями между супругами, без этого не расходятся. Конфликт может распространяться с супружеских отношений на родительские. Несмотря на то, что люди перестали быть супругами, родителями они остались. Многие этого не понимают и пытаются использовать ребенка как средство воздействия на другого супруга. И здесь наши возможности ограничены, потому что к нам обращаются люди, которые за время совместной жизни не смогли найти компромисс. Они уже побывали в органах опеки, они уже обратились в суд. И у них нет понимания того, что надо искать компромисс – не в плане восстановления своих отношений, а для того, чтобы договориться о том, как они будут выполнять свою родительскую функцию.

Мы вынуждены наблюдать динамику развития семейного конфликта и видим интересные вещи. Когда в наш центр приводят детей в первые 3–4 месяца после расторжения брака, практически каждый ребенок, даже имея претензии к одному из родителей, все равно высказывается за восстановление семьи. Поэтому родители должны понять, что первые месяцы после расторжения брака должны быть направлены не на устройство своей личной жизни, а на выработку соглашения о дальнейшем воспитании ребенка.

- Ваш центр ведет работу с такими семьями, с такими детьми?

Психологическая деятельность нормативными органами практически не регулируется. Психолог в системе образования действует по законам образования, в системе здравоохранения – по законам здравоохранения.

В психологических центрах системы образования основанием для обращения является личное заявление законных представителей. Семейное законодательство дает право детям с 14 лет обращаться в органы опеки и суд с жалобой на родителей (что бывает, но крайне редко), но не дает им права самостоятельно обращаться за психологической помощью. Из-за этого мы оказываемся ограничены волею родителей. А воля родителей – это их понимание ситуации. Если это семейный конфликт, душевная травма несколько дезорганизует психологическое состояние человека. Многие проблемы им не осознаются, и причины ему непонятны. Из-за этого, как правило, люди приходят к нам только для того, чтобы получить документ о состоянии ребенка. А они должны приходиться к психологу за тем, чтобы попытаться решить ситуацию.

К нам обращаются родители, а также руководство окружного управления образования в случае конфликтов в образовательных учреждениях. И наша задача – провести психологическое обследование класса и выявить те обстоятельства, которые привели к конфликту. Так же, как и в семейной жизни, конфликт в образовательном учреждении долго тлеет, его стараются не замечать, потом вдруг оказывается все плохо. И эта внешняя острота скрывает причины. А без выявления причин невозможно принять эффективные меры по устранению конфликта.

- Вы занимаетесь научными разработками?

Ни в коем случае. Результатом научной разработки является статья. Мы же занимаемся практической работой и инновационными разработками. Мы пытаемся искать новые и более эффективные решения существующих проблем. Мы работаем для того, чтобы помочь конкретному человеку, конкретному следователю, школе. Такие ситуации регулярны, поскольку количество преступлений в отношении детей хотя и несколько сокращается, но все равно остается очень большим.

- Как вы продвигаете свои идеи?

Мы не можем делать рекламу, поэтому свои идеи мы высказываем в СМИ. Меня часто приглашают на разные программы, где я пытаюсь доводить наши идеи до населения. Но этим нельзя ограничиваться. И учителя, и врачи, и работники социальных служб, которые сталкиваются с семьей, должны объяснять людям, что раннее обращение за психологической помощью способно предотвратить многие сложные проблемы, которые их ожидают в случае эскалации конфликта. Идея о том, что время лечит, что все забудется, – это очень опасная идея.

Степень психологической безграмотности нашего населения очень велика. Должна быть более широкая программа психологического всеобщего образования, направленная на формирование представления взрослых о психологическом мире ребенка, о том, как он реагирует на сложные ситуации. Даже педагоги не всегда обладают необходимыми знаниями, например, учителя начальных классов говорят: я ставлю тебе двойку не потому, что ты написал на двойку, а потому, что можешь учиться лучше. Они считают, что плохая оценка – это лучший стимул. И это говорят люди, которых профессионально готовили к работе с детьми.

- Недавно президент подписал указ о создании федеральной службы уполномоченного по правам ребенка. Это как-то улучшит ситуацию?

Очевидный факт: защита прав детей – это не кампания, а государственная позиция. Но для того, чтобы защищать детей, надо понимать их состояние. Поэтому в каждом субъекте Федерации должен быть как минимум один психологический центр, который бы специализировался на такой работе.

Такие центры должны быть государственными, как наш. Негосударственные учреждения вынуждены искать финансирование, и это приводит к тому, что обслуживается тот заказчик, который готов заплатить. Я не раз сталкивался с заключениями частных психологов, которые представляли ситуацию исключительно в интересах клиента. Это вещь недопустимая. Суды и опека привыкли верить специалистам. Но доверие может оказаться опасным, если оно будет продиктовано корист-

ными целями. Мы готовы помочь в создании таких центров. Мы долго набивали шишки, и сегодня можем предупредить коллег о подводных камнях в этой сложной работе.

Максим Костенко,
*заместитель начальника главного управления
Алтайского края по социальной защите населения
и преодолению последствий ядерных испытаний на
Семипалатинском полигоне*

«Вектор развития: профилактика, реабилитация и межведомственная координация действий»

- Максим Александрович, ваш край считается одним из лучших по раннему выявлению случаев жестокого обращения с детьми. Как вам это удалось?

В рамках сотрудничества с Национальным фондом защиты детей от жестокого обращения мы приняли за основу их идеологическую концепцию, связанную с тем, что раннее выявление сопряжено с работой со случаями. Такой подход обеспечивает максимально детализированную, адресную, лично ориентированную помощь в каждой конкретной ситуации, а также планирование комплексной межведомственной помощи семьям: психологической, юридической, материальной.

В этой связи у нас на базе муниципальных образований, в частности, в одном из районов Барнаула, а также в райцентре Рубцовске создается система межведомственного взаимодействия.

Как известно, самая большая проблема – межведомственная разобщенность. Чтобы ее преодолеть, мы решили начать работу не с района, а с микрорайона и взяли микрорайон Матросовский Железнодорожного района Барнаула.

В нем определили учреждения, которые согласно Федеральному закону № 120 являются субъектами: школы, учреждения социального обслуживания. Так получилось, что и телефон доверия, который работает на базе одного из кризисных центров, тоже находится на территории Матросовского микрорайона.

И после этого начали искать общий знаменатель понимания друг друга. Сначала на уровне ценностей в отношении проблемы профилактики сиротства, потом на уровне технологий. Это началось с собраний, совещаний, с представления каждой структурой отрасли своих ресурсов и способов решения проблемы. Перед началом объединения размежевание достигло высшей точки. Когда эту точку прошли, тогда стала возможной выработка единого понимания и видения. А после этого начали выстраивать образовательную систему межведомственных специалистов, которые умели работать со случаем.

В результате мы внедрили принципиально новые институты – институты специальной профилактики. Они созданы на базе существующих ресурсов, в них работают те же самые специалисты. Только инструменты для социальной работы с семьей у них новые.

- Откуда они их взяли?

Это как раз та модель, которую предлагает Национальный фонд. Работа со случаем позволила нам ввести куратора случая. Это социальные педагоги в школах, специалисты в социальных службах и в ТОСах – территориальных общественных самоуправлениях. Эти люди были обучены, и сегодня именно они в основном отслеживают социальную динамику в неблагополучных семьях. При этом они получают задания от комиссии по делам несовершеннолетних. В этом одно из отличий от той модели, которую Нацфонд предлагает для субъектов: у нас ключевую роль, как это указано в ФЗ-120, играет районная комиссия по делам несовершеннолетних (КДН).

- Как вы выявляете неблагополучных?

Прежде всего, это массовое информирование населения, связанное с телефоном доверия. Также о первичных случаях жестокого обращения с детьми и пренебрежения их нуждами сообщают специально обученные сотрудники образовательных учреждений, в первую очередь школ, детских поликлиник и социальных служб. Заведен единый для всех документ – сигнальный лист. Этот документ утвердила районная комиссия по делам несовершеннолетних, и он является обязательной административной формой.

Комиссия сортирует случаи по степени опасности. После этого начинается действие другого нормативного акта, который у нас в крае принят еще в 2007 году, – это алгоритм межведомственного оперативного взаимодействия на случай жестокого обращения или нарушения прав ребенка. Документ утвержден краевой комиссией и предписывает в течение суток определить степень опасности, в течение трех суток организовать выезд на дом межведомственной команды, в том числе представителей органов внутренних дел. В течение пяти дней в КДН поступает заключение межведомственной комиссии по конкретному случаю. Иногда это бывает наговор или глупая шутка, а если на самом деле имело место жестокое обращение, то в заключении определяется степень опасности.

Затем случай поступает на рассмотрение в КДН, и комиссия назначает куратора. Куратор разрабатывает план, заключает договор совместных обязательств с родителями: пойти на биржу труда, бросить пить, закодироваться...

У нас введен еще один новый институт – территориальный консилиум. КДН – это административный орган, который принимает административное решение. А в состав территориального консилиума входят профессионалы: психолог, юрист, социальный работник. Они планируют мероприятия, необходимые для вывода конкретной семьи из тяжелой ситуации. План утверждается постановлением КДН и обязателен для исполнения. И семья из поля зрения не уходит. После выполнения плана принимается решение либо о прекращении, либо о продолжении работы с этой семьей.

- Насколько эффективна эта система по сравнению со старыми методами?

По этой модели мы работаем всего два года. Естественно, должно пройти время, когда она станет традиционной, пока она инновационная. Другой момент, связанный с переходом на эту модель, – растет количество выявленных случаев. Это плохо для статистики. Но мы ожидаем в будущем большой экономии средств – раньше выявишь неблагополучие, больше сэкономишь денег. Ребенок уже не попадет в детский дом или приют.

Получается, что работа стала более осмысленной, с когнитивного уровня она перешла на поведенческий. Это можно сравнить с вождением автомобиля. Сначала учишь правила и едешь неуверенно. И нужна только практика, чтобы знания перешли в поведенческий навык. И здесь происходит то же самое. Когнитивный компонент, то есть понимание общего видения, разделение ценностей, формирование мировоззрения, переходит на поведенческий уровень. Как следствие, уже сегодня сокращается эффект эмоционального «выгорания» специалиста, люди видят отдачу. Потому что есть конкретные случаи, которые пока статистически не значимы, но качественно отражают эффект твоей работы. Люди поверили, что польза есть. А специалисты, которые вовлечены в эту модель, начинают позитивно мыслить.

- Какие перспективы у этой работы?

Сегодня главной задачей для всех должно стать раннее выявление случаев жестокого обращения с детьми. Детский дом заботится о том, чтобы ребенку было там хорошо. И это правильно. Но есть другая забота – чтобы ребенок как можно меньше находился в детском доме, чтобы он скорее попал в семью. Эта ценность, которую нужно формировать и поддерживать всеми способами: политическими, нормативными, финансовыми.

Хорошо, что этот вопрос сегодня поднимают на самом высоком уровне. Президент Медведев в своем выступлении 16 марта этого года на совещании по вопросам борьбы с преступлениями против детей отметил, что системы нет, и четко обозначил вектор развития: профилактика, реабилитация и межведомственная координация действий.

Такие заявления дают возможность действовать: не я, Костенко, говорю, что система плохая, это Дмитрий Анатольевич сказал. После таких слов политики на местах начинают действовать.

